

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 49 ДЕКАБРЬ 1981

**5 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА
НАЧАЛОСЬ НАСТУПЛЕНИЕ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК
ПОД МОСКВОЙ**

Перед началом беседы Л. И. Брежнев с К. Карстенсом.

ВИЗИТ В ФЕДЕРАТИВНУЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 49 (2838)

5 ДЕКАБРЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1981

Фото А. ГОСТЕВА,
специального
корреспондента «Огонька»

Во время встречи.

Переговоры завершены.

РЕСПУБЛИКУ ГЕРМАНИИ

24 ноября в Бонне были завершены переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Федеральным канцлером ФРГ Г. Шмидтом. В переговорах принимали участие: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер.

Были рассмотрены состояние и перспективы развития двусторонних отношений между СССР и ФРГ в различных областях. Выражено общее удовлетворение тем, что советско-западногерманские отношения удерживаются на хорошем уровне и развиваются поступательно. Это говорит о стабильности и надежности той основы, которая была заложена более 10 лет назад при заключении Московского договора.

В беседе приняли участие: с советской стороны — помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, посол СССР в ФРГ В. С. Семенов, заведующий отделом МИД СССР А. П. Бондаренко;

с западногерманской стороны — федеральный министр хозяйства О. Ламбсдорф, руководитель ведомства печати и информации правительства ФРГ, статс-секретарь К. Беккер, статс-секретари МИД ФРГ Б. фон Штаден и Г.-В. Лаутеншлагер, заведующий внешнеполитическим отделом ведомства Федерального канцлера О. фон Габленц, посол ФРГ в СССР А. Майер-Ландрут.

По окончании советско-западногерманских переговоров в Бонне Л. И. Брежнев сделал заявление перед представителями прессы.

Затем перед журналистами выступил Г. Шмидт.

24 ноября во дворце президента ФРГ Хаммершмидт состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Федеральным президентом ФРГ К. Карстенсом.

В ходе беседы были затронуты некоторые общие аспекты политической обстановки в Европе и в мире, а также вопросы развития отношений между СССР и ФРГ.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев имел встречу с председателем Свободной демократической партии, вице-канцлером и министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером.

В ходе беседы было выражено мнение о важности и пользы совместных усилий обоих государств, направленных на упрочение всеобщего мира, углубление разрядки международной напряженности, снижение уровня военного противостояния.

На беседе был заместитель председателя СвДП В. Мишник.

Л. И. Брежнев имел беседу с председателем христианско-демократического союза Г. Колем.

Обмен мнениями касался некоторых вопросов современной политики и сотрудничества между СССР и ФРГ.

Состоялась беседа Л. И. Брежнева с председателем христианско-социального союза Ф.-Й. Штраусом.

Собеседники затронули при изложении своих взглядов ряд актуальных вопросов мирового развития и перспектив отношений между СССР и ФРГ.

24 ноября состоялась встреча Л. И. Брежнева с председателем Социал-демократической партии Германии В. Брандтом.

Во время беседы с обеих сторон была выражена серьезная озабоченность по поводу ухудшения международного положения, непрекращающейся гонки вооружений. Было уделено внимание, в частности, вопросу о ядерном оружии средней дальности в Европе. Л. И. Брежнев и В. Брандт изложили свое отношение к этой проблеме. Они высказались за успешное проведение советско-американских переговоров, начинающихся 30 ноября в Женеве.

На беседе, проходившей в дружественной атмосфере, были заместитель председателя СДПГ Г.-Ю. Вишневский, председатель подкомиссии бундестага Э. Бар.

С советской стороны в беседах приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов.

25 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев встретился в Бонне с Председателем Германской коммунистической партии Г. Мисом.

От имени всех коммунистов ФРГ Г. Мис горячо, по-братски приветствовал Л. И. Брежнева.

Отвечая на приветствие Г. Миса, Л. И. Брежнев сказал, что новая встреча с коммуниста-

ми ФРГ — это выражение прочных интернационалистских уз, которые связывают партию Ленина и партию Тельмана.

Во встрече приняли участие заместитель Председателя Германской коммунистической партии Г. Готье, а также находившиеся в ФРГ вместе с Генеральным секретарем ЦК КПСС член Политбюро ЦК КПСС А. А. Громыко, члены ЦК КПСС И. В. Архипов, А. М. Александров, Л. М. Замятин, кандидаты в члены ЦК КПСС А. И. Блатов, В. С. Семенов.

25 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отбыл из Бонна в Москву.

Вместе с Л. И. Брежневым отбыли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов.

Из Бонна в Москву отбыли также помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и А. И. Блатов, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец, заведующий отделом МИД СССР А. П. Бондаренко.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев возвратился в Москву.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым воз-

вратились член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Советского Союза, товарища Л. И. Брежнева встречали члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Сулов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, М. С. Соломенцев, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, члены ЦК КПСС К. М. Боголюбов, Б. П. Бугаев, В. Ф. Мальцев, Г. С. Павлов, Н. М. Пегов, Г. К. Цинев, Г. Э. Цуканов, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС В. А. Голиков, М. Холов, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС С. А. Лосев, В. М. Фалин, референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

Из ФРГ возвратились также помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец, заведующий отделом МИД СССР А. П. Бондаренко.

В числе встречавших были временный поверенный в делах ФРГ в СССР Х. Хубер, дипломатические сотрудники посольства ФРГ.

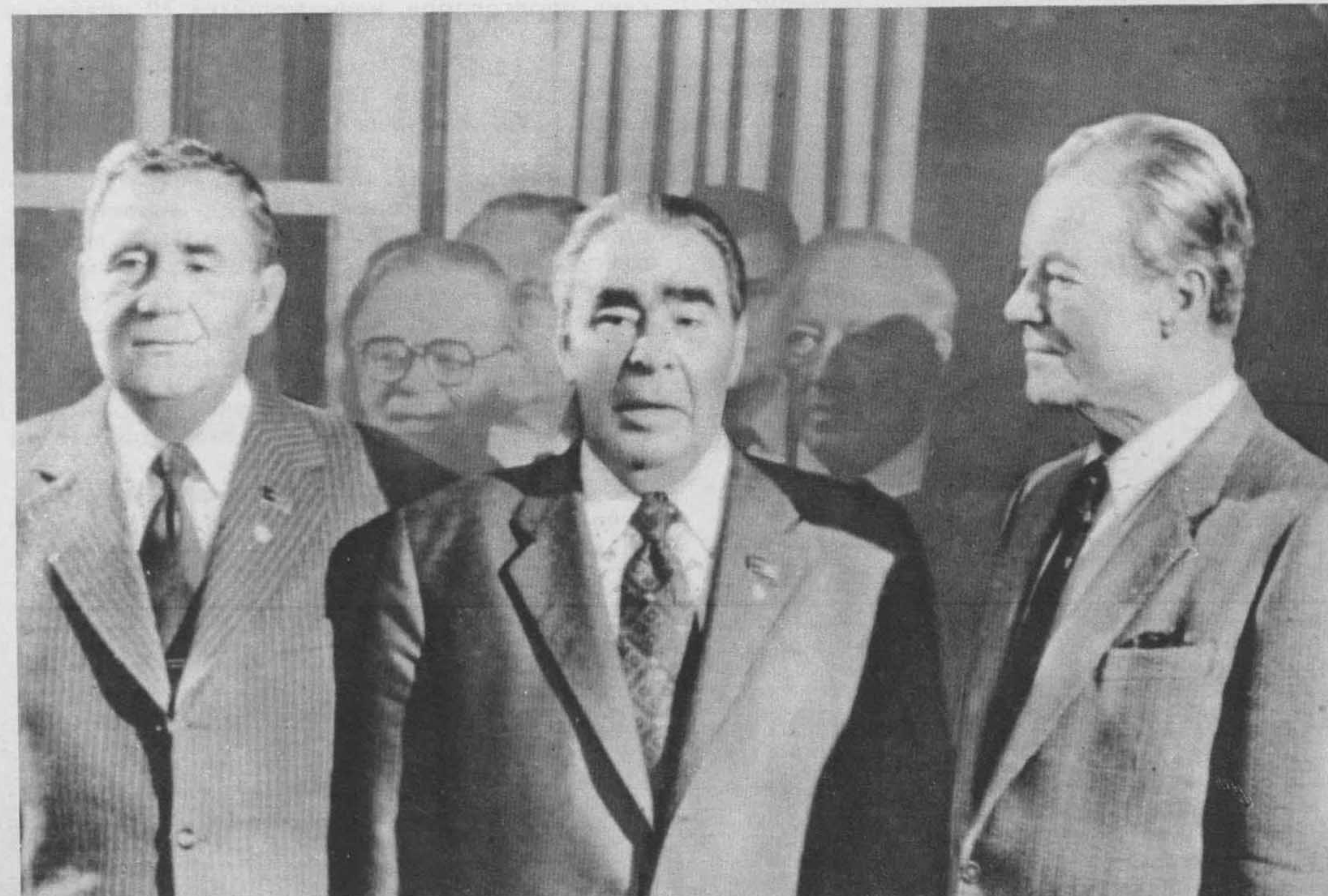
Во время встречи Л. И. Брежнева с Г. Мисом.

Во время официальной церемонии проводов.

Встреча Л. И. Брежнева с В. Брандтом.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и Э. Песова

Встреча на Внуковском аэродроме.

НАДЕЖДА И УВЕРЕННОСТЬ

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Советско - западногерманская встреча на высшем уровне состоялась в самый нужный момент. В мире очень тревожно. И вот в Бонне Л. И. Брежнев предлагает: «В качестве акта доброй воли мы могли бы в одностороннем порядке сокращать некоторую часть своих ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР. Сокращать как бы авансом, двигаясь к тому более низкому уровню, о котором СССР и США могут условиться в итоге переговоров». Мы были бы готовы, сказал при этом Л. И. Брежнев, осуществить сокращения не на десятки, а на сотни единиц вооружений этого класса.

Сразу после завершения встречи в Бонне американская газета «Интернэшнл геральд трибюн» дала на своей первой полосе главный заголовок: «Предложения Брежнева обнадеживают Соединенные Штаты», а под ним напечатаны корреспонденции с такими названиями: «Европейцы видят хорошие признаки в советско-западногерманской встрече», «Белый дом считает возможным переговоры на высшем уровне между СССР и США». Что ж, с такими выводами можно согласиться, но без положительных результа-

тов боннских переговоров американская газета к ним бы не пришла.

Еще за несколько дней до прибытия Л. И. Брежнева в Бонн размеренный пульс западногерманской столицы заметно участился, и в ее обличье появилось немало новых штрихов. По всему городу были расклеены большие плакаты с портретами руководителей СССР и ФРГ. Такие же плакаты можно было увидеть в Кельне, Дюссельдорфе, Дортмунде и других городах страны. Отвечая большому интересу к встрече в Бонне и к нашей стране, возрос поток статей, репортажей, комментариев, телепередач о Советском Союзе. Так, по телевидению можно было увидеть программы о Москве, Казахстане, Сибири. Сотрудничеству между СССР и ФРГ были посвящены специальные выпуски и приложения многих газет и журналов. Большой интерес вызвала телепередача об основных этапах жизни и деятельности Л. И. Брежнева, все программы западногерманского телевидения показали своим зрителям состоявшуюся в Бонне церемонию представления только что выпущенной издательством «Пал-Ругенштайн» книги Л. И. Брежнева «За добрососедство и сотрудничество между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии». Этот сборник выступлений Л. И. Брежнева по вопросам отношений между СССР и ФРГ привлек к себе всеобщее внимание. Я присутствовал на церемонии представления книги и видел, какой большой интерес проявили к ней западногерман-

Фото В. Кошевого и В. Мاستюкова (ТАСС)

ские и другие корреспонденты со всего мира.

В канун боннской встречи в Мюнхене прошла Неделя СССР. Фирма «Либрессо-буххандлунг» организовала выставку советской литературы. Были устроены просмотры наших фильмов. Состоялся диспут советских и западногерманских журналистов по вопросам внешней политики. В нескольких городах прошли Дни Советского Союза. В Геттингене был проведен симпозиум литературоведов по истории мировой литературы. Во Франкфурте-на-Майне внимание многих привлекла выставка о туризме в СССР. Были устроены выставки о советском искусстве, о нашем культурном наследии. Я побывал на них. Меня больше всего порадовало не то обстоятельство, что они пользовались исключительным успехом, а то, что их западногерманские устроители отнеслись к созданию экспозиций с такой теплотой. Даже обычные выставочные каталоги, изданные в ФРГ, были подлинными произведениями искусства. Это отмечала и местная пресса, заявляя, что на примере организаторов наших выставок должны учиться все их коллеги в ФРГ.

Такая общая благоприятная атмосфера в канун переговоров была вполне объяснима. За всем этим стояла большая совместная работа, которая была проделана обеими нашими странами за последние годы. Л. И. Брежнев в третий раз приезжал в Бонн, в шестой раз он встречался с Г. Шмидтом. Все эти встречи проводились в рамках консультаций, предусмотренных Московским договором 1970 года. Уже установившиеся традиции советско-западногерманских переговоров стали важным постоянным фактором в европейских и международных делах. Как отмечает «Кельнер штатд-анцайгер», «предыдущие визиты в Бонн стали этапами в отношениях между обеими странами», придали «новые обороты колесу мировой политики». Эти добрые традиции позволяют неуклонно улучшать и развивать добрососедские отношения между СССР и ФРГ.

Известно, что за последние десять лет товарооборот между двумя странами вырос в десять с половиной раз. Ярким примером развития деловых отношений явилось подписанное в канун последней боннской встречи соглашение, которое здесь называют «газ-трубы» и которое предусматривает поставку советского газа в обмен на трубы и оборудование для газопровода из Сибири в Западную Европу. Крупная доля заказов в этом проекте приходится на западногерманские фирмы. Как и некоторые другие наши совместные начинания, это дело рассчитано на долгие годы, вплоть до начала будущего века. Такой крупномасштабный и долгосрочный характер сотрудничества говорит о прочности отношений и взаимном доверии сторон. Можно еще упомянуть, что сегодня в выполнении советских заказов в ФРГ участвует около двух тысяч предприятий. А это обеспечивает работой сотни тысяч жителей

страны, переживающей сейчас немалые экономические трудности. На недавнем специальном заседании правления СДПГ, посвященном в основном подготовке советско-западногерманской встречи на высшем уровне, федеральный канцлер Г. Шмидт заявил о заинтересованности правительства ФРГ в дальнейшем углублении экономического сотрудничества с Советским Союзом, которое, по его словам, имеет не только экономическое значение, но и способствует укреплению мира.

В сопутствующей визиту Л. И. Брежнева в ФРГ общей атмосфере был и еще один немаловажный нюанс. Он, в частности, выразился в том, что западногерманское телевидение показывало советско-американский многосерийный фильм о Великой Отечественной войне. Он шел под названием «Незабытая война». Для сравнения можно вспомнить, что в США тот же фильм назывался «Неизвестная война». Примечательное различие одной и той же документальной киноленты! По общему здесь мнению, фильм произвел ошеломляющее впечатление. И это, несмотря на то, что в западногерманском варианте пять серий вообще не показывают, в том числе последнюю — о празднике Победы. К тому же сопроводительный текст к фильму произвольно отредактирован. И все же к нему было приковано всеобщее внимание. Здесь войну не забыли, а ныне она может быть ядерной, что для ФРГ представляет угрозу смертельную. Вот почему родившаяся за океаном теория об «ограниченной» ядерной войне в Европе вызвала такой протест среди западных немцев. Стоит вспомнить только недавнюю манифестацию 300 тысяч сторонников мира в Бонне, чтобы понять размах возмущения планами США и НАТО по превращению европейского континента в ракетный полигон. Свыше двух миллионов граждан ФРГ уже поддержали своими подписями «Крефельдское воззвание», требующее предотвратить размещение на территории ФРГ новых американских ядерных ракет средней дальности. Такая же мощная волна массовых антивоенных выступлений прокатилась и по другим странам Западной Европы — Англии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Испании... В Амстердаме, например, в демонстрации протеста против развязанной США гонки вооружений приняло участие около полумиллиона человек.

На фоне таких всенародных выступлений особенно жалкими выглядят попытки определенных кругов западной пропаганды объяснить эти демонстрации «рукой Москвы». Нет, господа, не в этом дело! Лондонская газета «Таймс» накануне боннской встречи писала, что канцлера ФРГ тревожили не речи, которые произнесет высокий гость из СССР, а «заявления американских лидеров относительно ракет и шансов на ограниченную ядерную войну в Европе». Вот что тревожит и выступающих за мир демонстрантов. Поэтому они и протестуют.

В ходе советско-западногерман-

ской встречи стали очевидными надуманность и беспочвенность подозрений, которые кое-где высказывались в связи с переговорами в Бонне. Подозрения эти сводились к тому, что СССР якобы пытается вбить клин между США и их союзниками, посеять семена антиамериканизма (в последнем деле сами Соединенные Штаты, по-моему, преуспевают больше всех). Во время визита Л. И. Брежнев четко сказал о том, что мы готовы к конструктивному диалогу с Соединенными Штатами. Ежедневник СДПГ «Форвертс» подчеркивает, что Л. И. Брежнев сделал в Бонне ясный шаг вперед. Теперь слово за Соединенными Штатами, поскольку Москва отчетливо видит, что в обострившейся международной обстановке нельзя упускать время, что должны начаться серьезные переговоры.

В этом репортаже нет нужды делать подробный анализ недавней речи президента США Рейгана, но важно только отметить, что при наличии в его выступлении традиционной клеветы в адрес нашей страны он заговорил о мире, о переговорах! В чем дело? Вероятно, есть немалый смысл в замечании обозревательницы Мэри Макгори, которая считает, что «искренними в выступлении Рейгана были лишь его опасения в связи с нарастающим по обе стороны Атлантики антивоенным движением». Западногерманская пресса зачастую тоже откликается на речь Рейгана не так, как того, очевидно, хотели бы за океаном. Например, «Зюддойче цайтунг» называет его выступление попыткой ослабить тревогу западноевропейской общественности, порожденную воинственными заявлениями американской администрации. «Франкфуртер рундschau» считает, что в Вашингтоне пришлось учесть, что «угрожающие речи и все новые ассигнования на вооружения в глазах возрастающего числа людей по эту сторону Атлантики служат не столько сохранению мира, сколько его дальнейшему и опасному подрыву».

Мы — за конструктивные международные контакты, в том числе и с Соединенными Штатами. В пользу скорой встречи между Л. И. Брежневым и Р. Рейганом высказался и Г. Шмидт. Этого настоятельно требуют интересы мира. Особенно в нынешнем сложном положении. Л. И. Брежнев заявил в Бонне: «В политике бывают ситуации, когда роковым может стать один неверный шаг». Чтобы этот шаг не был сделан, нужны такие встречи, какая состоялась в Бонне.

Данные опроса журнала «Шпигель» свидетельствуют, что подавляющее большинство западногерманских граждан приветствует состоявшиеся переговоры. По общему мнению, ни одна международная встреча, проходившая в Бонне в последние годы, не привлекала к себе столь большого внимания. Об этом свидетельствует и тот факт, что более 1600 аккредитованных журналистов освещали это событие. Об их интересе к нему говорили долгие и насыщенные пресс-конференции, которые проводили советский

представитель Л. М. Замятин и западногерманский представитель К. Беккер. Интерес к этим пресс-конференциям среди корреспондентов был настолько велик, что нужно было приходить задолго до их начала, чтобы занять место в очень вместительном зале.

Конечно, такому интересу прежде всего способствовала содержательность самих переговоров на высшем уровне, их пусть порой нелегкий, но искренний, доверительный характер. Как подчеркнул канцлер Г. Шмидт, «во времена усилившейся напряженности особенно необходимо внимательно и тщательно слушать друг друга». И в Бонне обе стороны не скрывали свои разногласия по ряду вопросов, открыто говорили о них, о своих разных оценках при подходе к тем или иным проблемам. Но главное было в том, как это подчеркнул Л. И. Брежнев, что участники переговоров старались не углублять рвы, а наводить мосты. Газета «Нойе Рур-цайтунг» пишет, что руководители СССР и ФРГ показали всему миру, что именно в период серьезных осложнений необходимо разговаривать друг с другом, не затухая разногласий. Председатель фракции свободной демократической партии в западногерманском бундестаге В. Мишник заявил, что интенсивность и остроту обмена мнениями между руководителями ФРГ и СССР дали новые импульсы диалогу между Востоком и Западом, что имеет большое значение для продолжения политики разрядки и в особенности для советско-американских переговоров в Женеве.

Пример развития советско-западногерманских связей лишний раз убеждает в том, что подлинное добрососедство — плод больших совместных усилий. Только годы таких усилий подняли сегодняшние отношения между СССР и ФРГ так высоко. Только широкие и глубокие контакты в самых разных сферах и на разных уровнях, в том числе и на высшем, могут дать такие плоды. Несколько лет назад начала было складываться традиция таких же отношений между СССР и США. Не наша вина, что она была нарушена.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, рассмотрев итоги визита Л. И. Брежнева в ФРГ, в частности, заявили:

«Опыт показывает, чем слышнее и требовательнее звучит в защиту мира голос народов, различных общественных сил и кругов, тем больше шансов на то, что эта борьба увенчается успехом. Результаты визита Л. И. Брежнева в ФРГ расширяют возможности для того, чтобы борьба за сохранение мира стала еще более эффективной, прибавляют народам уверенности, что даже самые сложные международные проблемы поддаются решению».

Встреча в Бонне — это новый важный шаг на пути упрочения разрядки. Она вселяет надежду в сердца людей, уставших жить под дамокловым мечом ядерной угрозы. Надежду и уверенность в торжестве дела мира.

Бонн — Москва.

В зале заседания Верховного Совета РСФСР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

1 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась четвертая сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва.

ТРУД ПРОТИВ НЕПОГОДЫ

В речи на ноябрьском (1981 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев назвал продовольственную проблему центральной проблемой всей пятилетки и в хозяйственном и в политическом плане. Реализация ее — это в первую очередь рост производства сельскохозяйственной продукции, где первое и главное — зерновая проблема.

Истинные возможности народа-земледельца и нелегких здешних полей проявились на эстонской земле только в годы Советской власти. До сих пор в памяти у нас благоприятный 1976 год, когда каждый гектар преобразованных, очищенных, осушенных и произвесткованных, прежде болотистых и каменистых эстонских полей дал по 31 центнеру зерна!

А потом начались неожиданности в погоде — те самые, что товарищ Л. И. Брежнев назвал факторами, которые целиком или частично находятся вне нашего контроля. Грянули жестокие сорокаградусные морозы зимы 1978/79 года, негативно сказавшиеся и на наших сырых полях, на озимых хлебах, а также повлекшие за собой спад производства животноводческой продукции. Известно, что в сельском хозяйстве нелегко быстро навер-

стать упущенное: как бы крестьянин ни старался, для восстановления подорванного непогодой земледелия, животноводства требуется время. Так, в 1979 году с гектара мы получили всего 24,7 центнера. Но и такой урожай можно бы считать неплохим, однако нынешний сельскохозяйственный год оказался для Эстонии особо тяжелым. Было получено всего по 20 центнеров зерна с гектара: сказались непрерывные дожди — они шли с одиннадцатого июня, почти весь период вегетации. Для некоторых районов в три раза была превышена обычная норма осадков. Поля превратились в кисель. Но тепла, необходимого для роста трав и хлебов, было достаточно. Не зaley дожди сенокосных угодий и полей, получили бы неплохой урожай. К сенокосу у нас обычно приступают в конце июня, но он не мог начаться своевременно, так как техника утонула в воде. Плохо было хлебу: в переувлажненной земле корням не хватало воздуха. От непрсыхаемой мокрети гибли поля картофеля.

И тогда сельским труженикам пришлось вспомнить, что эстонское земледелие всегда велось в экстремально тяжелых климатических условиях, в зоне повышен-

ной влажности. На собраниях люди стали говорить о том, что здешний крестьянин привычен к извечной борьбе с природой, что непогоде надо противопоставить удвоенный труд. Были собраны воедино все материальные и нравственные усилия, началась трудная уборка. Например, почти весь картофель был собран вручную, и за это мы приносим большую благодарность горожанам, помогавшим нам. Несмотря на покрытые водой поля, все же удалось перевыполнить план заготовки силоса и сенажа. А кормовой соломой мы смогли поделиться с некоторыми областями. В итоге можно сказать, что основные корма мы имеем. Животные на фермах будут сыты.

У нас понимают, что нужно предпринять все, чтобы не только смягчить последствия трудного сезона, но и предусмотреть возможные «подножки» погоды в будущем. Пришлось внести коррективы в уже разработанную программу улучшения земли и повышения плодородия почв на предстоящую пятилетку. Специалисты определили, что дожди вымыли запасы удобрений, накопленные в земле за предыдущие годы, и пришли к выводу, что необходимо заново надежно умно-

жить плодородие полей. У нас есть сейчас необходимый нам на второй год пятилетки запас удобрений — местных и туков.

Влажные годы убедили, что для наших районов нужны легкие комбайны с мощными моторами и надежными узлами. При этом надо не допускать отставания в развитии мощностей сушильного хозяйства.

Необходимы также и хорошие отечественные консерванты для силоса и сенажа. Они нам ныне серьезно помогли.

Сейчас труженики колхозов и совхозов республики доводят семена до высоких кондиций, стараются вывезти на поля как можно больше органических удобрений. Это основа основ обильного сбора зерна, картофеля, кормовых трав и другой продукции. Обычные эти дела — наш ответ на призыв Л. И. Брежнева в его речи на недавнем Пленуме Центрального Комитета партии — лучше организовывать производство и лучше производить. Словом, работать эффективнее.

Юло СААМЕРЕ,
заместитель начальника главного
управления земледелия
Министерства сельского
хозяйства Эстонской ССР

Этот снимок сделан накануне субботника в цехе холодной прокатки. В центре — Валентина Ильченко.

ОГНЕННАЯ ВАХТА

Распахнутся двери проходных — как вчера, как позавчера, как все эти годы мирного труда. Займут свои рабочие места сталепрокатчики, вальцовщики, литейщики, механики и слесари. Привычно заступят на смену рабочие прославленного завода «Серп и молот». Все будет, как всегда. И все же смена эта особая.

— Вахтой памяти называют у нас этот день, — говорит мне ветеран предприятия Евгений Михайлович Костин. Ровно пятьдесят лет исполнилось с того дня, как пришел он на завод. Начинать слесарем в сталепробочном. А в первые же дни войны ушел на фронт.

— Сначала послали под Горький, на учебу, на формирование. А потом — Второй коммунистический полк. Подмосковье. Можайск, Волоколамск. Невиданной силы бой на перекрестке Дорохово. Бились мы за каждый метр родной земли. Воевал я в танковых частях и не знал, что неподалеку, на моем родном заводе, ремонтируют мощные «КВ».

«Серп и молот» уже эвакуировал часть станков и оборудования, да и люди многие уехали на восток. Но оставшиеся продолжали трудиться самоотверженно, четко, по-фронтовому. Стылое, до фундамента промерзшее строение сверкало огнями электросварки, наполнялось гулом восстановленных моторов. По ночам, когда темень окутывала все вокруг, выходили восстановленные машины из заводских ворот и брали курс на Рязанское шоссе — на обкатку.

Враг был близко, очень близко — Подмосковье стало тогда ареной тяжкого боя.

— Не все вернулись из него, не все... Но сегодня они словно рядом с нами и пятого декабря займут свои рабочие места. Бригада резчиков листопрокатного цеха включила в свой состав Героя Советского Союза Федора Ерзикова. Личный счет Павла Кирыкова открывают сталевары электрофасонно-литейного цеха.

Вахта памяти... Когда Евгений Михайлович Костин выступил на митинге, призывая заводчан сделать пятое декабря днем коммунистического субботника, он вспомнил и те далекие дни и тех, чьи имена золотом по белому мрамору навсегда вычеканены в заводском мемориале, — они не вернулись на завод с полей войны.

— Говорят подчас: незримая нить связывает поколения, — замечает молодой вальцовщик Виктор Попов. — Но почему же незримая? Ведь без того, что сделали они, рабочие военной поры, может, и не таким бы стал наш сегодняшний «Серп и молот»!

Пятого декабря я буду работать на новейшем двадцативалковом прокатном стане. Исключительно перспективный агрегат...

Виктор берет небольшой рулон ленты, тончайшей, словно лезвие бритвы. — Катать ее начинаем впервые, но без того опыта, что передали нам ветераны, не было бы и этой стали.

Рядом с членом цехового бюро комсомольской организации, студентом четвертого курса московского металлургического техникума Виктором Поповым будут трудиться и его товарищи.

— Все наши комсомольцы считают высокой честью работать в такой день, нести вахту памяти! — говорит нам секретарь бюро комсомольской организации цеха холодной прокатки Валентина Ильченко. — Мы помним и никогда не забудем того, что сделали для всех нас люди, ушедшие на фронт сорок лет назад.

Весь завод готовится к субботнику. Пятого декабря он даст десятки тонн стали, готового проката, калиброванного металла, стальной проволоки, а еще — на сотни рублей товаров народного потребления. Словом, на славу поработает «Серп и молот». Будет в этих тоннах и вклад Евгения Михайловича Костина, и труд комсомольца Виктора Попова, и все то, что будет сделано заводчанами от имени не вернувшихся с фронта.

Вахта памяти...

К. КОПТИН

Ветераны «Серпа и молота» — участники обороны Москвы.

Фото Л. Шерстенникова

МНОГОГРАННЫЙ ОБРАЗ ВРЕМЕНИ

Москва. Большой Кремлевский дворец. V съезд художников РСФСР. Во время заседания.

Фото В. Мاستюкова и В. Савостьянова
(ТАСС)

В создании высокохудожественных произведений, посвященных современнику, видят гражданский и профессиональный долг художники России. Нет для них цели более высокой и благородной, чем служить своему народу, самоотверженный труд и героические свершения которого были и остаются неиссякаемым источником вдохновения. Чутко прислушиваясь к ритму эпохи, находясь рядом со своими героями, постигая их нравственное величие, мастера изобразительного искусства создают многогранный образ времени, пишут летопись Страны Советов. Высокая оценка, данная на XXVI съезде КПСС деятельности творческой интеллигенции, воодушевляет художников на создание произведений, достойных свершений современника.

Итоги творческой пятилетки и планы на будущее, оказались в центре повестки V съезда художников Российской Федерации, проходившего 24—27 ноября в Москве.

На открытии в президиуме — товарищи П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Яснов, заведующие отделами ЦК КПСС Е. М. Тяжелынинов, В. Ф. Шауро, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов, видные мастера изобразительного искусства, деятели науки и культуры, представители трудовых коллективов, партийных, советских и общественных организаций.

С отчетным докладом правления СХ РСФСР выступил его председатель С. П. Ткачев.

— Деятели российского искусства, — сказал он, — находятся в общем строю созидания новой жизни, в строю миллионов советских тружеников — борцов за коммунистическое будущее, за мир во всем мире... Надежду на этот мир, уверенность в его победе прогрессивные люди земли связывают с миролюбивым ленинским курсом политики нашей пар-

тии и государства, с неутомимой деятельностью Леонида Ильича Брежнева. Советские художники горячо, от всего сердца одобряют и поддерживают этот курс, ибо только в условиях мира человек может быть счастлив трудом, может раскрыть все свои таланты и способности... Неукоснительным наказом служат для художников слова, прозвучавшие с трибуны партийного съезда: «Жить интересами народа, делить с ним радость и горе, утверждать правду жизни, наши гуманистические идеалы, быть активным участником коммунистического строительства — это и есть подлинная народность, подлинная партийность искусства».

Даже простое перечисление названий выставок, прошедших за пятилетие, говорит о том, что художники России живут заботами и делами всей страны, находясь в самой гуще народной жизни: «Художники России — 60-летию Октября», «Мы строим БАМ», «Художники России — детям», «Художники России — труженикам Нечерноземья», выставки, посвященные 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и 35-летию Победы, 600-летию Кулиновской битвы, выставки работ художников автономных республик, приуроченные к 60-летию их образования. И, наконец, выставка «По родной стране», открывшаяся в канун 64-й годовщины Октября. Главным художественным событием пятилетия явилась VI республиканская выставка «Советская Россия», посвященная XXVI съезду КПСС, и предшествовавшие ей зональные экспозиции в Сыктывкаре, Махачкале, Тюмени, Казани, Рязани, Барнауле, Брянске, Чите, Ленинграде и Москве...

На съезде выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев. Он передал делегатам и в их лице всем художникам Советской России сердечный привет и добрые пожелания от Л. И. Брежнева, отметившего большой вклад художников РСФСР

в развитие советской социалистической культуры.

Указав на большое значение решений ноябрьского (1981 г.) Пленума ЦК КПСС, документов, принятых шестой сессией Верховного Совета СССР, М. С. Соломенцев сказал, что применительно к изобразительному творчеству самое важное сегодня — повышение ответственности художника перед своим народом, страной, временем, правдивое и яркое раскрытие исторических преимуществ и достижений реального социализма, воспитание у каждого человека гордости за нашу великую Родину...

Сегодня можно сказать, что пройденный Союзом художников России за последние годы путь ознаменован несомненными успехами. Кроме успехов творческих, профессиональных, удовлетворяет и то, что существенно укреплены на местах материальная база, художникам предоставлено более полутора тысяч мастерских, в крупных центрах построены творческо-производственные комбинаты или их отделения, в ряде городов появились хорошо оборудованные выставочные залы и галереи. Перед художниками открыты самые широкие возможности свободного творческого развития...

Но надо быть и достаточно самокритичными, ясно понимать, как много еще предстоит сделать. Создание художественно полноценного произведения о героической современности — это серьезнейшая задача, одновременно политическая, художественная и этическая. Более того, это важнейшая часть общепартийного дела коммунистического воспитания трудящихся, дальнейшего совершенствования идеологической работы. Идейность и художественность находятся в неразрывной органической связи, и их следует рассматривать как единый критерий в оценке качества любого произведения.

...С высоких партийных позиций оценивали свое творчество, намечали планы на будущее делегаты съезда. О деятельности московских

художников рассказал открывший прения Б. Тальберг. А. Алесеев подчеркнул необходимость создания собственных художественных кадров в таком крупнейшем регионе республики, как Сибирь. О проблеме подготовки молодой смены, ее идейной закалки говорили Н. Пономарев, О. Комов, П. Сысоев, А. Мыльников, Б. Угаров. О взаимобогащении братских национальных культур — Х. Якупов (Казань), Х. Мурбанов (Махачкала), Э. Саитов (Уфа). Мысли о повышении профессионального мастерства были высказаны И. Бруни, В. Сидоровым, М. Смирновым, А. Степановым, Е. Моисеенко, М. Аникушиным и другими ораторами.

На заключительном заседании присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

В постановлении, принятом съездом, подчеркивается, что весь многотысячный многонациональный отряд деятелей изобразительного искусства Советской России должен еще теснее сплотить творческие силы, направив их на практическое претворение в жизнь исторических предначертаний XXVI съезда КПСС. В поднимающейся новой приливной волне советского искусства мощно и уверенно должен звучать голос художников Советской России, донося до людей высокие идеалы нашего общества, поднимая их на борьбу за светлое будущее, за мир на планете, за коммунизм.

Съезд принял обращение к художникам зарубежных стран с призывом активно включиться в борьбу прогрессивных сил нашей планеты за сохранение мира, развитие и упрочение разрядки, против гонки вооружений и военной угрозы.

С большим воодушевлением делегаты съезда направили приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу Л. И. Брежневу.

Ю. Кугач, В. Горяев.

О. Кирюхин, О. Комов, А. Кибальников.

Г. Коржев, И. Сорокин. Фото Л. Иванова

НИКОЛАЙ ФЕШИН

Галина ЩЕРБАКОВА

26 ноября 1981 года исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Ивановича Фешина (1881—1955), замечательного русского живописца, человека, посвятившего всего себя служению искусству. Судьба его сложилась трагично, почти половину своей жизни он провел вдали от Родины, мучительно переживая это, несмотря на большой успех и признание.

«...Люди искусства не должны покидать своей страны... Весь духовный фундамент человека закладывается с самого детства и растет вместе с окружающим до самого конца. В чужой стране он только существует физически, находясь в постоянном одиночестве, не понимая смысла жизни», — пишет он своему брату в 1949 году, как бы подводя итог пройденного жизненного пути.

Николай Фешин родился в 1881 году в Казани в семье ремесленника (резчика по дереву). Отец его имел позолотно-столярно-резную мастерскую, в ней-то и прошло детство мальчика. «Характер самого дела натолкнул меня на рисование в раннем детстве: чуть ли не с 6 лет, подражая взрослым, я с большим увлечением составлял проекты несложных церковных киот и иконостасов», — пишет художник. Отец поощрял наклонности сына. Каждое лето он выезжал с мастерскими отцами выполнять заказы по деревням. В 1895 году в Казани открылась художественная школа, где Фешин проучился 5 лет, а по окончании уехал в Петербург и поступил в Академию художеств. Занятия в Академии увлекли начинающего художника. Вскоре он был переведен в мастерскую И. Е. Репина. Годы, проведенные в Академии, — годы кристаллизации творческой индивидуальности мастера, формирования стиля, определенных живописных приемов, колористических особенностей, свойственных лишь ему. Фешин, блестяще овладевший основами мастерства, рисунком и обладая природным чувством цвета, начинает создавать произведения самобытные, глубоко национальные, поражающие современников смелостью и неожиданностью замыслов.

В 1908 году Фешин уезжает в Казань преподавать в художественной школе и одновременно работать над своей дипломной картиной. «Капустница» была написана в 1909 году, за нее он получает звание художника и право на поездку за границу, во Францию и Италию. Эта работа характеризует Фешина как уже вполне сложившегося, зрелого мастера, оригинального и самобытного. Один из его учеников вспоминает: «...Я стою, пораженный, перед громадным холстом «Капустница» кисти Фешина. Перед холстом, какого еще в жизни я не видел никогда... Поражает все: темперамент, мощная техника, гармония тона, аромат свежих капустных листьев, всюду стихийно громоздящиеся капустные вилки среди пестроты одеяний баб, их украшений, головных уборов, платков, их лиц и их рук, написанных в сильном движении и ракурсах под разным светом серого осеннего дня... Это было настоящее, что никогда не забывается...» «Капустница» — произведение глубоко народное по духу, и оно по достоинству заняло свое место в истории русской живописи наряду с произведениями таких мастеров, как Архипов, Малявин. Примерно в это же время он пишет «Портрет неизвестной (Дама в лиловом)», получивший малую золотую медаль на международной выставке в Мюнхене. Так к художнику приходит слава.

В 1916 году Академия художеств присуждает ему звание академика. Большое значение придавал Фешин своей преподавательской работе в Казанской художественной школе. Авторитет Фешина-педагога у его учеников был очень велик. Он ввел свой метод преподавания: ставил модель и садился писать ее вместе с учениками, а потом подходил к каждому и правил его штудии прямо на холсте, наглядно выявляя недостатки построения фигуры и рисунка. Несколько легких, почти незаметных касаний, и рисунок обретал дыхание жизни.

О необычайной трудоспособности Фешина ходили легенды. Рано утром, еще до открытия дверей школы, его можно было застать работающим в своей мастерской, днем он писал вместе с учениками, а вечером садился рисовать обнаженную модель. «В пятнадцать — двадцать минут с большой виртуозностью... углем вписывал он в лист натурщика или натурщицу. С одного взмаха, всей шириной угля брал общую форму и так же быстро, твердо выбирал изящную, певучую, тонкую линию характера модели. И этюд готов. Признаться, у нас кружилась голова от всего виденного», — вспоминает один из его учеников, художник А. А. Любимов.

Наиболее полно и ярко раскрылся талант Фешина в портрете. Изысканность колористических отношений, способность увидеть и передать тысячи оттенков в нескольких цветовых сочетаниях и излюбленная серебристая гамма тонов придают живописи Фешина ту нежную поэтичность и благородство, которые поражали его современников в полотнах Ренуара и Мане. Мастерское владение техникой рисунка и безошибочный вкус позволяли ему решать самые сложные ракурсы в портрете, найти в каждой модели нечто неповторимое, поражая зрителей оригинальностью и смелостью композиционных решений.

Необыкновенно тщательно и тонко он пишет лицо, руки. Руки несут на себе ту же психологическую нагрузку, что и лицо, помогая созданию образа. Широкими, свободными мазками намечены и фигура и детали интерьера, а фон — как бы хаотичное нагромождение штрихов, цветовых пятен, vyplненных длинными, беспорядочными мазками, подчиненными вместе с тем общему закону гармонии. Мы словно присутствуем при сотворении чуда, видя, как из хаоса линий и пятен рождается прекрасный образ.

«У этого человека был соколиный взгляд и природное колористическое чутье. Рисовал он цветом безошибочно, свободно и широко. Рисунок у него настолько совершенен, что мастерства не замечаешь, когда рассматриваешь блестящие фешинские импровизации. А самое дорогое у Фешина, драгоценное зерно его творчества — это бесконечная преданность искусству живописи», — пишет о нем выдающийся советский скульптор С. Т. Коненков.

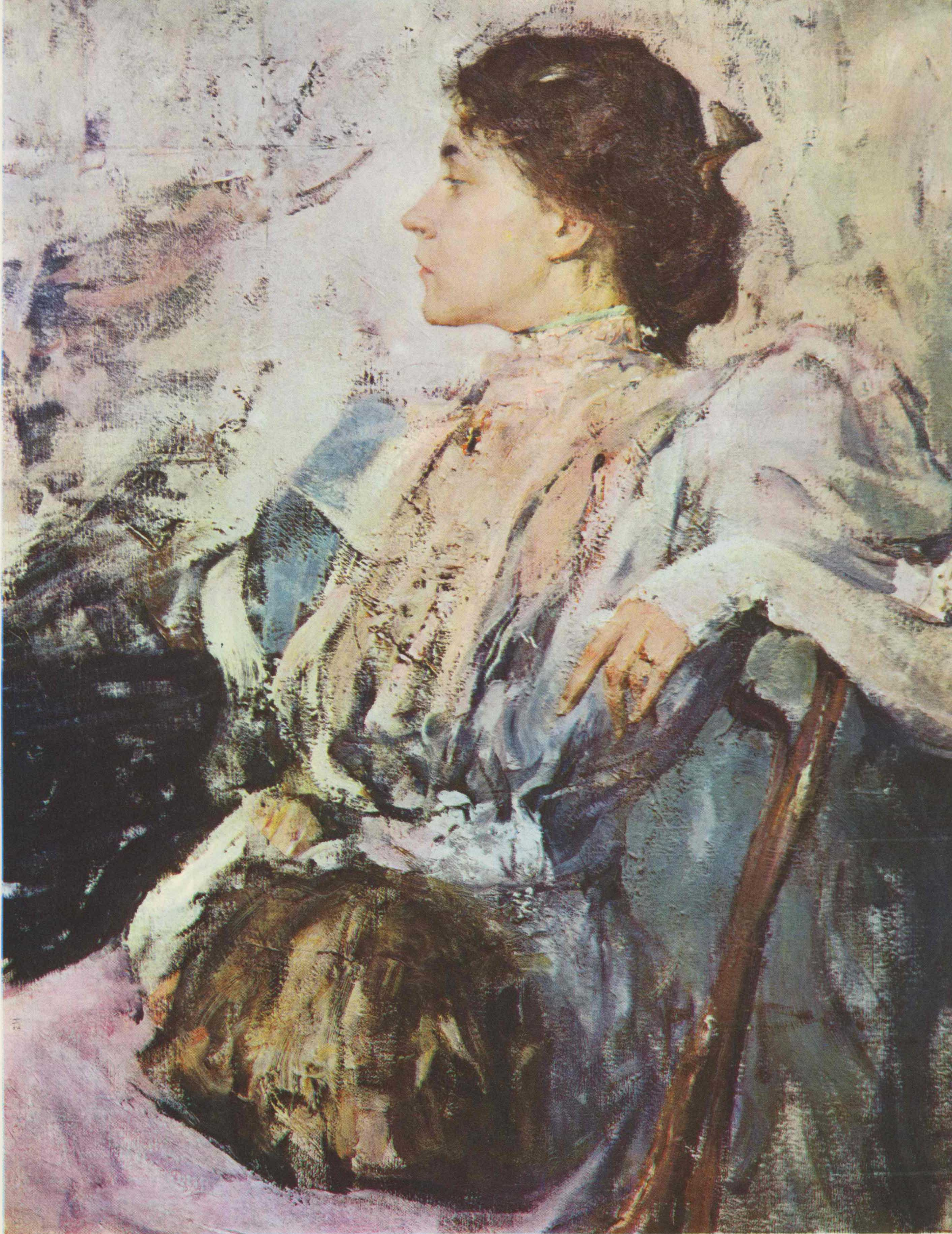
К числу лучших детских портретов в русской живописи мы можем отнести и портрет Вари Адоратской, написанный Фешиным в 1914 году. Выдержанный в спокойной серебристо-серой гамме, он поражает тонкостью цветовых отношений, мягким лиризмом и чистотой образа.

После Великой Октябрьской социалистической революции Фешин остался жить в Казани и преподавать в Казанской художественной школе. Он работал над программой обучения, мечтал о создании в Казани Академии. Новые темы появились в творчестве мастера. В 1918 году по заказу Политотдела Красной Армии он создает большой композиционный портрет Карла Маркса. Художник изобразил Маркса за рабочей конторкой, как бы беседующим с невидимым нам собеседником. В это же время художник пишет портрет Владимира Ильича Ленина (1918 год) — одно из первых изображений вождя в советском искусстве. Портрет написан с фотографии, однако художнику удалось создать необычайно живой и правдивый, полный большой внутренней силы образ.

Помимо монументальных портретов, Фешин увлекается также созданием портрета-миниатюры, с мастерством большого художника умеющего уловить и запечатлеть духовную сущность модели. К числу таких работ относится портрет художника Валентина Семеновича Щербакова (1913 год), большого друга Фешина еще по годам обучения в художественной школе, а затем и в Академии, а также по совместной работе в Казанской художественной школе и в театре.

20-е годы — тяжелый период в истории нашей страны. Голод, разлука, гражданская война. В 1922 году Фешин заболел сыпным тифом, голод в Поволжье обострил вновь вспыхнувший туберкулез легких. Все это надломило волю художника, и он, уступая настояниям жены, принимает приглашение преподавать в Нью-Йоркской академии искусств. В 1926 году вновь резкая вспышка туберкулеза, и Фешин уезжает из Нью-Йорка в городок Таос в штате Нью-Мехико, где сухой и жаркий климат излечивает его за два месяца. Но он уже боится возвращаться в Нью-Йорк, остается жить в Таосе. Необыкновенная красота окружающей природы, своеобразный национальный колорит (здесь жили в основном индейцы и потомки древних испанцев) дали ему богатый материал для работы. В Таосе Фешин сам построил себе дом в стиле русской избы с печкой и украсил его деревянной резьбой. Фешин считал годы пребывания в Таосе самыми продуктивными в своем творчестве тех лет. Все его письма на Родину той поры пронизаны тоской и мечтой о возвращении, горячим интересом к тому новому, к той жизни и тем изменениям, которые произошли за годы Советской власти. Сам он жил в последние годы в скромной двухкомнатной квартирке на окраине Лос-Анджелеса на берегу моря. Постоянное чувство одиночества не покидало его на чужбине, несмотря на успех, большую популярность у американцев. Вновь и вновь возвращается он к мысли о том, что человек искусства может жить и творить только в родной стране. Однако, прожив около 30 лет за границей, он не считает себя вправе вернуться. «Как хорошо было бы порыбачить на Волге или побыть в сосновом лесу, поглядеть людей, с которыми провел столько лет своей жизни. Но, к сожалению, это не так просто сделать... Нужно сознаться, что все мы бежали... в то время как все оставшиеся в России должны были терпеть всевозможные невзгоды и лишения. И мы не вправе рассчитывать на задушевную встречу и радушный прием...» Голос совести, чувство своей вины перед Родinou не оставляли его до конца.

На Родине помнят о Николае Ивановиче Фешине. Его ученики до сих пор с благодарностью рассказывают о своем учителе. В 1963 году в Казани открылась выставка его работ, явившаяся большим событием художественной жизни города. На открытие съехались его ученики со всех концов Советского Союза. Вслед за Казанью выставки открылись в Москве, Ленинграде, Кирове. В 1975 году опубликован сборник статей и воспоминаний о замечательном русском художнике, где печатались также его письма. Имя Николая Ивановича Фешина не забыто, его произведения выставляются в наших музеях, его художественное наследие вызывает к себе глубокий интерес и заслуживает дальнейшего изучения. Фешин — художник яркий, самобытный, обладавший не только великолепным талантом и мастерством, но и поразительной силой чувств. Его искусство прекрасно, оно несет радость людям.

Н. Фешин. 1881—1955. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ (ДАМА В ЛИЛОВОМ). 1908 г.

Н. Фешин. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В. Г. ТИХОВА. 1910-е гг.

НОВОЕ В ЛЕНИНИАНЕ

На экраны страны вышла новая кинокартина — «Ленин в Париже».

Фильм этот — поэтическая хроника в восьми частях — не просто рассказывает об одном из важных этапов в жизни Владимира Ильича. Создатели картины — С. Юткевич, Л. Эйслин, Е. Габрилович, Н. Немолов — представили зрителям свое произведение как некую своеобразную попытку органически вписать революционные цели, мысли, идеи В. И. Ленина в само движение мировой истории, опосредованно связать их с неумолимым ее ходом, начиная с событий более чем столетней давности.

Самоотверженный подвиг героев Парижской коммуны, поднявших в 1871 году на борьбу за свободу обездоленный люд столицы Франции, находит у авторов фильма своеобразную внутреннюю взаимосвязь со многими событиями истории создания ленинской партии, а затем и русской революции, и даже с недавними (1960 год) молодежными студенческими волнениями в Париже...

Этот огромный временной период, со всеми его жизненными бурями, со всеми политическими сложностями и коллизиями, со всею несхожестью ситуаций, пронизан, однако, единой — главной — творческой задачей: пока-

зать бессмертие революционной мысли, неотвратимость ее возникновения, ее живую действенность и побеждающую силу.

В этом свете не случайным выглядит то внимание, которое — среди многих других событий истории — уделяют авторы фильма созданию В. И. Лениным в 1911 году (в парижском пригороде Лонжюмо) партийной школы, основной задачей которой было сохранение партии и ее Центрального Комитета от «ликвидаторской сволочи» — так без обиняков выражался сам Владимир Ильич.

Острая политическая актуальность, целеустремленность, пронизывающие деятельность ленинской партии, — вот что более всего позволяет связывать воедино многие, порою весьма далекие друг от друга события фильма, сложного и непростого; фильма, порою, быть может, даже и чересчур усложненного по своим внутренним «сцеплениям», но всегда направленного к главной цели: не упустить из вида ход истории, ее движение, развитие, — пусть такое разнородное и пестрое, но всегда связанное изнутри самой жизнью народа, его нуждами, его требованиями.

Порою возникает ощущение, что создателей фильма не только

увлекает, но как бы даже и одолевает, подчиняет сама многогранность, сама необъятность, сама широта взятой на себя задачи... Впрочем, в эту масштабную непростоту, в этот размах истории, заранее обусловленные самой темой фильма, нам помогают вникнуть образы главных героев с их несомненной человечностью, с правдой их внутренних переживаний.

Здесь достоверен и правдив облик самого Ленина, как и сподвижников Ленина, — условие, очень важное нынче, поскольку его стало вдруг позволено нарушать в угоду отвратительной «моды», якобы продиктованной требованиями «современности».

Надо ли напоминать, что подлинно современное искусство всегда с чрезвычайной, трепетной бережностью несло народу образ Владимира Ильича — образ живой и достоверный во всех деталях, в манере поведения, обращения с людьми... Щукин в погодинских пьесах, Штраух в фильмах Юткевича мало сказать «играли» Ильича: они как бы чудом перевоплощались полностью...

В своей новой картине С. Юткевич поручает главную роль Ю. Каюрову, которого тоже никак нельзя назвать исполнителем-новичком. Его построение образа

Ленина отличается правдивой корректностью, четким умением мыслить, общаться с окружающими людьми... В окружении же Ленина прежде всего следует отметить очень искренне сыгранную актрисой В. Светловой роль Крупской, молодой и обаятельной. Эта работа актрисы внесла в картину то доброе, мягкое звучание, которое и всему фильму словно добавило необходимую сердечность; очеловечило, если можно так выразиться, самую историю жизни героев, приоблигло ее к нам.

В объемной картине есть, разумеется, и другие актерские свершения; все не перечислить. Но нельзя не упомянуть А. Максимова и П. Кадочникова, сыгравших Лауру и Поля Лафаргов...

Французская актриса Клод Жад увлеченно исполняет роль Инессы Арманд, показывая зрителям, какую незаурядной натурой обладала эта известная деятельница революции...

Вот так снова ожила и заговорила на киноэкране история, ее герои, давние и недавние дни... Сама история словно обратилась к дню сегодняшнему, чтобы подтвердить свою революционную связь с ним — необратимую и неразрывную.

Н. ТОЛЧЕНОВА

БЕРЕЖЛИВОСТЬ: РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

ЭТА НЕПОСЛУШАНАЯ ЭТИКЕТКА

...Вкратце о сути дела. В «Огоньке» была опубликована корреспонденция, которая поставила под сомнение существовавшую практику — на маркировку и упаковку различных изделий ежегодно расходовались миллионы метров хлопчатобумажной ткани. «Это порочная практика», — согласились с журналом министерства и ведом-

ства. И продолжали расходовать хлопок...

Почти одновременно в редакцию пришло три письма. Одно, от заместителя министра легкой промышленности СССР И. Г. Гриценко, не оставляло сомнений в решении вопроса: публикация «Не золотой ярлык, а бриллиантовый» («Огонек» № 24 за 1981 год) рассмотрена в министерстве, приняты все необходимые меры. В частности, «в нормативно-техническую документацию на изделия легкой промышленности внесены изменения, предусматривающие исключение применения хлопча-

тубумажных тканей на маркировку и упаковку. Указанные изменения введены на предприятиях с 01.01.81» (запомним эту дату. — К. Б.). Правда, заместитель министра не забыл оговориться: ряд предприятий, писал он, «в нарушение нормативно-технической документации» продолжали применять имевшуюся на предприятиях ленту из хлопка.

Однако волноваться не следует, так как Минлегпром СССР циркулярным письмом от 17/VII 81 г. (сообщается его номер АА-42/10 758) уже предложил минлегпромам союзных республик принять надлежащие меры «по обеспечению строгого соблюдения утвержденной нормативно-технической документации, предусматривающей исключение применения хлопчатобумажных тканей на маркировку и упаковку».

Своеобразные порядки бытуют, видимо, «на ряде предприятий», если одного распоряжения недостаточно и вдогонку ему отправляется инструктивное письмо. Или бумагу не жалеют в Минлегпроме, или недостаточно четко в этом ведомстве поставлен контроль за исполнением своих же указаний?

Тов. Гриценко сообщает также, что по приведенным в журнальной заметке фактам Роспромкожгалантерея (по поручению Минлегпрома СССР) «рассмотрела на техническом совете вопрос о запрете использования хлопчатобумажной маркировочной ленты. За допущенные отступления от требований нормативно-технической документации в части использования маркировочных ярлыков из хлопчатобумажных тканей на директора и главного инженера Богородской кожгалантерейной фабрики наложены взыскания».

Второе письмо — от директора Богородской кожгалантерейной фабрики Е. А. Морковкина информировало: «Статья «Не золотой ярлык, а бриллиантовый» обсуждена на совещании инженерно-технических работников фабрики 29 июня 1981 года. По существу статьи: письмом Госстандарта СССР (сообщается и его № 19/226. — К. Б.) разрешено использовать имеющуюся на фабрике ленту хлопчатобумажную на маркировку изделий до 01.07.81». Запомним и эту дату и вместе с вами удивимся расхождению: Минлегпром запрещает применять дефицитный хлопок на маркировку с 1 января, а Госстандарт разрешает использовать имеющуюся на фабрике ткань на ту же маркировку до первого июля. Чье указание «главнее», не беремся судить. Но если прав Госстандарт — за что наказали директора и главного инженера? А если прав Минлегпром, то почему своевременно не выполнили министерское указание?

...Теперь о третьем конверте. Когда мы вскрыли его, из пакета высыпались... хлопчатобумажные этикетки. Один ярлык еще недавно сопровождал изделие Одесской фабрики (находчивые одеситы не поставили на этикетке дату выпуска товара), второй — большой заплатой красовался на шлеме для велосипедистов, сделанном Киевской фабрикой спортивных изделий. Третий ярлык был использован на маркировку продукции фабрики перчаточных изделий города Гродно. На нем, как и полагается, есть дата — 1981 год. Этим же годом выпуска помечена хлопчатобумажная этикетка Московской кожгалантерейной фабрики — с кошелька.

Значит, и тут инструктивные и циркулярные указания не сработали? Придется сочинять еще один министерский документ? Или есть другие возможности проследить за тем, чтобы подведомственные предприятия выполняли предписания министерства? Или хотя бы руководствовались логикой и элементарными экономическими расчетами. Ведь, согласитесь, нелепо и расточительно переводить хлопчатку на бросовую этикетку, которая оказалась столь непослушной.

Даже приказу министерства...

К. БАРЫКИН

НАЧАЛО

**П. Г. ЛУШЕВ,
генерал армии,
командующий войсками
ордена Ленина Московского
военного округа**

вого полка 185-й дивизии. А вскоре политрук Н. П. Бочаров был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза.

На полях Подмосковья получили развитие традиции боевого братства, верности долгу, товариществу. В историю нашего округа навечно вписано имя Героя Советского Союза рядового С. И. Савостьянова. Высокой наградой Родина отметила его за подвиг, совершенный 17 декабря 1941 года.

С десантом на танке рядовой С. И. Савостьянов и его боевые товарищи ворвались в деревню Денисиха. Но затем обстановка резко изменилась, гитлеровцы сумели оттеснить танкистов. А мотострелки успели закрепиться в блиндаже. Они стойко, шесть часов подряд, сдерживали яростный штурм. Лишь один С. И. Савостьянов к концу боя остался в строю. Когда кто-то из раненых предложил отходить, он резко обернулся:

— Что ты надумал?! Товарищей бросить? Никогда тому не бывать! Не смей и думать об этом!

Вскоре наши танкисты вновь ворвались в Денисиху. Они насчитали вблизи блиндажа, где вела неравный бой горстка отважных бойцов, десятки вражеских трупов.

В битве под Москвой участвовала вся страна. Здесь проявила невиданную стойкость и массовый героизм 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И. В. Панфилова. Сформированное в Алма-Ате, это соединение было представлено многими достойными сынами многонационального советского народа. Под Москвой зародилась гвардейская слава 78-й стрелковой дивизии А. П. Белобородова, 258-й стрелковой дивизии М. А. Сиязова и других сибирских соединений. «Трудно даже сказать, — отмечал Маршал Советского Союза К. С. Рокоссовский, — насколько своевременно сибиряки влились в ряды наших войск!»

Звания Героя Советского Союза был удостоен славный сын латышского народа — командир отделения 201-й стрелковой дивизии Я. Вилхелмс: он смело подползал к вражеским дзотам, уничтожал их, забрасывая гранаты прямо в амбразуры. Солдат не покинул поле боя даже тогда, когда получил три ранения.

Такой массовый героизм был величайшим фактором, обеспечившим нашу славную победу под Москвой. К концу декабря 1941 года войска Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов разгромили ударные соединения группы армий «Центр». Всего было разбито 38 дивизий противника, в том числе 15 танковых и моторизованных.

Начало декабря сорок первого... Битва за Москву достигла наивысшего напряжения. Враг находился в 25—30 километрах от столицы. Но уже назревал перелом. Наступление фашистских полчищ задыhalось, лучшие гитлеровские дивизии были обескровлены, резервы иссякали.

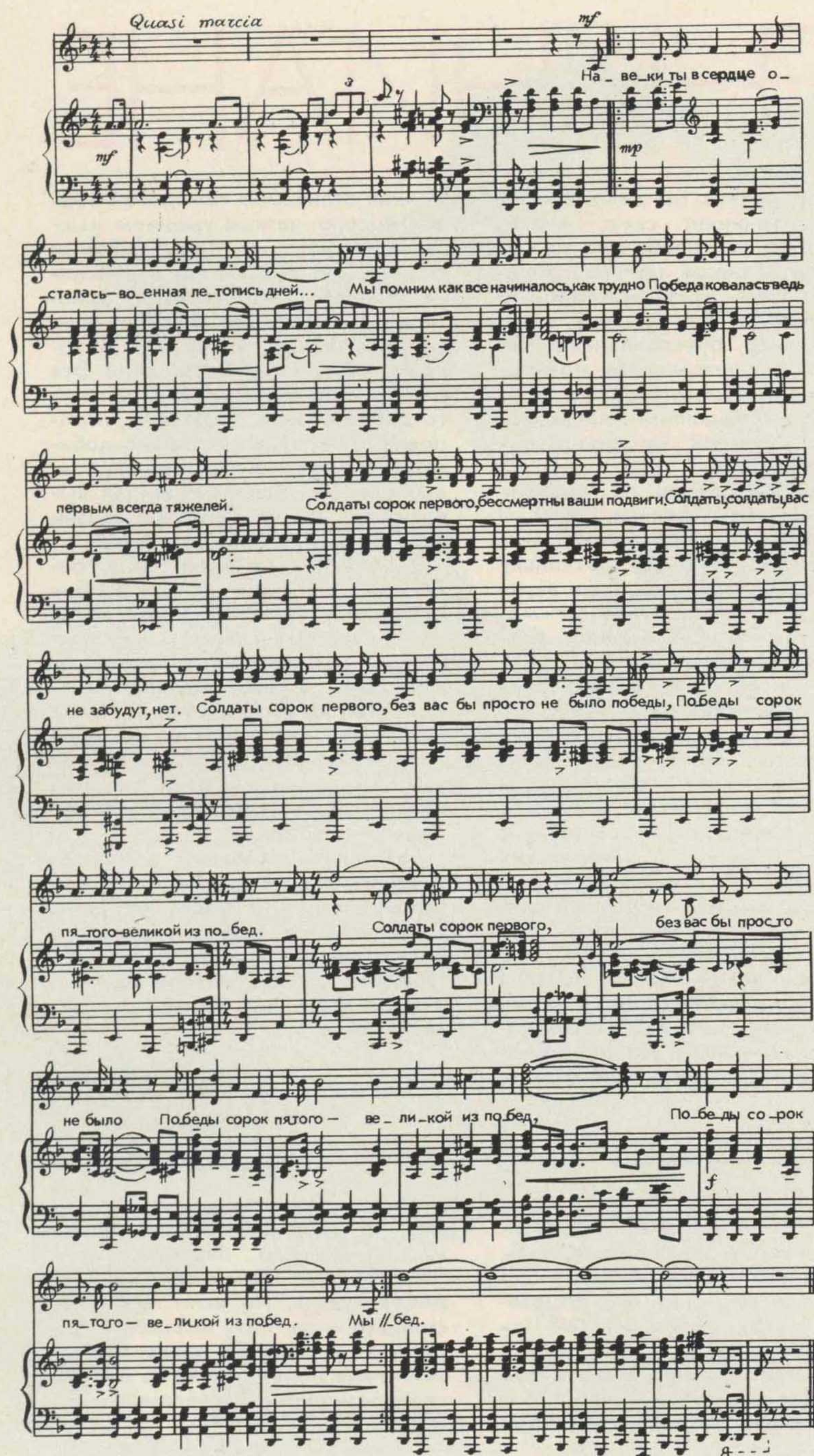
В первые дни декабря в центре Западного фронта, под Наро-Фоминском, враг был остановлен. На южном участке этого фронта, в районе Тулы, под натиском наших войск противник начал отходить. Это означало, что Красная Армия отстояла столицу!

А из Сибири и Казахстана, из Средней Азии и с Урала непрерывным потоком шли к Москве эшелоны. Сюда направлялись новые дивизии и боевая техника, теплая одежда и продовольствие — все, что требовалось для сокрушающих ударов по врагу. И направления этих ударов уже были обозначены яркими стрелами на штабных картах Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов.

5—6 декабря Красная Армия, которую фашистская ставка считала разбитой, неспособной наступать, перешла в контрнаступление. Войска трех фронтов обрушили на врага сокрушительные удары.

Вдохновителем и организатором разгрома гитлеровских полчищ под Москвой была Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунисты шли в первых рядах атакующих. Героический подвиг совершил под Москвой один из многих сынов партии — политрук роты Н. П. Бочаров.

Несколько раз поднимал он бойцов в атаку в районе Вараксина. И в конце концов враг не выдержал, попытался. Преследуя его, пехотинцы захватили два орудия. Политрук Н. П. Бочаров тут же приказал развернуть их и открыть огонь по фашистам. В том бою, вдохновляемые политработником, отважные воины уничтожили более роты вражеских солдат, захватили 11 пулеметов, много автоматов, мин, автомашин. Это позволило обеспечить успешное продвижение вперед 280-го стрелко-

Солдаты сорок первого

Музыка Бориса АЛЕКСАНДРОВА

Стихи Сергея БЕНКЕ

Навеки ты в сердце осталась —
Военная летопись дней...
Мы помним, как все начиналось,
Как трудно Победа ковалась:
Ведь первым всегда тяжелей.

Мы помним священные даты,
Друзей, опаленных войной.
С годами стареют солдаты —
Из жизни уходят солдаты,
Герои второй мировой.

Припев:

Солдаты 41-го,
Бессмертны ваши подвиги.
Солдаты, солдаты,
Вас не забудут, нет.

Солдаты 41-го,
Без вас бы просто не было
Победы 45-го —
Великой из побед.

Припев.

В надежных руках эстафета.
Солдаты отваги полны.
Любовью народной согрето
Почетное звание это —
Защитник Советской страны.

Припев.

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

В битве за столицу был подорван военный престиж Германии, бесповоротно развеян миф о непобедимости немецко-фашистских войск. И это сказалось на многом. Была ослаблена угроза вступления Японии в войну против СССР. Ускорилось образование и упрочение антигитлеровской коалиции. Уже 1 января 1942 года двадцать шесть государств мира, в том числе США и Англия подписали вместе с Советским Союзом декларацию об объединении наших военных и экономических ресурсов для разгрома фашистского блока.

Впереди еще были тяготы и лишения более чем трех лет войны. Еще предстояло пройти через горнило суровых битв на Волге, под Курском и Берлином. Но именно тогда, в декабре сорок первого, и именно здесь, на полях Подмосквья, занялась заря грядущей Победы. «Историческая победа под Москвой», — подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев, — вдохновила советских людей на новые подвиги, укрепила их уверенность в том, что враг неминуемо будет разбит».

Четыре десятилетия отделяют нас от легендарных событий сорок первого. Но и поныне не меркнет свет той далекой зари, провозвестницы Победы, нетленна память о защитниках столицы в сердцах советских людей.

Вспоминаю шестидесятые годы. В ту пору мне посчастливилось командовать одним из прославленных соединений Советских Вооруженных Сил — гвардейской танковой Кантемировской дивизией. Я не раз бывал с офицерами, сержантами и солдатами на учениях и полевых занятиях в тех местах, где осенью и в начале зимы сорок первого года шли жестокие схватки с фашистскими полчищами. И всюду мы встречали памятники героям былых сражений — от простых обелисков с пятиконечной звездой до монументов.

Казалось, подвиг достойно отмечен. Но вот недавно, уже на посту командующего войсками округа, я вновь побывал в тех же местах. Памятников стало гораздо больше! Оказалось, что только за последние годы на территории Московской области было установлено восемьсот тридцать памятников и обелисков героям войны.

Вот и недавно, в канун сорокалетия битвы под Москвой, открыт монументальный памятник одиннадцати саперам — защитникам столицы, не дрогнувшим перед значительно превосходящими силами противника, ни на шаг не отступившим с занятого рубежа.

Чувство благодарности к тем, кто в трудную годину заслонил собой Родину, защитил ее, воедино слито в наших сердцах с горя-

чим стремлением держать на них равнение в служении Отчизне. Именно поэтому в стране не раз рождались патриотические начинания, связанные с именем героев Великой Отечественной войны.

Примечательно, что многие из них рождались там, где в 1941 году с особым ожесточением гремели бои. Не раз, например, в сводках Информбюро назывался Наро-Фоминск. На знамени этого города ныне сияет орден Отечественной войны I степени. И именно его жители обратились к труженикам столицы и Московской области с призывом начать с сентября 1981 года ударную трудовую вахту под девизом «Ратному подвигу защитников Москвы — наш подвиг трудовой». Это обращение нашло широкую поддержку и принесло замечательные результаты.

Сродни думам и свершениям трудящихся мысли и дела воинов. В одной из частей гвардейской танковой Кантемировской дивизии уже давно возникло движение «Герои — в нашем строю!». Каждый день на вечерней поверке здесь звучат имена Героев Советского Союза младшего лейтенанта В. Ермолаева и сержанта А. Тимофеева. Лучшим механиком-водителем, добившимся наивысших показателей в выполнении обязательств, вручается вымпел имени Героя Советского Союза сержанта А. Тимофеева. А самый дружный и сплоченный экипаж удостоивается приза имени Героя Советского Союза младшего лейтенанта В. Ермолаева.

Патриотическое движение «Герои — в нашем строю!» охватило многие воинские коллективы. Но прежде всего оно получило широкое развитие в тех подразделениях, где в списки личного состава навечно зачислены Герои Советского Союза. Таких подразделений у нас немало. И, как правило, все они служат примером для других. В этом видится ярчайшее свидетельство живой и неразрывной связи разных поколений защитников Родины.

В этой живой связи, в верности сегодняшних воинов делам старших с особой наглядностью довелось убедиться в нынешнем году. Мне было оказано высокое доверие — командовать военным парадом войск Московского гарнизона. В ходе подготовки к этому ответственному смотру войск я неоднократно встречался с офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами, со многими из них беседовал.

Старший лейтенант С. Серов. Несколько лет назад из многих дорог, открывавшихся ему, он избрал самый трудный путь — тот, которым шел его отец, участник исторического парада в ноябре

1941 года, ныне полковник Советской Армии. Сергей служит отлично. Не случайно за короткое время он вывел свое подразделение в число лучших воинских коллективов гвардейской мотострелковой Таманской дивизии.

В парадном строю на Красной площади вместе со своими юными подчиненными был офицер-воспитатель Московского суворовского училища майор Ю. Дмитриев. И он, подобно многим офицерам, идет по отцовским стопам. Дмитриев-старший был кадровым военным, в боях под Москвой командовал полком. В январе 1942 года он погиб в бою.

А солдаты, сержанты и курсанты... Сколько среди них достойных наследников славы фронтовиков. Таков, в частности, отличный механик-водитель боевой машины пехоты гвардии рядовой Владимир Середенко. Для него превыше всего наказ отца — участника Великой Отечественной войны: «Служи Родине, как самому себе!» Под стать ему и Александр Фомин. Тридцать шесть лет назад его дед, рядовой В. Фомин, был участником Парада Победы.

У всех этих людей, как и у большинства воинов Московского военного округа, высоко развито чувство гражданственности, постоянная готовность служить своему народу. Это чрезвычайно важно. Ныне значение техники намного возросло. Сегодняшний защитник Родины имеет дело с автоматикой, электроникой, сложнейшими техническими устройствами и системами. Оснащение ими армии во многом изменило характер воинской деятельности и современного боя. Однако, как и прежде, решающая роль принадлежит человеку, его морально-боевым качествам, духовному потенциалу.

Жизнь нередко устраивает проверку таких качеств. И мы по праву гордимся тем, что наши воины, как правило, подобную проверку с честью выдерживают.

...В тот летний день с утра было солнечно. Потом набежали тучи, пошел мелкий дождь.

Вдруг раздалась команда: «В атаку, вперед!» Ташпулат Юлдашев стремительно вскочил и оказался первым среди наступающих. Как же иначе, ведь он комсгруппорг взвода.

Вот и траншея «противника». Ташпулат занес над собой гранату, и тут его нога скользнула по траве. Падающая граната лежит всего в нескольких шагах... Четыре секунды отделяли Ташпулата от взрыва. И в эти последние в его жизни секунды он думал не о себе, а о товарищах, бежавших вместе с ним в атаку. Ташпулат крикнул: «Ложись!» — и, рванувшись вперед, упал на гранату.

Подвиг гвардии рядового Таш-

пулата Юлдашева отмечен высокой наградой — знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

Во время других учений десантник гвардии рядовой С. Мазынец с риском для жизни спас своего товарища. Так же поступил и воин-таманец рядовой С. Петров. Когда у получившей повреждение мины загорелся воспламенитель, он, чтобы спасти работавших поблизости товарищей, обезвредил детонатор.

Вот какие люди служат сегодня в армии! Не случайно так тепло говорил о них с трибуны торжественного заседания, посвященного 64-й годовщине Великого Октября, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов: «В советских воинах воплощены лучшие качества народа — его ум и талант, патриотизм и сознательность, трудолюбие и самоотверженность... На таких людей всегда можно положиться!»

Как и для всех Вооруженных Сил Советского Союза, 1981 год — год XXVI съезда КПСС — был напряженным для воинов ордена Ленина Московского военного округа. Но чем сложнее и ответственнее ставятся перед ними задачи, тем с большим упорством и энтузиазмом трудятся они над их решением. Таков характер воинов Московского военного округа. В этом — их верность старшим поколениям, чью боевую славу и замечательные традиции они призваны наследовать и умножать.

И как не назвать тех, кто по праву оказался победителем соревнования! Вновь лучшим в шеренге показал себя гвардейский мотострелковый полк, которым командует гвардии подполковник В. Крюков. Достоинно завершила учебный год гвардейская артиллерийская часть, возглавляемая подполковником В. Зарицким, а также воины-танкисты, которыми командует подполковник В. Калачник.

Достигнутое, безусловно, не предел. Надо идти дальше, добиваться большего — так понимают свои задачи воины Московского округа. С огромным воодушевлением встретил личный состав округа итоги ноябрьского (1981 года) Пленума ЦК КПСС, яркую речь на Пленуме товарища Л. И. Брежнева, решения VI сессии Верховного Совета СССР. Вдохновленные замечательными перспективами дальнейшего неуклонного повышения экономического и оборонного могущества Родины, воины округа настойчиво борются за совершенствование своего боевого мастерства, стремятся быть достойными преемниками славных традиций героев Великой Отечественной войны, одержавших замечательную победу на полях Подмосквья.

МОСКВА, ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ 1941

Зигмунд ХИРЕН

20 октября

Постановление Государственного Комитета Обороны об осадном положении Москвы еще не опубликовано, лежит на редакторском столе рядом с распечатанным конвертом и мелкими кусочками сломанной красной сургучной печати. Вдвоем с фельдгегерем, доставившим из Кремля пока еще совершенно секретный пакет, спускаемся на редакционном лифте.

Мой путь лежит в Замоскворечье, к человеку, чье имя названо в первом абзаце постановления, привезенного в редакцию фельдгегерем. Едва прочитал постановление, как редактор срочно отправил меня к генералу Артемьеву. Вот этот абзац: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона на ее подступах»...

Ехал я к Павлу Артемьевичу Артемьеву во время сильного авиационного налета на Москву. В штабе дежурный офицер сразу же объявил, что Артемьев принять не сможет. Я и сам видел, что не до меня сейчас... В узких коридорах штаба свет то загорался, то гаснул. Где находится кабинет Артемьева, я, естественно, не знал. И тут вырвался случай... Навстречу мне шел старый друг по работе на Дальнем Востоке в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, которой в то время командовал маршал Блюхер. Это был Константин Федорович Телегин. Там, на Дальнем Востоке, в Хабаровске, знал я его полковым комиссаром, начальником политотдела пограничных войск. Сейчас в петлицах Телегина я увидел два ромба — значит, стал он дивизионным комиссаром. Телегин объяснил мне, что недавно назначен членом Военного Совета Московского военного округа. Однако времени для воспоминаний и взаимного обмена информацией не было. Объяснив Телегину, что привело меня в штаб, я попросил, чтобы он помог мне встретиться с генералом Артемьевым. Телегин чуть поморщился, заметив, что выбрал я время не «ай», как он выразился, что на Москву сейчас волна за волной идут фашистские авиационные армады, и, как стало известно, не только с бомбами, но и с тонными торпедами, которые они намереваются бросить на Кремль, и что Артемьеву, как я должен понять, в данную минуту не до меня и не до нашего редактора. Однако я настаивал на своем. И Телегин сказал:

— Ну давай пойдем к Артемьеву. По старой памяти представлю тебя, но не ручаюсь, чтобы он пожелал беседовать.

И вот открывается высокая дверь. Несколько высоких окон, плотно зашторенных, яркие лампы. Генерал поднялся из-за громадного письменного стола, уставленного множеством обычных и полевых телефонов, ни на секунду

не умолкающих. Высокого роста, стройный, подтянутый, с необыкновенно синими, ясными и спокойными, запомнившимися на всю жизнь глазами. К сожалению, он не может выслушать всей моей, так сказать, вступительной тирады: телефонные аппараты не позволяют, приходится непрерывно поднимать трубки, слушать, вновь опускать, опять слушать, что-то отвечать... В конце концов ему, видимо, удается уловить и суть моих вопросов. Что предпринимается для обороны подступов к Москве? Как он, начальник гарнизона, намерен выполнить только что принятое Государственным Комитетом Обороны постановление?

Артемьев приглашает меня присесть и, сам усевшись в кресло, спокойно говорит:

— Москву теперь мирным городом не назовешь, фронт мы теперь. Каждая улица уже сейчас должна приобрести да и приобретает боевой облик, а кто остался в Москве — должен быть готовым вступить в бой.

И тут я узнаю, что Артемьев присутствовал на том самом заседании ГКО, где это постановление принималось, а еще точнее, где продиктовал его Верховный главнокомандующий.

Словом, я не мог пожаловаться на своего собеседника. Речь его отличалась четкостью, образностью, была точной, исчерпывающей. Не могли не изумить спокойствие, сильный характер. И помнится мне, что тогда, слушая Артемьева, я искренне сожалел, что всего этого не смогу изложить в интервью.

В тот момент я еще не мог предполагать, что именно мой собеседник 7 ноября 1941 года будет командовать военным парадом на Красной площади, а в 1945 году — руководить организацией Парада Победы.

Тогда, во время первой нашей встречи, я позволил себе задать генералу некоторые вопросы, формально не входившие в тему нашей беседы. Так, например, спросил у него, бывают ли у начальника гарнизона какие-либо встречи, не имеющие прямого отношения к его нынешней деятельности. Артемьев улыбнулся, и мне даже показалось, что вопрос ему пришелся по душе. Он сказал, что был у него писатель Алексей Толстой. И представьте, явился не по литературной линии, а просить за одного своего молодого избирателя.

Мне запомнилось посещение Алексея Толстого нашей редакции. Было это в первые месяцы войны. Грузный, в расстегнутом светлом пиджаке, сидел он в кабинете ответственного редактора дивизионного комиссара Д. И. Ортенберга, облокотившись о письменный стол. Непрерывно вытирал большим клетчатый носовым платком макушку, с любопытством разглядывая стены, потолок, нас, обступивших его. Глаза у писателя были насмешливые. У одного кобур нагана потрогал, у другого орден на гимнастерке погладил. Сперва больше молчал, слушал, а там и сам разговорился...

— Урчат, понимаете, житья от них нет, урчат — полбеды, а начнут из пушек своих авиационных палить, из пулеметов строчить, пикировать, чуть ли не на самую крышу дома... Ну, наши-то сложа руки не сидят, бьют по «юнкерсам» из зениток, накалывают и прожекторами и трассирующими снарядами, воздушные бои ведут. Зрелище богатейшее, нечеловеческой красоты, в особенности, когда один за другим факелом валятся на землю стервятники. Эти уж москвичей не тронут, слава богу. Словом, как понимаю, дача-то моя в самом горниле московской противовоздушной обороны. Название одно: дача, в действительности — на войне как на войне, а я, старый дурак, подумал: уединился! Давно пора мне на фронт. За тем и прибыл на вашу Малую Дмитровку.

О чем же был у Алексея Толстого разговор с генералом Артемьевым? Значит, так, задержал патруль парня одного, а тот

уже с «губы» (то есть с гауптвахты) успел записку домой переслать, мол, трибуналом пахнет. А писатель знает того парня, голову, говорит, на отсечение даю, ничего такого чь-то горючую руку. Артемьев выслушал и обещал во всем разобраться. И тут Алексей Толстой вспомнил во всех подробностях свои прегрешения, как после революции бежал, а затем, поняв, что никакие «парижи» Родины не заменят, пришел с повинной к Советской власти, и Советская власть простила. И вот он, бывший граф, теперь депутат Верховного Совета СССР.

— Допустим, этот мой дуралей в чем-то и провинился, но ведь молодой, кланусь, одумается, дайте кровью вину искупить.

Артемьев, закончив свой рассказ об Алексее Толстом, заметил, что каждое утро является к нему комендант города и докладывает о всевозможных ЧП, происшедших за ночь в столице. Всякое бывает, полномочия в это грозное время у начальника гарнизона немалые, может и карать, может и миловать. Иной раз такое услышишь, чувствуешь, не осилишь сам, и при первом же удобном моменте Верховному доложишь. Вот был, например, случай, летчик один до такой степени провинился, наказание — расстрел. Доложил Артемьев Верховному, а тот спрашивает, на каком самолете провинившийся летает, сколько вражеских машин сбил. «Четыре «юнкерса», — отвечает Артемьев. «Где?» — спрашивает Верховный. «Под самой Москвой, не пропустил гадов в Москву». «Значит, — продолжает Верховный, — сколько жизней спас?» «Может, тысячу, а может, больше», — отвечает Артемьев. «Не судить! — заключил Верховный. — Послать в бой рядовым».

Спустя время, вновь встретившись с Артемьевым, поинтересовался судьбой подопечного Алексея Толстого. Уважили просьбу писателя.

...Вскоре я уже был в редакции и сдал большое интервью с генералом Артемьевым.

21 октября

Штаб Западного фронта. К Георгию Константиновичу Жукову я приехал по заданию редактора в Перхушково, небольшой дачный поселок неподалеку от Москвы. Войдя в деревянный домик с лестницей, я увидел его в старенькой полосатой пижаме, с махровым полотенцем на плече, в руках мыло, железная банка с зубным порошком и зубная щетка. Перед тем, как сообщить Жукову, что отныне я вновь буду находиться на Западном фронте, ежедневно публиковать в газете вместе со своим коллегой репортажи, я должен был выполнить поручение, полученное в Смольном от А. А. Жданова. Он просил передать Жукову, что обещанную посылку отправил и пусть ждет новых. Признаться, не знал я, что кроется под словом «посылка».

— Слышишь, вот она, «посылочка»-то! — Жуков кивнул на открытую форточку. За окном гремела артиллерия. Бросив на черный клеенчатый диван все свои туалетные принадлежности, Георгий Константинович остановился возле высокой конторки с топографическими картами и стал писать до такой степени старательно, что даже два раза высунул кончик языка.

— Питерские-то нас, москвичей, щедрой рукой одарили, прислали стволы для пушек. И знаешь, на чем? На «дугласах».

К этому слову Жукову уже ничего добавлять не надо было. Я хорошо представлял себе этот воздушный мост. Могу даже его описать, летал там. Всю дорогу шли мы на бреющем, плотно прижавшись крылом к крылу, словно большие птицы, поклявшиеся никогда не расставаться. Большие птицы? Вернее было сказать, что летим на пороховых бочках. Наши самолеты набиты ящиками и коробками с взрывчаткой. Она была необходима ленинградским заводам. Самолеты шли над землей, содрогавшейся от взрывов снарядов и бомб, над землей, плотно застав-

ленной фашистскими зенитками, норовившими всех нас до одного взорвать в небо. Наш рейс, считал я, как и все мы, вполне закономерным, обычным. Тяжелее всего, разумеется, было во время полета экипажам машин. Немало летчиков, штурманов, стрелков-радистов отдали жизнь этому воздушному мосту. Осажденный Ленинград нуждался в начинке для боеприпасов, и ее доставляли из Москвы. Только пошли на посадку, как над Комендантским аэродромом появилась туча «мессеров»... А ночи ленинградские! Их прозвали мы тогда железными. Так оно и было. Ночь — это бесконечный грохот и скрежет металла. Бьют балтийцы из тяжелых морских орудий, бьет наша зенитная артиллерия по вражеским самолетам, не умолкают орудия фашистские, не прекращаются взрывы от вражеских снарядов и бомб, треск авиационных пушек и пулеметов. Понятно было, что значат для ленинградцев те самые стволы, о которых только что сообщил мне Жуков.

«Посылка», сказал Жуков, вряд ли предусматривалась Ставкой. Сработали питерские рабочие для москвичей. Я же, слушая в ту минуту полководца, чувствовал, что он потрясен щедростью душевной ленинградцев.

И вот я стою в Перхушковой возле письменного стола Георгия Константиновича. Совсем недавно был я у него в Смольном. И сейчас, глядя на скромную обстановку, на заляпанный лиловыми чернилами старенький, расшатанный письменный стол, вспомнил громадный чернильный прибор в Смольном, замечательный тем, что состоял он из множества фигур, изображавших охоту на медведей. И чернильницы, и пресс-папье, пепельницы, спичечницы — все были усыпаны топыгными и мелкими медвежатами, охотниками, нацелившимися из своих ружей, егерями, легавыми с длинными, болтающимися до ног ушами.

— Забавно, — сказал Жуков, — да только негде карту развернуть, весь мой стол мишки захватили.

Теперь под Москвой речь у нас пошла о положении на фронте. Ничего утешительного Жуков сообщить в тот момент не мог. Он лишь сказал:

— Уверенность в правоте своего дела. Как бы тяжело ни было — в победу верить, иначе — поражение. Окруженцы рвутся к своим, чтобы снова воевать. Партизаны, действующие в глубоком тылу, передают шифровки о своих деяниях. Не записывай. Деяния большие, важные, но пока рекламировать не будем. Вот что запиши. Иногда среди шифровок попадаются заявления в партию. Подобного, по-моему, в истории не было.

Признаться, на меня лично самое большое впечатление произвел тогда рассказ Жукова о «посылке». Как потом узнал, за словом этим жуковским — «посылка» — крылось немало других волнующих дел, подробностей, а если угодно, истинных трудовых и ратных подвигов. Начать с того, что в Москве сперва на «Красной Пресне», а затем на заводе «Сerp и молот» кировские рабочие, те самые, которые давали фронту самые тяжелые, самые мощные танки, открыли «гарантийную» мастерскую по ремонту боевых машин. Прикатили в Москву кировские ребята в августе, еще до того, как город на Неве оказался в осаде. Захватили с собой летучки, инструмент, запасные части. И вот сейчас, когда Москва оказалась в опасности и каждый танк был на вес золота, поврежденные танки под обстрелом, с величайшим риском для жизни эвакуировали с полей боев и на буксире доставляли в «гарантийную» мастерскую. Бывало и так, что экипажи этих подбитых танков оказывались земляками ремонтников. Ведь дело в том, что кировцы не только изготавливали боевые машины, но часто на них уходили в бой добровольцами. Словом, как бы тяжело ни был изранен КВ, сколько бы ни пришлось выдержать его броне снарядов и огня, а тут его исцелят. И сердце танка не останется без внимания. Пусть умолкшее, изувеченное — все равно «здешние доктора» найдут подходящие «лекарства» и помогут к движению. Ясно, разумеется, что сердце танка — это его двигатель. Ремонтировали и двигатели.

Еще узнал я, что к Жукову регулярно в Перхушково заезжают директор, главный конструктор, ведущие инженеры. Не столько интересуются качеством своей продукции, на нее жалоб не было у Жукова, а положением на фронте. Жуков то и дело подводил их к карте, посвящал в обстановку, а затем, сложив руки на животе, как бы намекал: сами видите, дело труба, без «коробочек» из беды не вылезти.

И видели танкостроители, и убеждались, и принимали самые героические меры к тому, чтобы выручить друга в беде, снабдить его «коробочками». Однажды речь зашла о том, сколько же этих «коробочек» нужно в день, чтобы начисто уничтожить врага, взялись все за карандашики, за блокноты, кто-то даже потянулся за случайно оказавшимися под рукой счетами. Считали, считали и заключили: не меньше 100 штук в день. Пока же каждый танк был на вес золота, а поддобьют — жизни не пожалеют, чтобы на буксире вытащить под самым сильным вражеским артиллерийским огнем и приволоочь в знаменитую «гарантийную» мастерскую.

30 октября

Уже десять дней мы с коллегой по «Красной звезде» Я. Милецким публикуем на первой полосе ежедневно репортажи о положении на Западном фронте. Перерывы в репортажах исключаются. Вот и сейчас — уже второй час дня, а мы с Милецким находимся за березовой рощей, изуродованной артиллерийскими снарядами, в окопе, залитом дождевой водой. Это передний край обороны Москвы. Неподалеку на перекрестке стоят наизготовке «катюши». При нас они выпустили свои грозные снаряды. Командир дивизии полковник Карамышев как бы невзначай заметил:

— С этого места смотреть на «катюшу» очень даже приятно. А вот вчера взяли мы в плен нескольких немцев, и они поделились с нами впечатлениями о том, как у них выглядит «катюша». Что там говорить, один из пленных, в чине полковника, так и заявил: подобного не знал, не видел, не предполагал, мощь гигантская, не устоять против этой вашей штуки никому, ручаюсь...

Карамышев со своей дивизией прибыл в Подмоскovie с Дальнего Востока. Ну, естественно, сразу же стали мы вспоминать Халхин-Гол. Карамышев, когда узнал, что я был там во время боев, тут же стал знакомить меня с ветеранами дивизии, и среди них оказалось немало моих знакомых.

После тридцатикилометровой марша в дождь и непогоду по размытой дороге дивизия вступила в бой. Она должна была приостановить наступление немцев на Можайской автострате, закрыть им дорогу на Москву. Неоднократно контратакуя фашистов, дивизия продвинулась на семь километров и выбила немцев из пяти населенных пунктов, заняв тот самый перекресток, где в данную минуту стояли указанные уже «катюши».

11 ноября

Снег валит крупными хлопьями, все поле вспахано снарядами, постепенно привыкаешь к гулу, привыкаешь так, что, когда на несколько минут наступает тишина, как-то не по себе.

Черной ли ночью, туманным ли утром, все время гремят наши и немецкие пушки. Немцы контратакуют по несколько раз в день. Отгоняют их — выстрелы удаляются, снова немцы приближаются — и наноада приближается.

Думаю, если перечислить здесь все заголовки наших ежедневных репортажей, можно будет получить полное представление о положении на фронте. Вот они, эти заголовки: «Остановить врага, рвущегося к столице»; «Положение на фронте по-прежнему остается весьма напряженным»; «Кровопролитные бои за Москву»...

Однажды редактор потребовал немедленно отправиться в четвертую танковую бригаду, сражавшуюся на Волоколамском шоссе. День для бригады был более чем знаменательным. На первой полосе газеты опубликован указ о награждении командира полковника Михаила Ефимовича Катукова орденом Ленина. В тот же день постановлением Совнаркома СССР ему было присвоено звание генерал-майора танковых войск. Многих солдат и офицеров бригады наградили орденами и медалями, двое стали Героями Советского Союза. Но главной новостью сообщить еще не успели, а именно — приказа наркома обороны № 337 о переименовании 4-й танковой бригады в Первую гвардейскую. Редактор сказал, что нельзя ни минуты терять, а немедленно отправляться к гвардейцам. То и дело повторял он:

— Вам понятно, это первые гвардейцы Красной Армии, таких не было и пока нет. Вам поручено почетное дело, вы должны первыми поздравить гвардейцев с высоким званием. Надо подготовить целую страницу, и запомните: без выступления самого Катукова в Москву можете не возвращаться.

Вот и все напутствие. Из Москвы выехали, когда уже смеркалось. Ехать предстояло не так-то далеко, но по тогдашней обстановке на фронте — со многими объездами, крюками. Правда, позднее к этим сложностям прибавилась еще одна. В пути узнали от одного саперного начальника, что идет минирование дороги на случай прорыва немцев. Естественно, были приняты меры к тому,

чтобы мины и фугасы преждевременно не взорвались. Однако ж...

И вот мы в штабе гвардейцев. Подумать только! Гвардия, и мы будем первыми писать о ней, о первой советской гвардии. Как же выглядит она? Из старой литературы мы знали, что о гвардейцах всегда говорили как о блестящих офицерах, аристократах... Самого Катукова на месте не оказалось. И мы долго сидели в большой комнате единственной уцелевшей в деревне избы и беседовали с его офицерами. Ток сегодняшнего номера газеты, доставленного нами в бригаду, был тут же шумно разобран и унесен по батальонам. Что же касается главной новости — приказа о присвоении бригаде гвардейского звания, то, как мы и ожидали, никто об этом еще не слышал. Терять времени нельзя было. В приказе наркома лишь вкратце сообщалось о том, что предшествовало присвоению гвардейского звания бригаде, и мы с жадностью накинудились на детали, подробности. Было известно, что бригада, несмотря на значительное превосходство противника, нанесла ему тяжелые потери и выполнила поставленную перед ней задачу, прикрыв своими танками сосредоточение наших войск.

Сейчас бригада действует в составе войск, защищающих подступы к Москве. На фронте появилась дивизия из состава экспедиционного корпуса немцев в Африке. Их танки окрашены в ядовито-желтый цвет пустыни, песков... Катукоские десантники уже поймали и «африканского танкиста», тот говорит, что их дивизия сражалась в Ливии против англичан, а сейчас вот послали их брать Москву.

Наши блокноты были целиком исписаны рассказами, услышанными в этой холодной комнате, холодной, несмотря на то, что посредине стояла железная печь. Но где же Катукос, командир бригады? Без его выступления редактор запретил возвращаться в Москву. И вот на пороге избы показался совершенно охоченевший от мороза человек. Стряхнув снег с сапог, вошел в комнату. Меховая шапка, кожаная куртка, в петлицах полковничьи шпалы. Первым делом протянул руки к печке.

— Морозец основательный, — произнес он простуженным голосом. — Как дела? — спросил у одного из офицеров.

— Все в порядке, товарищ генерал-майор, — ответил тот и протянул Катукосу привезенную нами газету с постановлением Совнаркома о присвоении ему генеральского звания и Указом Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина.

Катукос держал перед собой газету, но вот читал ли он в это время, сомневаюсь. Взгляд был отсутствующий и далекий.

— Под носом у немцев были, черт подери, — произнес он. — Но уж ладно. Поддадим им жару завтра.

И тут я решил, что подошел момент сообщить генерал-майору танковых войск о том, что он отныне командует 1-й гвардейской бригадой, сообщить и поздравить.

— Гвардейцы! — повторил Катукос и, сняв шапку, задумался.

Я же, глядя в эти минуты на Катукоса, знал, что он вернулся из разведки. Такова его манера: перед боем собственными руками прощупать землю, по которой потом пойдут танки. Ничего с ним не поделаешь.

— Наш Катукос с хитрецей, — говорили о нем, но в словах этих была гордость, а не укор. Вот, например, он первый применил танковые десанты под Орлом. Дни были там очень трудные. В районе Мценска немецкие танки пытались зайти в тыл бригаде. Катукос предусмотрел подобный маневр врага и выставил на шоссе прикрытие. Железнодорожный мост охранялся танками с таким расчетом, чтобы немцы не смогли пройти из Мценска. Все было направлено к тому, чтобы остановить продвижение танков Гудериана в Москву, а план был у немцев именно таков. Они ни на минуту не сомневались в том, что Гудериан ворвется в Москву. На протяжении всей войны фамилия этого танкового генерала прославлялась немцами на всех перекрестках. Он считался непревзойденным полководцем. И именно он дал гарантию лично Гитлеру, что будет в Москве. Имя же Катукоса в тот момент мало кому было известно, да и бои, которые вел он тогда под Орлом, на фоне нынешних событий великой Московской битвы не так уж бросались в глаза. Да, было известно, что Катукос, несмотря на полное численное превосходство врага, не спешил покидать позиции, а всячески изводил его, истреблял. Бои иногда длились с самого утра до вечера, и ни один человек из катукосской бригады не покидал танка. В машинах было жарко, люди задыхались от пороховых газов, пот лил ручьями, во рту черно и горько от гари пушечных выстрелов, глаза слезились, уши болели, кричат внутри танка друг другу, и ничего не слышно.

Фашисты непрерывно вызывали себе на по-

мощь авиацию. Танки Катукова, маневрируя, продолжали бои под бомбежками.

18 ноября

Москва, площадь Коммуны, Центральный Дом Красной Армии. Стою в почетном карауле у гроба погибшего под Крюковым члена Военного совета, начальника политуправления Западного фронта дивизионного комиссара Дмитрия Александровича Лестева. Колышется от ветра, проникшего через открытую форточку, белая марля, и мне кажется, что Лестев жив, пытается подняться.

Это был мой самый большой друг на фронте. С ним встречался я в Монголии, на Халхин-Голе, с ним виделся и перед войной, а по-настоящему узнал, понял начиная с июля—августа 1941 года, мотаясь вместе с ним по фронту. Не знал я другого человека, который бы так держался при любой опасности, который бы умел так душевно разговаривать с солдатами, вникать во все мельчайшие особенности солдатской фронтовой жизни. Таким был он и со мной, военным журналистом. Может быть, если б не он, его постоянные приглашения «в дорогу», не смог бы я в те тяжкие дни столько написать, познакомиться со столькими интересными людьми. Ведь это он, Лестев, познакомил меня с солдатом Пашковым, которого немцы расстреляли, бросили в яму, в кучу других убитых, а солдат Пашков волею случая остался жив, выбрался из-под горы трупов, окровавленный, изувеченный, добрался к своим...

Лестев свел меня с полковником Лизюковым, которого в то время мало кто знал. Худенький, невысокого роста, усталые глаза, впалые щеки... Был полковник в солдатской пилотке, летнем хлопчатобумажном солдатском костюме. Голос тихий, спокойный, речь неторопливая. Между тем именно этот человек при непрерывных налетах вражеской авиации с применением воюющих бомб, тогда еще только входивших у немцев в моду, довольно быстро подавил панику, возникшую среди некоторой части солдат на переправе, форсировал Березину с артиллерией, бронемашинами, грузовиками. Мало того, позаботился, чтоб следовавшие за ним части могли воспользоваться переправой. Лестев, узнав обо всем этом и сам убедившись, что все именно так и было, сказал мне в машине, когда возвращались в штаб:

— Ты сказал, что трудно с темами. Ведь вот тебе настоящий герой войны!

Я в тот же день написал очерк, передал в Москву. И какова же была моя радость, когда в один и тот же день в газете появился и очерк и Указ о присвоении звания Героя Советского Союза полковнику Лизюкову! К этому был прямо причастен Лестев. Дмитрий Александрович обратился в Военный совет Западного фронта с предложением о награждении полковника. Вскоре тот стал генералом, возглавил Первую Московскую мотострелковую дивизию, удостоенную в горькие ноябрьские дни под Москвой звания гвардейской.

Лестев познакомил меня с сыновьями Фрунзе, Чапаева, Пархоменко и сказал:

— Вот тебе тема — сыновья героев гражданской войны идут по стопам отцов, сражаются на полях Великой Отечественной.

Да разве вспомнишь все, что было у меня связано на войне с этим человеком, сыном сельской учительницы. Лестев упорно величал себя «кубанским казаком», заодно и меня так окрестил, хотя был он родом липецкий, а по старому районированию — орловский. А вот Михаил Александрович Шолохов, успевший не просто познакомиться, но сдружиться с Дмитрием Лестевым, называл его своим земляком.

Возможно, был я одним из последних собеседников этого замечательного человека. В ту последнюю ночь был Лестев настроен особенно весело, все время шутил, спрашивал, представляю ли я себе, что значит «задать перцу», и тут же, не дожидаясь ответа, рассказывал веселую историю, как в юности у них наказали одного слишком наглого ухажера деревенские девушки, наказали при помощи нескольких стручков красного перца. И что же, «кинулся тот в бегство... наверное, и до настоящего дня все в бегах. Понял? Вот и мы зададим Гитлеру перцу, и побежит он от Москвы и будет бежать до самого Берлина и в Берлине места себе не найдет...»

Когда Лестев все это мне рассказывал, была на нем серая смушковая ушанка, и именно ее пробил осколок. Лестев встретил смерть на самом переднем крае великой битвы за Москву. Не я один, а и другие, стоявшие в почетном карауле у гроба Лестева, плакали. Никогда не могли мы примириться с этой смертью, хотя смерть в те дни круглые сутки носила и носила. Потом в кармане убитого Лестева нашли письмо, которое не успел он отправить домой. Вот оно: «Здравствуйте, родные Катенька, Маруся, Нина и Кируська!!! Жив, здоров. Рад, что дочка мои хорошие, учатся хорошо. Вера так расписала про Кируську, что у меня возникло решение — забрать ее к себе, будем с ней воевать вместе. Катенька! Попроси дочек, чтобы они поменьше развивали Киру, а то я за нее боюсь. Говорят, что она умна не по годам... Почему вы мало пишете? Как вам не стыдно? Целую крепко, крепко. Ваш папка. До приятной встречи».

Кроме неотправленного письма, в нагрудном кармане гимнастерки Дмитрия Александровича Лестева хранилась записка от писателя

Михаила Александровича Шолохова. Вот она: «Дорогой т. Лестев! Прошу принять от Вашего земляка привет и скромный подарок. Думаю, что мне еще придется увидеться с Вами, а пока желаю Вам здоровья, военных удач и всего доброго. Крепко жму руку. М. Шолохов». Об этой записке знал я от Лестева. Дмитрий Александрович добродушно шутил по поводу того, что писатель решил его досрочно поздравить с днем рождения. В дни битвы за Москву, 24 сентября 1941 года, Лестеву исполнилось 37 лет, а писатель явился с поздравлением 12 сентября... Лестев очень сожалел, что ожесточенные бои помешали встрече, записку бережно хранил.

...Не думал я, что придется писать в газету об этом горе. Прибыли в Москву прощаться с Лестевым бойцы с самого переднего края. Не успели снять с себя связки гранат, автоматы, винтовки. Были венки, были громадные букеты цветов... А когда траурная процессия вышла на площадь Коммуны, небо столицы было затянуто огромной серой тучей. Когда траурная процессия с эскортом пехоты и кавалерии двинулась по улицам Москвы, город замер по воздушной тревоге. Процессия продолжала медленно двигаться. Грохотали зенитки, рвались бомбы, скинутые на Москву фашистскими стервятниками, стрекотали их авиационные пушки и пулеметы. Все мы медленно продолжали шагать за гробом.

21 ноября

Продолжаем публиковать свои ежедневные репортажи о положении на Западном фронте. Сегодня под заголовком «Остановим врага, рвущегося к столице». Стараемся писать максимально лаконично и без утайвания истинной обстановки. Писатель Петр Андреевич Павленко нас подбадривает.

— Вы, — говорит он, — выбрали самый правильный тон. В такое время только так надо писать.

А обсуждаются не бог весть какие строки нашего репортажа. Вот они: «Положение на фронте по-прежнему остается весьма напряженным. Противник вводит в бой новые силы и, обладая на ряде участков превосходством в танках, атакует наши части и за вчерашний день вынудил их оставить ряд населенных пунктов».

...Еще одна большая потеря. На том месте, где позавчера стоял гроб с Дмитрием Лестевым, сегодня прощаются с генералом Панфиловым — командиром стрелковой дивизии, которая два дня назад, по давнему представлению Лестева, стала гвардейской. Все так же гремят орудия и, ударяясь в мерзлую землю, с треском рвутся мины. В заснеженных окопах, в лощинах лежат бойцы, готовые в любую минуту ринуться в бой. Мы побывали у них, затем перебрались на командный пункт дивизии. Заунывнее, чем всегда, гудел зуммер. Это телефон командира дивизии генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова. Нет, больше не поднимет рука его телефонную трубку. В последний раз в эту трубку, по этим проводам разнесся хрипловатый голос, но твердый, решительный: «Умрем, но танков не пропустим!» Это Иван Васильевич отдавал последний приказ командиру отряда истребителей танков.

И вновь почетный караул. Среди прославленных генералов — невысокого роста девушка в солдатской шинели, ушанке... Это дочь Панфилова — Валя. Она собирала отца в далекой Алма-Ате на фронт и вместе с ним отправилась на войну.

5 декабря

Начало победы советского народа в Великой битве за Москву.

Вот несколько строк из первого сообщения о победе:

«Западный фронт, 4 декабря (по телефону от наш. корр.). Наши части нанесли серьезное поражение врагу, ликвидировав его прорыв в глубину обороны... Во второй половине дня 2 декабря части командиров Говорова и Ефремова перешли в наступление. Бои продолжались в течение полутора суток. К рассвету 4 декабря бои приняли еще более ожесточенный характер. Под напором наших войск сопротивление противника было сломлено, и он начал откатываться. По далеко не полным данным, немцы оставили на поле боя свыше 2000 трупов солдат и офицеров... Бои не прекращаются. Наши части продолжают преследовать врага...»

Фото Михаила САВИНА

Наверное, нужно начать с октября, потому что именно 5 октября, когда передовые части танковой армии Гудериана прорвались к городу Юхнову, над Москвой нависла непосредственная опасность. Начальник штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер накануне сделал в своем дневнике такую запись: «Сражение, развернувшееся на фронте группы армий «Центр», принимает все более классический характер. — И имея в виду прорыв на Юхнов, добавил: — Перед правым флангом танковой группы Гепнера, за которым следует подвижный корпус из резерва, до сих пор не участвовавший в боях, противника больше нет». У них, почти без выстрела покоривших Европу, выработались свои понятия о классическом характере сражений. На нашей земле они оказались лицом к лицу с иным противником. Образовавшуюся брешь ценой своей крови и жизни закрыли подольские курсанты, авиадесантный отряд капитана И. Г. Старчака, артиллеристы 222-го зенитного артполка и 108-го запасного стрелкового полка. Но битва за Москву началась раньше и на более дальних подступах. Собственно говоря, гитлеровские стратеги строили свои планы с таким расчетом, чтобы взять Москву и тем закончить кампанию еще до наступления зимы. Эти расчеты были построены не на песке — они подкреплялись беспримерной в истории человечества военной мощью.

Кто видел наступающих оккупантов летом 1941-го — бравых «белокурых бестий» с расстегнутыми воротами френчей и закатанными по локоть рукавами, — кто слышал их жеребячий гогот на привалах и сентиментальную песенку «Лили-Марлен» под губную гармошку, тот понимал, почему они даже не считали свой поход «nach Osten» большой войной. Просто кампания... Или, по выражению некоторых нынешних западных стратегов, ограниченная война...

Но они жестоко просчитались. Для советского народа это была Великая Отечественная война...

В ту осень рано настали холода. Тем, кто рыл противотанковые рвы и окопы, которыми опоясывалась столица с запада, юга и севера, приходилось трудно. Верхний слой грунта настолько промерз, что его не брала даже кирка — нужны были клин и кувалда. А работали на окопах женщины и старики.

Трудно было на заводах и фабриках, так как почти все, кто мог держать в руках ору-

ХРОНИК

Наводчик миномета комсомолец А. А. Федосеев.

На дальних подступах к Москве.

А ГЕРОИЧЕСКОЙ БИТВЫ

Отличившиеся в боях под Москвой красноармеец А. Н. Ежов и сержант Ф. М. Ткаченко.

Обед в прифронтовом лесу.

Бронебойщики ведут бой с танками.

жие, ушли в народное ополчение, а заменили их мальчишки.

Но москвичи знали: там, на грохочущих фронтах, защитники столицы сражаются за каждую пядь пространства, а из глубин России двигались к Москве сибирские полки, и это придавало сил и спокойствия.

...Разгром немецко-фашистских войск под

Москвой вошел в историю Великой Отечественной войны как начало конца гитлеровского рейха. О битве за Москву писали военачальники и поэты. Ход сражений, в результате которых враг был далеко отброшен от стен столицы, прослежен день за днем. И память о тех днях никогда не умрет в душе народа.

Сегодня мы предлагаем читателям страницы фотохроники, запечатлевшей лишь несколько моментов битвы за Москву. Автор хроники — старший лейтенант Михаил Савин — свой первый военный снимок сделал 22 июня 1941 года. Будучи фотокорреспондентом фронтовой газеты «Красноармейская правда», он прошел долгий путь от Москвы до берегов Балтийского моря и свой последний военный снимок сделал на косе Фриш-Нерунг, сняв сдававшихся в плен гитлеровцев, среди которых, вероятно, уже не было ни одного из тех храбрых завоевателей, что шагали по нашей земле летом 1941-го, распевая песенку «Лили-Марлен».

Михаил Савин награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и многими другими медалями, а в мирные годы — орденом Трудового Красного Знамени...

Вглядитесь в запечатленные фотообъективом эпизоды, и вы перенесетесь на сорок лет назад, в то грозное и славное время, когда наш народ битвой под Москвой начинал разгром ненавистного германского фашизма.

Олег ШМЕЛЕВ

Бой за населенный пункт. Декабрь 1941 года * На исходный рубеж...

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

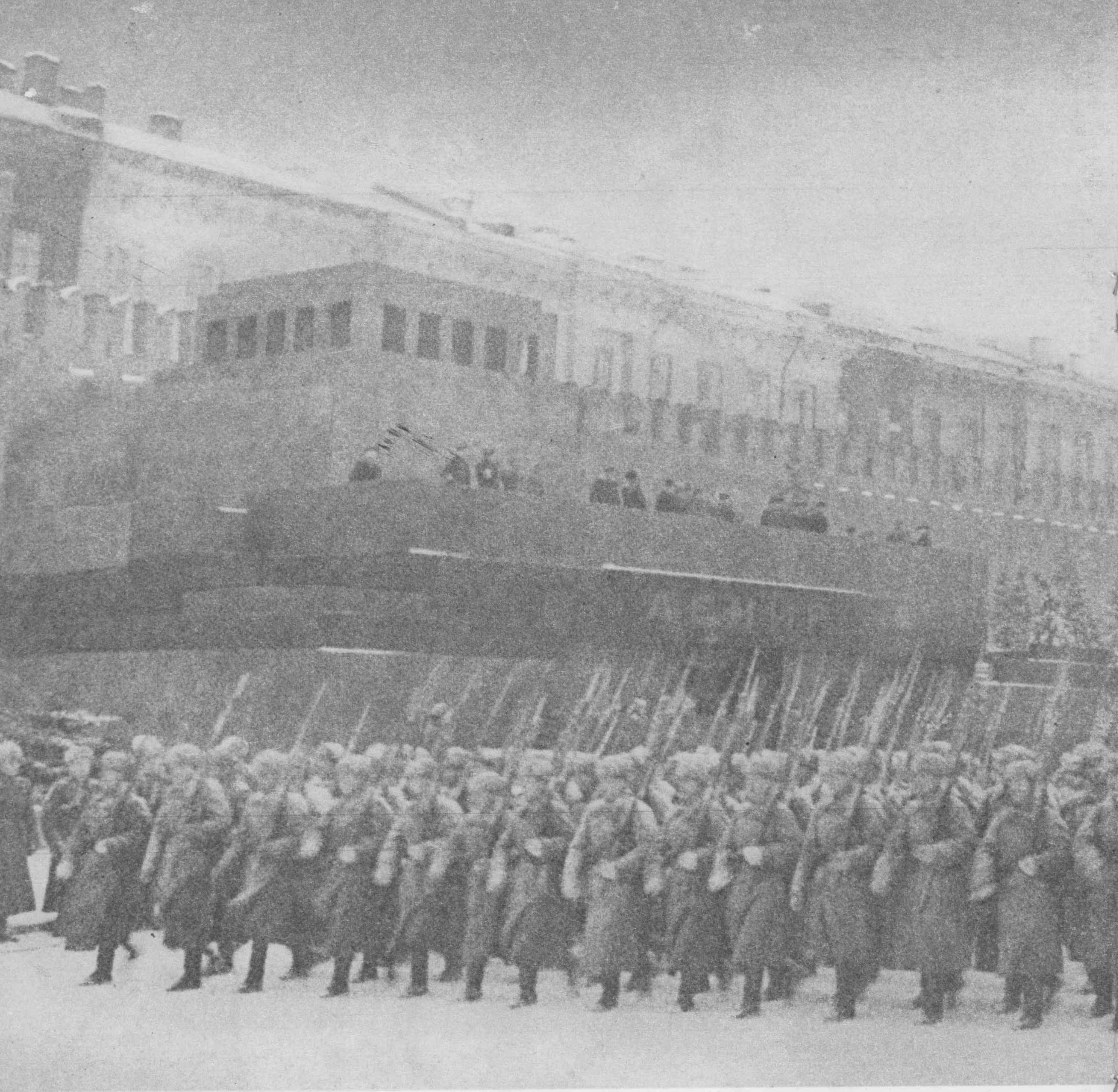

Жители села Марфина возвращаются в родные места.

Разбитая немецкая техника.

ПОКА НЕ ЗАБЫЛОСЬ

Ольга КОЖУХОВА

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Сегодня, 8 мая, я разбудила мужа — ветерана Великой Отечественной — в четыре часа утра.

— Вставай, война кончилась!

Он сперва ничего не понял, рассердился за то, что подняла ни свет ни заря, а потом вдруг все вспомнил, вскочил, и мы сели на кухне, и он от волнения закурил.

Тридцать пять лет Победы!

И мы вспоминали каждый день и каждый час, как мы встречали Победу. Были на одном фронте, чуть ли не в десяти километрах друг от друга, но в разных частях, и не были знакомы. И даже не предполагали, что потом встретимся и почти тридцать лет проживем вместе — без бурь и ураганов, в тихом, мирном быту, в полном счастье и в полном согласии...

Вспоминаем — и слезы на глазах.

* * *

Я думаю, сознательно или же бессознательно, но многие военные писатели в своей работе следуют манере Александра Дюма, заявившего: «Что такое история? Это гвоздь, на который я вешаю свои картины». Несмотря на всю внешнюю лихость такой формулировки, мы в ней обнаруживаем большую художественную правду и мудрость. Не случайно романы А. Дюма живут и поныне. Этот творческий метод мне кажется куда плодотворнее метода пунктуальной и тошнотворной точности полковых писарей...

Художественная литература не дублирует военную сводку. У нее иная роль, — будить мысль и привлекать внимание к событиям, оказавшимся вроде бы незамеченными. Нет, неправда! Их все же заметили! Не бывает такого, чтобы кто-то чего-нибудь не заметил. Но еще нужны и желание видеть правду в замеченном и умение видеть детали в той истинной правде...

* * *

Еду на попутной полutorке с грузом медсанбатовских носилок и меховых одеял после того, как сдала своих тяжелораненых в полевой армейский госпиталь. Машина идет к фронту, к передовой, а это значит, что загру-

Наводчик зенитной установки М. О. Милаш у сбитого им «юнкерса» в деревне Большие Козлы под Калугой. 26 декабря 1941 года * У доваторцев. Секретарь партбюро гвардии политрук С. Кулаков поздравляет гвардейца И. Шкуркина, принятого кандидатом в члены партии. Декабрь 1941 года.

Фото Михаила САВИНА

жена до предела. И все же молодой паренек, шофер, находит возможным подобрать еще и меня, замерзающую на перекрестке дорог, на ветру, на тридцатиградусном морозе. Я сажусь к нему в чуть подогретую мотором, воняющую отработанным газом кабину. Уже ночь. Клонит в сон. Мотор мерно гудит. На обдутых ветрами обледенелых подъемах и взгорках он взывает, ревет, а потом притихает, когда осторожно спускаемся к руслам каких-то неведомых мне, занесенных снегами речушек, в овраги.

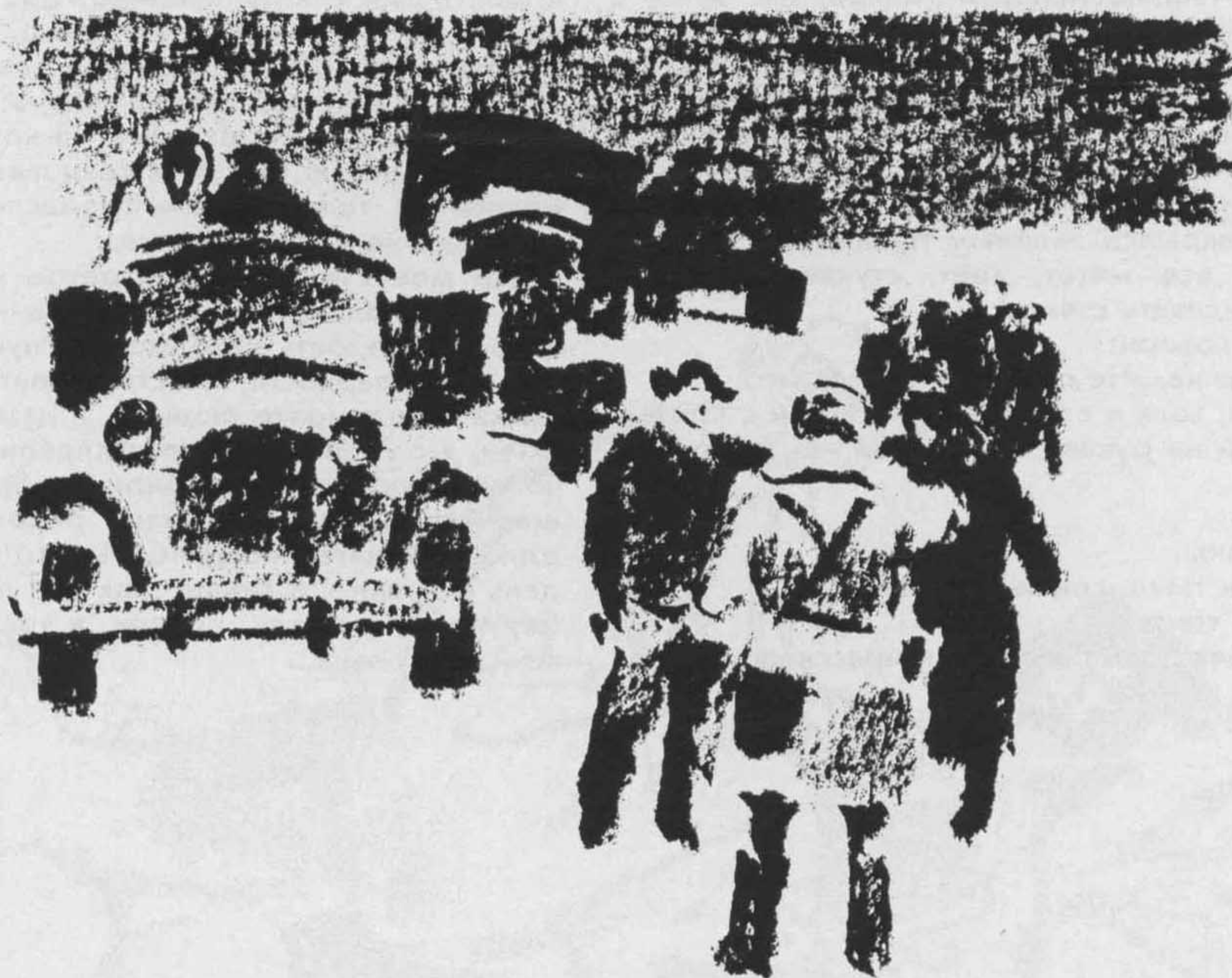
Едем без фар — из-за ночных бомбардировок немецких самолетов. Фашисты обычно выискивают такие одиночные машины, чтобы помешать перевозкам, нагнать страху. Бросит бомбу — и деру. И все безнаказанно, по-пиратски.

Мы задремываем понемногу. И вдруг резкий рывок и визг тормозов: вероятно, водитель заснул, а проснулся от ужаса, — прямо перед нами белесый, чуть покосившийся кузов

двумя могучими руками — и больше не растянул, не сумел.

Споры, крики, матерная брань. А я хожу позади своего шофера и все удивляюсь. Ведь по правилам должны были бы влипнуть не в эту, стоящую чуть подальше машину, а в ту, что находилась ближе, в самую первую. Но тогда у нас не только радиатор был бы сплюснут в лепешку, а и наши тела. Тогда мы, наверное, больше не двигались бы, не говорили, не ахали, не заглядывали бы под колеса, не стряхивали бы с себя звенящие стеклышки. А этот ужасный гремящий удар — он уже на прижатых тормозах... На излете.

Ночь туманная, темная, — «тучная», как сказал мой попутчик-шофер. А я думаю о войне и о том, что возможность не сносить головы для солдата, а наверное, и для меня существует не только в моменты боя, бомбежки или вражеского артобстрела, в момент окружения, а еще и вот так, на армейской дороге, в тылу, в

застывшей полutorки. Быстрым, почти механическим движением робота паренек успевает вернуть руль. Мы въезжаем на низенький мост, огибая машину, — и с грохотом, с треском, лязгом железа врезаемся в кузов другой такой же полutorки, почему-то стоящей вне ряда. В радиаторе, сплюснутым, как гармошка, что-то злобно переливается и шипит, громко булькает. Осколки ветрового стекла мелко-мелко позванивают.

— Хорош-шо! — говорим в одно слово и выдыхаем.

Мы сидим и глядим друг на друга. Потом медленно вылезаем из кабины, он — влево, я — вправо, и оглядываемся в темноте, озираясь, проходим вперед.

Если бы машина, в которую мы врезались, не стояла бы на мосту вне ряда, наверное, ничего бы не случилось. Но она стояла, тоже врезавшись в кого-то впереди идущего. И у нее радиатор сплюснут, словно кто-то его сдвинул

ночной, поздний час, когда притупляются чувства и нервы...

Я испытываю почти нежность к незнакомому спасшему меня — и себя — человеку, просидевшему в темной вонючей кабине со мной рядом всю ночь, но сказать ему ничего не успеваю. Грузный, темный мужчина, водитель грузовика, стоящего в голове колонны, молча, даже с какой-то намеренной грубостью, забирает мои одеяла, носилки и уходит вперед. И я тихо, покорно шагаю за ним...

Как звать тебя, парень?

В живых ли ты сейчас?..

* * *

В школе-интернате в Вотчинке (под Медынью), где стоял наш госпиталь 2631, почему-то помню себя поздней осенью, в шинели и плащ-палатке, в пилотке, стою на высоком крыльце, хлещет дождь, ветер рвет и относит

полы плащ-палатки, а мне нужно куда-то идти, и не хочется. Настроение горькое, черное, смутное от какой-то беды. Потом девочка из моего отделения, медсестра, мне сказала: «Ты стояла такая суровая, гордая, я тебе позавидовала. Во, думаю, сила!» Эти девочки мне приносили много горя, я по молодости лет все воспитывала их, все учила, а они не хотели учиться, не любили меня. Потом, когда я ушла от них в армейскую редакцию и приехала уже под Мстиславлем навестить в какие-то конюшни, где расположился госпиталь, те же самые девочки говорили мне: «Как мы жалеем, что ты ушла! Мы теперь никому не нужны. Нас никто не ругает и не хвалит, чего бы мы ни сделали. И хорошее и плохое — начальству на все наплевать. Нет, нас ты драила справедливо...» Эти слова для меня прозвучали, как музыка...

* * *

Вспоминается и еще эпизод. Ранней-ранней весной, очень вьюжной и снежной в едва наступившие теплые дни пошла я пешком на Шанский завод, а оттуда хотела пройти в 110-ю стрелковую дивизию, к Лиде Терещенко, тоже бывшей медицинской сестре, а теперь «комиссару», политработнику. Налетел страшной силы снежный заряд. В двух шагах ничего не видеть, крутит, рвет, снег липучий, насыщенный влагой, все на мне промокло: сапоги, полушубок, ушанка; я чувствую, сырость уже проникает к белью, и не вижу дороги, не знаю, куда повернуться, заблудилась. Сугробы такие, что не вытянешь ног. И вдруг натыкаюсь на угол избы, на какую-то стену. Стучусь. Открывает мне дверь здоровенный мужик в замасленной телогрейке. И штаны у него, вроде кожаных, тоже в масле. Шофер. Говорю: разрешите обсохнуть, согреться. Отвечает: пожалуйста. Захожу. В избе их человек восемь-девять. Все шоферы. Документов они у меня не спросили. Говорят: раздевайтесь и лезьте на печку, она теплая, недавно топили. Ну, я залезаю, снимаю с себя все, что есть, остаюсь только в брюках и нижней рубашке. Все сырое. У меня даже партийный билет отсырел, разложила сушить. А у них, видеть, тоже в такую метель не работа. Сидят, делать нечего. Кто смотрит в окно, кто курит. Кто на лавке разлегся, накрылся зеленым бушлатом.

А метель все метет, воет, стучает в окна, пытается выдавить стекла.

Вот один говорит:

— Сестренка... Не спишь?

Я для них, хотя и с двумя кубарями и с красной звездой на рукаве, все равно что сестренка.

Отвечаю:

— Не сплю...

— Чего ж ты не спишь? Ты усни.

— Да не спится.

— Ну, давай я тебе сказочку расскажу...

— Рассказывайте, я послушаю.

— Ну, в некотором царстве, в некотором государстве... И пошел мне рассказывать сказку. Как в детстве. С колдуньями, с бабой-ягой, с красной девицей Марьей-царевной, с Иванушкой-дурачком. Я слушаю. И все слушают. В избе уже сумерки, дело к вечеру.

А другой говорит:

— Ты, сестренка, голодная, небось. Сколько шла... А он баснями соловья кормит. Слезайка давай да похлебочки нашей поешь, я достану из печки. Еще теплая. Да и мы с тобой поспедаем... Пора.

А есть, правда, хочется.

Я слезаю и говорю:

— Извините, я неодета. Все мокрое...

Тут какой-то парнишка встает и без слова, без всякого объяснения подает мне свою телогрейку.

Я накинула ее на себя. Парнишка мне на руки слил, я умылась. Тот, что сказку рассказывал, подал полотенце. И ложку нашли: я с собой не носила за сапогом. Как окончила офицерские курсы, разучилась с собой свою ложку носить. У нас в госпитале столовая, там все подадут.

После ужина я задремывала на печке и опять просыпалась. А когда просыпалась, смотрела вниз, в комнату, где горел на столе лиловенький фитилек. А шоферы сидели кто на лавке возле окна, кто возле порога, а кто возле печки. Они тихо вели разговор: боялись меня разбудить. Но стоило мне пошевелиться, и тот, кто рассказывал сказку, небритый, рябой, с большими, распухшими от мороза руками, меня окликал:

— Ты живая, сестренка?

— Живая.

— А мы уже слушаем, спишь — и даже не слышно...

— Да нет... Ничего...

— Ну, и то хорошо... Отдохни, спи спокойно...

Ну, зачем я им всем, незнакомым, никому не известная? Забрела, взбаламутила, а кого-то и места для сна лишила. И вот вынуждены вполголоса говорить, я-то знаю, какой у них между собою бывает мужской разговор. И рассказанная на «засыпанье», как в детстве, старинная сказка... И похлебка из концентратов, с консервами... И чужая, еще новенькая, непромасленная телогрейка — промасленную, грязную мне не дали. И ложка...

Все мое существо, обогретое и накормленное, переполняет невысказанное, — а его, вероятно, и высказать невозможно, чувство искренней благодарности, чувство братства с сидящими в полумраке людьми. Я даже не знаю их имен, я с усталости не разглядела их лиц. Только чувствую это спокойное, доброе, излучающее тепло, их присутствие рядом с собой, в одной комнате. Может быть, что они в будний день не такие, а сейчас для них праздник, они без работы, поели, попили, в тепле, а на печке — сестренка...

Я чувствую, что была бы не я, а другая, но такая же молодая, усталая, занесенная снегом, — они и к другой отнеслись бы с такой же суровой ненавязчивой добротой, с удивительной человечностью. Так же тихо, сердечно, боясь шевельнуться, терпеливо оберегали бы ее сон...

Утро было морозное, синее, золотое от солнца, и когда я проснулась, в избе никого уже не было, только старший, рябой, что рассказывал сказку, вошел с улицы, внеся с собой запах бензина, и сказал:

— Ну, сестренка, вставай, мы уехали. Дверь прикрой и, вон он, ломиком подопри. Прощевай...

— До свиданья, большое спасибо вам... Что обогрели...

— Будь здорова!

И он только кивнул, уходя, унося с собой все, что было хорошего в эти долгие снежные сутки, уже внешне другой, озабоченный, строгий. И я, выйдя на улицу, оглянулась на дом почему-то с беспечностью, не спросив: кто они, эти люди? Из какого полка, батальона? Что это за улица, на которой стоит их бревенчатый дом, какая деревня? Почему я не знаю их фамилий, их имен?

На войне очень многое не имеет цены. Человек словно замкнут в своей бесконечной тревоге внутренней — и во внешней, как будто спокойной, привычной беспечности. Кто подвез до развилки дорог? Я не знаю. Кто крикнул: «Ложись!» — когда налетел самолет? Кто тащил меня по снегу? Кому я в разбитом, с распахнутой дверью доме перевязывала раны? Разве я их расспрашивала, этих раненых: кто они и откуда? Да если бы и спросила, то, наверное, не запомнила бы. А если бы и запомнила, с той поры прошло столько лет, все равно бы забыла. И они, в свою очередь, не расспрашивали меня.

И прошло сорок лет, а я помню и печку, и сказку, и похлебку из концентратов, и долгий метельный тот мартовский вечер с буйной вьюгой за окнами, и рябого, и парня, подавшего телогрейку, и лиловенький огонек.

Может быть, и они меня помнят?..

* * *

Есть в году один день, в который мне обязательно позвонит, хоть с края земли, бывший лейтенант — зенитчик из 113-й стрелковой дивизии. Да и земля перевернется, если такого звонка не будет. Я уже с утра жду его, говорю своим близким: «Неужели Толя Горышев не позвонит?» И он обязательно хоть поздно вечером, но позвонит... Мой спаситель, человек, которому я обязана жизнью. Это он с Гришей Парамоновым тащил меня, контуженную, по снеговой целине, под пулеметными очередями с налетающих «мессеров». А с запада уже перли ясно видимые невооруженным глазом немецкие танки. А по окраине деревни, куда меня несли на руках два бравеньких лейтенантика, уже били и били немецкие минометы. И вот два лейтенантика, не донеся до самых ближних домов, зарыли меня в снег, — пули клацали о леденистый наст в каких-нибудь двух шагах от меня, — а сами ушли искать снаряды для своих крохотных пушечек 37-миллиметровок.

А потом я лежала в нетопленной грязной избе на полу, а мои лейтенантики втаскивали в горницу раненых и каждому говорили: «Ну, ты наклонись к ней поближе, она перевяжет». И я резала ножницами свой единственный индивидуальный пакет, чтобы приложить хотя бы небольшой стерильный кусочек к ране, а мои лейтенантики рвали свои нижние рубахи на полосы и привязывали, прибинтовывали к телу эти жалкие лоскутки.

...А потом они вышли на улицу и поймали бесхозную лошадь, запряженную в сани. Положили меня на сено, а лошадь хлестнули, — и помчались мы в тыл под сериями летящих прямо на головы бомб...

А потом я лежала в санчасти, километров за семь от переднего края, и опять налетели самолеты, и одна бомба попала как раз в тот самый дом, в котором я лежала на нарах. И они прибежали, возбужденные, белые от испуга. «Жива?» «Как видите, жива, только жить больше негде, и шинель мою изорвало в клочки». «А мы с Гришей посмотрим, летит бомба — и прямо в санчасть. И батарею бросить

нельзя. Мы вчера ее притащили сюда, со снарядами...»

Святые люди...

Гриша убит на Кубани, подбил самолет, и тот рухнул прямо на его батарею. А Толя прошел всю Европу «за три перекура». И вот встретились мы после войны на Неглинной, в Госбанке, в очереди. Я меняла марки, а он форинты на советские наши рубли. Еще в форме, со всеми положенными орденами. Гвардеец, в усах. Я даже сперва не узнала.

2 февраля 1942 года. Западный фронт. Деревня Белый Камень...

Неужели мы все это видели, пережили — и остались в живых?!

* * *

Один известный советский поэт сказал, что на фронте любили фронтовых девушек, так сказать, за неимением лучших. Но, однако, желаю задать частный вопрос: а почему какие-то «лучшие» не были в то жестокое время на фронте? И чем они лучше тех, которые воевали?

Я как-то однажды привезла с переднего края раненых в госпиталь, в Голицыно. И выбежала мне навстречу сестричка, кудрявая-раскудрявая, кудри шелковые по плечам, в чисто выстиранном белом халатике, и схватила моего раненого прямо за простреленную ногу, в гипсе, потащила перекладывать с наших, медсанбатовских, на свои, госпитальные, носилки. Раненый громко вскрикнул от боли, потом помолчал и говорит: «Отойди, кудрявая, пусть меня наша сестра переложит...»

Для меня эти слова — лучшая награда. Я-то ведь и не знала, что уже наловчилась, «умею», я все думала о себе — недоучка, «сковарка», «вертолет». Нас учили-то всего два месяца, а потом, после выпуска с курсов, в тот же день — в стрелковую дивизию.

А может быть, и не нужно слишком много знать, чтобы сразу хвататься за перебитую ногу, нужно просто любить? Вот тогда и научишься...

* * *

До войны я не знала, что такое бессонница. Лежать до рассвета с раскрытыми глазами и глядеть в потолок — занятие малоприятное, по доброй воле ему не будешь учиться.

Может быть, после войны, после тяжелой физической нагрузки мне стало этой нагрузкой не хватать, поэтому и бессонница? Не знаю.

Но ведь началась она не после салюта Победы. Началась она там же, еще в сорок первом, еще под Москвой, в те самые дни и часы, когда падали от усталости. Бывало, трое, четверо суток на ногах. Сперва на марше по глубоким снегам, километров двадцать—тридцать. Потом по прибытии на место, а это чаще всего глухой подмосковный лес, занесенный снегом, и тебя в нем никто не ждет, никому ты не нужен, никто не приготовил тебе ни жилья, ни еды, — поэтому сразу же, без отдыха, с ходу мы беремся за лопаты и начинаем этот снег под деревьями расчищать. На расчищенные места выгружаем имущество, тяжеленные тюки брезента для ДПМ-вских палаток,

доски, колья, стекло, оборудование, автоклавы, носилки, пачки меховых одеял, продукты, медикаменты... Потом вбиваем колья в промерзшую землю, натягиваем брезент, устанавливаем печки-бочки. И пока работаем, пока двигаемся, нам тепло, даже когда двадцать—двадцатипятиградусный мороз. Но как только усталость взяла свое, захотелось присесть, так тут же начинаешь мерзнуть.

Потом мы еще не успели затопить печки, погреться, поесть, как приходит приказ: ехать дальше. Дивизия за это время продвинулась на десять—пятнадцать километров вперед, и мы не должны от нее отставать. Значит, нужно гасить печи, укладывать, свертывать имущество, грузить его на повозки, на машины, а самим снова в путь, по снегам. А там, на новом месте, начинать все сначала. Да еще в самый трудный момент разворачивания привезут колонну машин, груженную ранеными. И тогда — разрывайся, спеши, торопись, успевай поворачиваться.

Иногда без подменки работаешь столько времени, что уже не различаешь ни ночи, ни дни, лица людей расплываются перед тобой, как в тумане, берешь в руки шприц, а пальцы не держат, он вываливается из рук на брезентовую подстилку.

Помню, я однажды сменилась-таки, наконец, легла в отгороженном ото всех закутке на ветках елового лапника, а уснуть не могу. Кровь звенит в голове, в теле неестественная невесомость, словно я уже живу в каком-то другом измерении. Приняла одну таблетку снотворного — не берет. Другую. А сна — ни в одном глазу. Третью. Только начала засыпать, приходит комиссар батальона Румилов и говорит, что привезли раненых, что Лизунова, которая меня сменила, дежурство мне «вернет» и повезет колонну уже обработанных раненых, а мы будем принимать «новеньких», кормить их, перевязывать. Спать теперь нельзя, уже некогда.

Я, конечно, встала. Приняла снова дежурство от Иры. Пошла по палатке, хотя чувство невесомости, никогда не ощущавшееся прежде, пошатывало меня. С трудом добралась до печки-бочки, возле нее стояли складные брезентовые табуреты. Я села на один из них и чувст-

вую: падаю, а удержаться не могу. Больше ничего не помню.

После паноты рассказывали: упала я лицом в дрова, в лапник. И лежу. Они меня подняли, положили возле печки, в тепле, укрыли шинелью. И я проспала почти сутки, беспробудно, а они сами, одни, управлялись, все делали без меня, мои мужички, воронежские колхозники, не спавшие столько же, сколько и я, и делавшие всю тяжелую работу, как и мы, плюс еще тяжелейшую, которая нам, девчонкам, совсем не по силам. (Долбить землю для могил в промерзшем грунте, таскать раненых в операционную и обратно, подавать судна лежачим, выносить мертвых...)

Я уже в который раз берусь описывать этот эпизод, и в книгах моих он как-то косвенно был отражен, и все же не могу найти достаточно выразительных слов, чтобы человек, не видавший войны и не переживший всех этих тягот, понял хотя бы десятую часть: каково оно было там.

* * *

Помню, летом 1943 года, на Смоленщине — я тогда работала литсотрудником армейской газеты «За правое дело» и много ездила по передовой, — в одной из дивизий «свой брат журналист» прочитал мне стихи.

Великие вещи есть две, как одна:
Во-первых, любовь, во-вторых, война.
Но конец войны затерялся в крови...
Мое сердце, давай говорить о любви!

Я тогда не знала, что это стихи Киплинга, не знала и других его переводов, но прочитанная строфа запомнилась сразу. Я и теперь цитирую ее, спустя столько лет, по памяти. А запомнилась она потому, что сама мысль, в ней заложенная, показалась мне правильной, верной. Да, в мире есть много великих и грозных вещей. Но любовь и война, пожалуй, наиболее грозные, страшные вещи в судьбе человека. Они могут и возвысить его, и унижить, и даже убить. Теме любви и войны я посвятила уже несколько своих произведений, но думаю, не исчерпала ее ни в романе «Ранний снег», ни в повести «Двум смертям не бывать». Мне кажется, и другие военные писатели, в сущности, не выходят из этих двух тем, чего бы они ни касались.

За годы войны у меня, как у журналиста, накопилось много разного материала, наблюдений за жизнью фронта, прифронтовой полосы. Я видела несколько грандиозных наступлений. Под Москвой в 1941 году. Наступление на Смоленск в 1943-м. Белорусскую операцию в 1944 году — с выходом на границы Восточной Пруссии и в Польшу. Наступление на Варшаву, а затем весной 1945-го на Берлин — и выход на Эльбу.

Жизнь была необыкновенно многообразна, полна приключений, она сталкивала людей в

таких фантастических ситуациях, такие ставила перед человеком проблемы — и нравственные, и философские, и житейские, и военные, что осмыслить все это в тот данный момент было делом почти невозможным. Человек чаще действовал, а потом уже думал.

Может быть, поэтому о войне и теперь не переставешь размышлять. Группируешь накопленные факты, чтобы выявить некие закономерности, докапываешься до причин, видишь отблески происшедшего где-нибудь в сорок третьем на сегодняшнем нашем времени: всю тяжесть последствий. Всю сладость Победы... И слезы невольно сами запросятся брызнуть из глаз.

Я ЛИРУ ПО

К 160-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. А. НЕКРАСОВА

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ

Великую, многострунную песнь родной земли, песнь Родины, России давно уже нельзя расслышать и понять без гордой, берущей за душу музыки стихов и поэм Николая Алексеевича Некрасова. И невозможно представить, что когда-то не было этой пронзительной мелодии, неотделимой от судьбы и подвига народа. Кажется, некрасовские ноты всегда звучали в симфонии русской природы, русской истории, русского характера и время только ждало часа, чтобы воскликнуть: «Волга! Волга! Весной многоводной...»

Кто не помнит с детства этих и многих других дивных строк, строф и стихотворений великого народного поэта! И чье сердце не сжималось оттого, что радость поэта неизбежно и почти всегда смешана с горечью, гордость преисполнена боли, любовь оказывается невозможна без ненависти, счастье отравлено горем!.. И едва не за каждой светлой строкой бьется строка скорбная.

«Я лиру посвятил народу своему...» — всю жизнь и поэзией Некрасова оправдано это исповедальное признание. И не один борец за народное счастье повторил слова Некрасова, обращенные к Родине:

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведреный день впереди:

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

«Все рожь кругом, как степь живая...» — словно вздохнул поэт, вернувшись на Родину из дальнего путешествия. «Спасибо, сторона родная, за твой врачующий простор!»

Некрасов особенно любил красоту хлебных полей, слияние крестьянского труда с природой, как бы зреющее народное счастье. «Роскошны вы, хлеба заповедные, родимых нив...» — начинаются стихи, вдруг оборванные воспоминанием: «...Хлеб полей, возделанных рабами, нейдет мне впрок!» Любовью к крестьянской ниве вдохновлены редкостные строки, сложенные как будто самим народом, самой русской землей: «Меж высоких хлебов затерялся...» Или другое некрасовское чудо — «Коробейники»: «Выди, выди в рожь высокую!» В образе живого хлеба поэт прозревал народное могущество. Так возник героико-трагический некрасовский образ поднимающегося народа в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совість спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелхнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены.
Вышли — непрошены —
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Вот главное, побеждающее чувство, которое мы выносим, омытые музыкой некрасовской поэзии.

Мы отмечаем ныне 160-летие со дня рождения Н. А. Некрасова, и символично, что совсем недавно такая же знаменательная дата отмечалась в день рождения Ф. М. Достоевского. Каждый из этих великих русских писателей можно назвать «певцом униженных и оскорбленных», и вместе с тем каждый из них по-разному воплотил свою веру в высокое назначение русского народа, России, в счастливое достойное и вольное будущее Родины. Достоевский глубоко понял поэзию Некрасова и отождествил на нее всем существом. В 1877 году, прочитав «Последние песни» Некрасова, Достоевский писал: «Страстные песни и недосказанные слова, как всегда у Некрасова, но какие мучительные стоны больного. Наш поэт очень болен...» И дальше, в заключение: «Но прочтите эти страдальческие песни сами, и пусть вновь оживет наш любимый и страстный поэт! Страстный и страдальческий поэт!»

А. Г. Достоевская вспоминает, что когда Федор Михайлович «узнал о кончине Некрасова, то был огорчен до глубины души. Всю ночь он читал вслух стихотворения усопшего поэта, искренно восхищаясь многими из них и признавая их настоящими перлами русской поэзии».

Прощаясь с Некрасовым, Достоевский высказал убеждение, что «в поэзии нашей Некрасов заключил собою ряд тех поэтов, которые приходили со своим «новым словом»... В этом смысле он... должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым».

«Раненое сердце», «страстный к страданью поэт»... Кажется, никто не сказал о Некрасове с таким проникновением в самое затаенное и заветное начало этого «загадочного человека». Достоевский угадал и биографический, личностный источник некрасовского дара сострадания: «Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери — и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то уж, конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, существом, столь любившем его».

Некрасов не однажды в своих стихах возвращался к образу матери — Елены Андреевны. Ей посвящена одна из самых потрясающих в русской и мировой поэзии исповедей раненой совести — стихотворение Некрасова «Рыцарь на час»:

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.

СВЯТИЛ НАРОДУ СВОЕМУ..

С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолюю,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!

Именно к образу матери взывает поэт, к памяти матери он обращается и создает сильнейшее заклинание совести, которое всем сердцем приняла и взяла с собой в свой героический путь революционная русская молодежь, так что не один славный юноша повторял вслед за поэтом:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибавших
За великое дело любви!

И сейчас нам не столь важно, какие конкретные обстоятельства стояли за этой сыновней мольбой поэта. И не в том дело, что «Рыцарь на час» может нравственно и психологически объяснить некоторые эпизоды биографии Некрасова, в том числе и те, что произошли после написания стихов. Сумма фактов не всегда дает ключ к тайне поэзии. Блок выдвигал иное понятие — «душа писателя», которое дает ключ к бессмертному началу творчества. Достоевский как раз и говорил о душе, которая живет в творениях Некрасова, ставших «верным отголоском человеческого страдания». И в том числе страданий от несоответствия душевной жизни поэта и его реальной доли — «у времени в плену».

История культуры едва ли знает такой же масштабный пример совмещения в одном человеке и великого поэтического дара и замечательной практической умелости деятеля литературы, дальновидного организатора литературной жизни — к тому же в изматывающей обстановке репрессий, реакции, преследований демократической печати и передовых писателей. Таким человеком был Николай Алексеевич Некрасов, прошедший путь от литературного поденщика в молодости (по его собственному признанию) до редактора лучших русских журналов — «Современника» и «Отечественных записок», явившихся боевыми органами революционной демократии. Через эти некрасовские врата в литературу входят Достоевский, Лев Толстой, Гончаров, Чернышевский, Добролюбов. Печатают Некрасов и Белинского, Тургенева, Островского, Салтыкова-Щедрина. Некрасов, в сущности, впервые по достоинству оценивает поэзию Тютчева и Фета. Все это, вместе взятое, как верно сказал К. И. Чуковский, есть «беспримерный общественный подвиг».

Литературно-общественная роль, которую взял на себя Некрасов, заставляла иногда идти на компромиссы. В. И. Ленин, высоко ценивший и любивший поэзию Некрасова, писал в статье «Еще один поход на демократию» в 1912 году: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотами либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них:

Не торговал я лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...»

Стихотворение, которое цитирует В. И. Ленин, Некрасов написал в ответ на стихотворение «Не может быть», подписанное «Неизвестный друг». Молодая писательница, скрывшаяся за этой подписью, прислала свое сочинение Некрасову. Она говорила в нем, что не верит обвинениям в неискренности поэта. Некрасов отвечает всем друзьям своей музы, отвечает современникам и потомкам: «Я призван был воспеть твои страдания, терпением изумляющий народ!» Рассказывает о том, как сложился душевный строй его поэзии:

Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музыкой на пути?...
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

В исповеди, в покаянии, в сомнениях, в муках совести Некрасов всегда открыт, всегда перед нами, «на людях». По словам современного исследователя, «своеобразие лирики Некрасова заключается в том, что в ней как бы разрушается лирическая замкнутость, преодолевается лирический эгоцентризм». И это стремление доводится до предела, до крайности — до постоянных горьких сомнений в самой поэзии собственного стиха. Это искренность, обнажающая «пытку творческого духа», который выносит на общий суд и свое суровое, сдержанное отношение к произносимой поэтической речи: «Нет в тебе поэзии свободной, мой суровый, неуклюжий стих! Нет в тебе творящего искусства... Но кипит в тебе живая кровь, торжествует мстительное чувство, догорая, теплится любовь...» Поэзия стремится явить себя как бы помимо поэзии, в прямом «сгорании» жизни, но оттого стих обретает особую, захватывающую искренней горечью силу и оказывается действительно творящим, притом именно благодаря своей «непоэтичности», «суровости», «неуклюжести». Чернышевский в письме к Некрасову, цитируя эти строки, спорит с ними и говорит об энергии некрасовского стиха, о его внутренней свободе.

Казавшаяся «непоэтической», лирика Некрасова с годами и десятилетиями все более властно над нами своей душевной правдивостью, «безыскусной» прямоот и выступает как настоящее поэтическое искусство. Драматическая история любви поэта открывается в лирическом цикле, посвященном Авдотье Яковлевне Панаевой («Мы с тобой бестолковые люди...», «Прости, не помни дней паденья...», «Тяжелый крест достался ей на долю...»), и других шедеврах.

О Некрасове, к сожалению, порой еще судят лишь на основании его же строк: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» (в стихотворении «Поэт и гражданин» их произносит Гражданин). Но сегодня все чаще и все глубже интерес к Некрасову-художнику, к Некрасову-поэту, что неотделимо от Некрасова-гражданина. Влечет загадка некрасовского лиризма, тайна некрасовской стихии, покоряющей наши сердца, словно ропот лесов, ширь полей, разливы рек, полет песни. Некрасов писал Л. Толстому: «...Прежде всего выговариваю себе право, может быть, иногда на рутинный и даже фальшивый звук, на фразу, то есть буду говорить без оглядки, как только и возможно говорить искренно». Об одном из писателей-современников Некрасов говорил: «Всякий порыв лиризма — его пугает, безоглядная преданность чувству — для него невозможна». Характер лиризма Некрасова непосредственно связан с обращением поэта к народной жизни. Это значит, что гражданственность Некрасова обрела самобытное художественное воплощение: «Будь гражданин! служа искусству...» Открытость народной правде и безоглядность лиризма создали неповторимый некрасовский ритм.

Одно из великих лирических творений гражданского музы Некрасова, «Размышления у парадного подъезда», включает в единую авторскую речь и проповедь, и скорбный рассказ, и «витийства грозный дар», и народный плач, ставший песней:

Выдь на Волгу: чей стон раздастся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной

Переполнилась наша земля. —
Где народ, там и стон... Эх, сердечной!
Что же значит твой стон бесконечной?..

Грозная ораториальность поэзии Некрасова при всей ее рыдающей и скорбной интонации музыкально создает героический образ народа, чьи силы растут и только ждут своего часа: «Ты проснешься, исполненный сил...» Пусть даже поэт в мучительном сомнении, но стихи его — отзвук хора народной жизни.

Казалось бы, невероятно, что поэт такого скорбного лирического сознания творит великий национальный эпос, проникнутый во всем его драматизме верой в светлые, гармонические начала русской народной жизни. Цепь таких поэм Некрасова, как «Тишина», «Коробейники», «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», «Дедушка» и особенно «Кому на Руси жить хорошо», воплощает красоту и достоинство главнейших ценностей национального бытия в демократическом осознании. Некрасов населил свой эпос характерами тружеников, подвижников, бунтарей, богатырей, холопов... Созданная поэтом картина русской жизни удивительна по размаху, многоликости, красочности. И как любовно в этой картине нарисованы дети! Истинно некрасовская особенность... «О, милые плуты! Кто часто их видел, тот, верю я, любит крестьянских детей...» («Крестьянские дети»).

И как не припомнить здесь хрестоматийные строфы поэмы «Мороз, Красный нос»:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

О таких строках можно сказать, что они не могли быть не написаны. Так говорит о себе сам народ.

Неоглядность и неоднозначность поэтического мира Некрасова сказались на самых различных, нередко противоположных направлениях русской литературы, поэзии. «Петербург Некрасова» предвосхитил творчество Достоевского, Блока, Брюсова, Маяковского. Некрасов «крестьянский» проложил дорогу опять-таки Блоку, Белому, Клюеву, а за ними и Есенину, но особенно, конечно, Твардовскому. Однако значение Некрасова в русской поэзии, в поэзии советской не сводится к отдельным «темам», линиям, да и имен можно назвать гораздо больше. Не меркнет и вдохновляет нас подвиг Некрасова в целом, подвиг гражданский и художественный. Советская поэзия наследует и продолжает высокие некрасовские традиции страстного служения народу, Родине.

Когда-то юноша Некрасов пришел с тетрадкой стихов в чужой, незнакомый Петербург с берегов родимой Волги. И недаром поэт со временем вспомнит другого русского мальчика, вспомнит и архангельского мужика, пришедшего в науку. Вспомнит и возрадуется: «Вот за что тебя глубоко я люблю, родная Русь...»

Навечно остался Некрасов в народной памяти, в сердце народном. Пришел и во времена, когда Родина проложила новую дорогу в грядущее. С нами вместе стоял Некрасов под Москвой в сорок первом, с нами торжествовал Победу...

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживает...

Здесь впервые опубликовано письмо поэта к отцу, в котором, в частности, говорится: «Я купил Карабаху, купчую нельзя сделать ранее мая, теперь же имеется контракт, с которого копию вручит Вам Николай. Заплатил я дорого, но не жалею, потому что покупаю не для дохода, а для собственного проживания летом». Хотя Некрасов любил и помнил свое родовое село — Грешнево, он не хотел возвращаться туда, где так явственно звучали воспоминания о несчастной матери и диком крепостническом произволе, царившем в родительском доме. Потому и приобрел Николай Алексеевич себе в тех же ярославских краях старую усадьбу, принадлежавшую князьям Голицыным.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посередине двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.
Бродили долго по саду:
«Затей-то! Горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?
Беседка...»

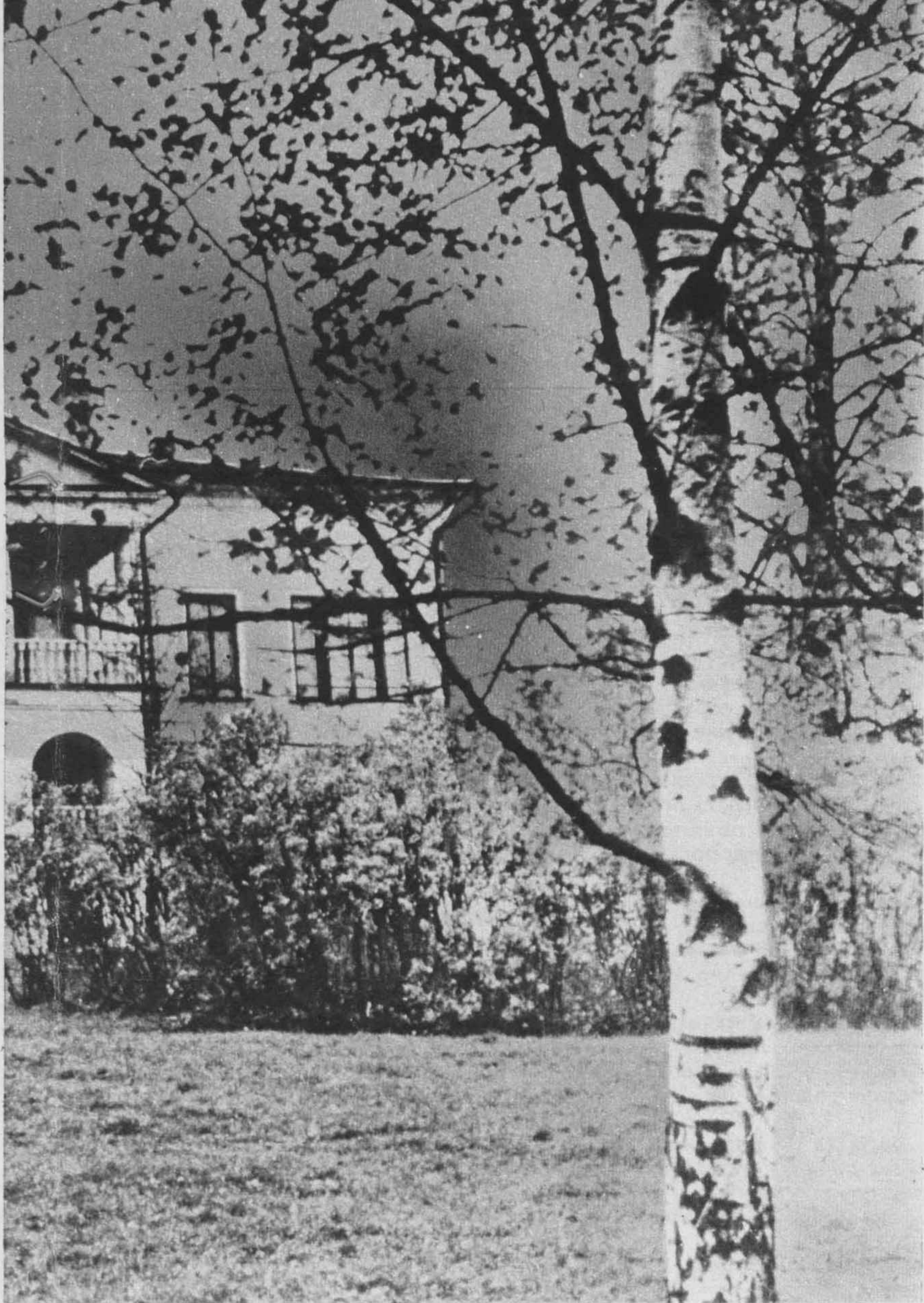
Видимо, Некрасов очень любил эти выезды. Кроме ружей, он всегда имел при себе записную книжку и карандаш, ибо считал, что наиболее талантливые русские

Случались в Карабихе и дни, которым суждено остаться в истории литературы. Жена брата поэта Н. П. Некрасова вспоминает, как однажды после нескольких дней интенсивной работы Николай Алексеевич пришел к Федору Алексеевичу и сказал: «Пойдем в парк под кедр, я буду вам читать «Русские женщины»; я написал конец». Мы пошли, и поэт своим, немного глухим голосом прочел нам всю поэму. Мы слушали с затаенным дыханием и не могли удержаться от слез. Когда он кончил и взглянул на своих слушателей, то по их взволнованным лицам и влажным глазам понял, какое сильное впечатление произвело на всех его произведение, и был счастлив. Он велел подать шампанское. Мы чокались, поздравляя его с блестящим окончанием его многолетнего труда. Да, помню, это был день великого подъема, торжества и удовлетворения».

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые сонные галки.
Что сидят на вершине стога;
Эта кляча с крестьянином
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим
туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь.

В. ПЕТРОВ

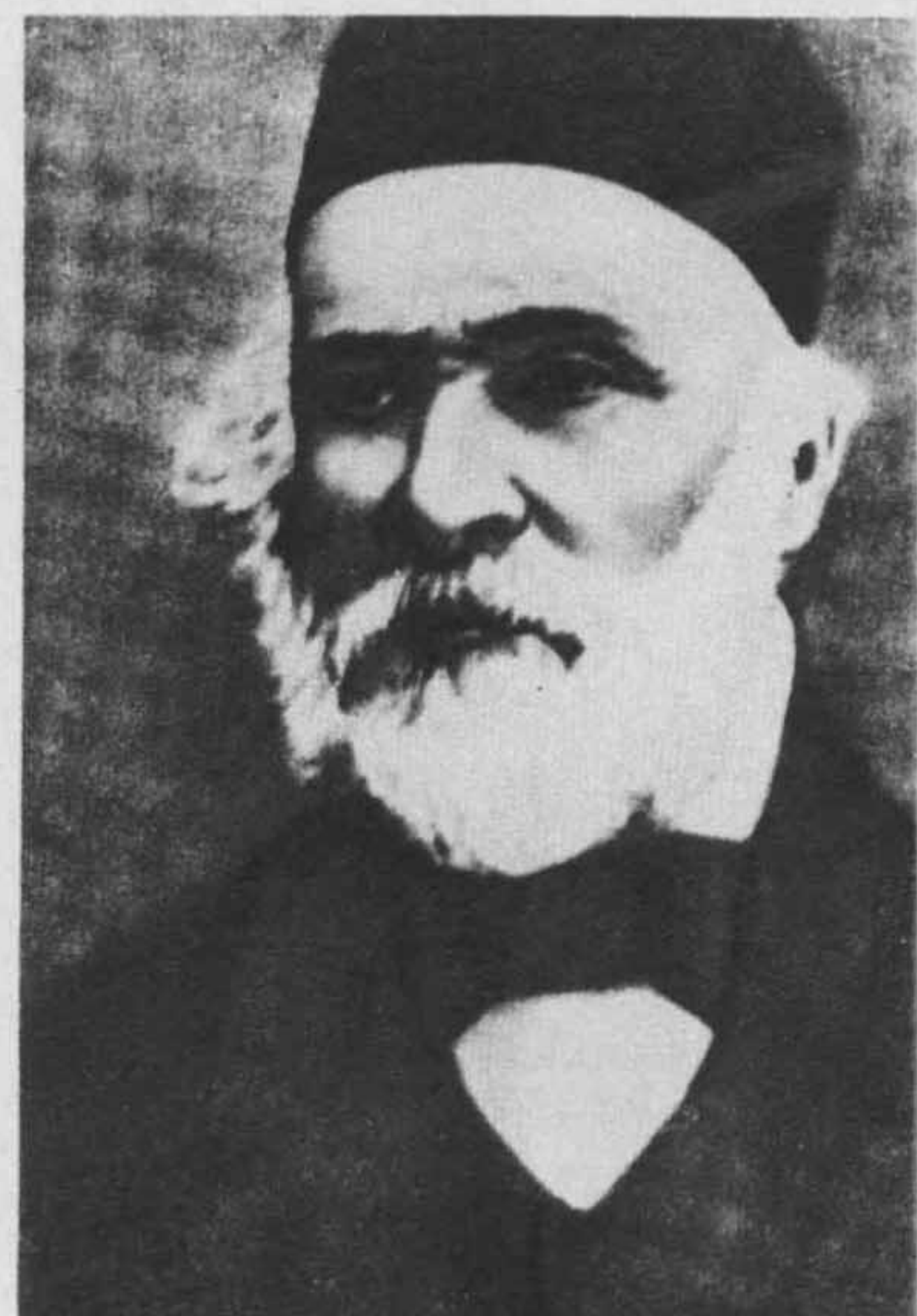

АРАБИХЕ

ЛЮБИТЬ ИСКРЕННЕ ПРАВДУ

Минуло сто лет со дня смерти Николая Ивановича Пирогова, гениального хирурга, ученого, великого гражданина России. Он явился основоположником отечественной военно-полевой хирургии, впервые в мировой практике широко применил эфирный наркоз при операциях у раненых и впервые ввел гипсовую повязку при переломах. Его научные труды до сих пор являются настольными книгами для всех врачей. И наш 2-й медицинский институт не случайно носит имя Н. И. Пирогова. Однако Н. И. Пирогов был не только крупнейшим ученым, но и блестящим публицистом, воспитателем молодого поколения. Эта сторона деятельности Н. И. Пирогова менее знакома, и мне хочется рассказать о ней.

Уже будучи всемирно известным ученым, Николай Иванович пишет критическую статью «Вопросы жизни». Она вызывает широчайший резонанс, поскольку в ней критикуется существующая система воспитания подрастающего поколения. Ученый призывает к тому, чтобы молодежь приучали «с первых лет жизни любить искренне правду, стоять за нее горой и быть непринужденно откровенным как с наставником, так и со сверстниками». Статью Н. И. Пирогова горячо одобряет Н. Г. Чернышевский, а Н. А. Добролюбов пишет, что «Вопросы жизни» поразили всех светлостью взгляда, благородным направлением мыслей автора и пламенной живой диалектикой».

После поражения в Крымской войне русский царизм, делая видимость проведения каких-то демократических реформ, вынужден был ввести в состав высшей администрации таких лиц, которым верило общество и прогрессивная молодежь и которых они считали безупречными. Такой личностью был Николай Иванович Пирогов. Он назначается попечителем Одесского учебного округа. Его кандидатуру выдвигали даже на пост товарища заместителя министра просвещения. Но поскольку Александр II не любил Н. И. Пирогова за независимость суждений, прогрессивные идеи и прямоту высказываний, это назначение не состоялось.

В Одессе ученый много работает: он объезжает губернии, подолгу беседует с учителями на темы воспитания и образования. Во время уроков нередко садится за парты рядом с учениками, тактично дает ценные советы молодым преподавателям.

Не многие сейчас знают, что Николай Иванович Пирогов основал газету либерального направления «Одесский вестник» и часто сам выступал на ее страницах со статьями. Он высказал, например, идею о целесообразности преобразования Ришельевского лицея в университет. Чрезвычайно интересна статья «Быть и казаться», посвященная вопросам воспитания. Ее одобрил известный авторитет в этой области, выдающийся педагог К. Д. Ушинский. В своих статьях Николай Иванович пишет

о бессмысленности и вредности телесных наказаний, советуя заменить их товарищескими судами, подчеркивает необходимость давать детям в школах «общечеловеческое» образование, которое позволяло бы молодежи поступать в высшие учебные заведения, обеспечивающие в дальнейшем приложение их знаний «к реализму общественной жизни». Даже такая мелочь, как выступления детей на балах и сцене, вызывает внимание ученого, он считает, что это вредно отражается на детской психике и развивает ненужное тщеславие.

Одесский генерал-губернатор сначала приветствовал назначение Н. И. Пирогова, но, убедившись в его прогрессивных мыслях и действиях, обвинил ученого в «развращающем» влиянии на общество и добился в 1858 году его отставки. Ходатайствами общественности ученого перевели на должность попечителя Киевского учебного округа.

Будучи верен своим убеждениям, Николай Иванович и в Киеве продолжал проводить свою прежнюю линию. У него не ослабевало стремление к дальнейшему улучшению учебно-воспитательного процесса в школах. Именно в этот период появляется ряд его писем, циркуляров и статей, будивших «спящие» умы: «О педагогических советах», «О взаимном посещении уроков педагогами», «О воспитательной работе в аудиториях», «О наказаниях в Волынской гимназии»...

Особенно внимательно Николай Иванович относился к постановке преподавания в университете. Обсуждая проект общего устава российских университетов, ученый к числу необходимых реформ относит «децентрализацию университетов, неразрывную связь научного начала с прикладным, приспособление к местным условиям, свободу учения и обучения, свободный конкурс, вознаграждение по личным достоинствам, улучшение материальной стороны студенческого быта»...

Просветительская деятельность Н. И. Пирогова не прихляла по вкусу и киевскому генерал-губернатору. Особенно вредным было признано начинание ученого по организации учительских семинарий для подготовки учителей из крестьянских детей для сельских школ, а также его предложения об облегчении доступа в университеты и об организации новых университетов не только в центре России.

Среди педагогического наследия Николая Ивановича осталось его письмо к сыну. В нем написано: «Чего не достигнешь культурой воли? Принудь, заставь себя... Трудись... не давай собою завладеть праздности... необходим труд...»

Быть, а не казаться, быть личностью, гражданином, патриотом, трудиться, любить искренне правду — таков завет великого ученого молодежи.

В. АНИСИМОВ,
профессор 2-го Московского
мединститута

ЧИСТОЕ НЕБО

ТИШИНА

Благоговеть
И удивляться
Твоей разбуженной красе,
Листвы тускнеющему глянцу,
Следам по утренней росе,

И каждой солнечной снежинке,
Что осыпают тополя,
И каждой с горечью травинке,—
Тобой, отцовская земля.

И те далекие раскаты
В такое утро вспомнись:
Шли на восток
Твои солдаты —
И черными вставали дни.

Шли молча
И клялись дубравам
Отчизны верные сыны...
В твоём покое величавом
Той клятвы отзвуки слышны.

Как паутинки бабьим летом,
Что долетают по утрам
К твоим лазоревым рассветам,
К твоим рябиновым кострам.

Над речкой дым голубоватый,
В саду — жужжание шмеля...
А было здесь:
Горели хаты,
Дымились черные поля.

Пусть тишина не будет краткой
И тот пожар не вспыхнет вновь,
Земля-печаль,
Земля-солдатка.
Земля-судьба,
Земля-любовь.

ИСПЫТАНИЕ ВЫСОТОЙ

Я мог прикуривать от солнца,
На великана походя,—
Вот только облачко прольется
Шальными искрами дождя,

И золото лучей неярких
Рассыплется над головой...

Я вспомнил это на рыбалке,
На тихой Истре,
Под Москвой,
Над разомлевшею водою,
Пока подлещик не клюет.
И замелькало чередою,
Все то, что было
В свой черед.
Увидел я
Простор огромный
В пылу строительных работ,
С могучих плеч высокой домны —
За горизонтом — горизонт.
Ступаешь вровень с облаками
И, ветром опьянен слегка,
За трос хватаешься руками,
Чтоб не дрожала впредь рука.
Забудь ли мне
Душою близких,
В кургуzych пиджачках, ребят,
Даривших девушкам ириски,
Как первосортный шоколад.
Мы в письмах матерям писали,
Желая взрослость показать,
Что сами мы уже с усами,
И ты, мол, не волнуйся, мать.
О где ты, юность зоревая
Крутых послевоенных лет?
На помощь память призываю,—
Она придет,
А юность нет...

Время о пощаде не моля,—
Пусть оно неумолимо мчится —
Ищешь,
Ищешь в небе журавля,
Не довольствуясь в руках синицей.
И когда судьба тебя найдет,
Ты сумеешь над собой подняться,
Вспомни,
Вспомни низкий небосвод
С предвечерним запахом акаций,
Все, что ты оставил за спиной:
Поле, родничок — земную кроху...
Ведь от этой малости земной

Ты ушел
Не в город,
А в эпоху.

Твои огни увижу скоро,
Что светят мне издали.
Любовь моя, рабочий город,
Как мне нужна твоя рука,
Чтоб о друзьях мог рассказать я
И о былом припомнить смог,
Мне так нужны твои объятья
После разлук, после дорог.

Увижу маму в полушалке,
И сразу на сердце светло.
И от росы Холодной балки
Мне так становится тепло.

Встречал я нежные рассветы,
Там, где окраины твои:
Цвели сады вишневым цветом
И распевали соловьи.

Храню в глазах твои зарницы,
Как отсвет доброты людской.
И, словно юности частицу,
Храню свой пропуск заводской.

В пролетах огненного цеха
Я встречу давнего дружка.
В душе моей не молкнет эхо
Того рассветного гудка.

Припомним все: войну и голод,
Земную радость через край...
Я не забыл тебя, мой город,
И ты меня не забывай.

Не по неписаным законам,
Но ради сводного родства
Обворожительно знакомо
Звучат елейные слова,
Так несозвучные по сути,
По духу
Нашим временам,
А вот живут:

«Не обессудьте,
Мы — вам, а вы, конечно, — нам...»

И так трезвы — до удивленья,
Так аккуратны и «честны»,
Как будто ритм сердцебиенья
Или дыхание весны.

А рядом —
Истина из истин,
Венец величья и красоты,
Оно,
Святое бескорыстие,
Себя
Бросает на весы.

ЕДУТ МАМЫ К СОЛДАТАМ

Едут мамы к солдатам,
И спешат поезда
К тем хорошим ребятам,
Что на страже всегда,
К ним, чуть-чуть угловатым
И немножко чужим...
Едут мамы к солдатам,
Мальчуганам своим.
Их любимые мамы,
Их нестарые мамы,
Беспокойные мамы —
К мальчуганам своим.
Едут мамы к солдатам
И везут из станиц
Дух ромашки и мяты,
Пенье утренних птиц,
Все, что с детства им свято,
Синеву над рекой...
Едут мамы к солдатам —
Кто хранит их покой.
Едут мамы к солдатам.
Дальний путь — не беда.
Так ведь было когда-то,
Так пребудет всегда.
К белоснежным закатам,
Где метели метут...
Едут мамы к солдатам
И тепло им везут.
Их любимые мамы,
Их нестарые мамы,
Беспокойные мамы —
И тепло им везут.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОРОСЛЬ РОССИИ

Молодой писатель. Каков он сегодня? Чем он живет и интересуется? Каков вклад молодого писателя в сегодняшний литературный процесс, чего он уже сумел добиться и над чем ему еще предстоит очень серьезно и много работать...

Вот далеко не полный перечень вопросов, проблем и тем, которые были затронуты и обсуждены на недавно состоявшемся в Воронеже выездном заседании секретариата Союза писателей РСФСР, посвященном пятилетию принятия постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью».

С разными, но одинаково благородными целями собирается время от времени литературная общественность России, — сказал, открывая выездное заседание, Герой Социалистического Труда, председатель правления Союза писателей РСФСР Сергей Михалков. — Но нет, пожалуй, цели благородней, чем воспитание молодого поколения писателей, тех, кто должен смело и ответственно войти в наш писательский союз.

В этой связи трудно переоценить своевременность и актуальность постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». С его выходом дело профессионального развития писателей, как и всех деятелей искусств, их идейно-эстетическое воспитание переведено в новое качество.

«Художник, воспитай ученика, чтоб было у него потом учиться» — этой поэтической мыслью были пронизаны доклад секретаря правления СП РСФСР, главного редактора журнала «Литературная учеба» Ал. Михайлова «Писательская смена России» и выступления писателей Ю. Грибова, В. Деметьева, П. Проскурина, Е. Носова, В. Амлинского, С. Викулова, Д. Кугультинова, М. Шевченко, Г. Троепольского, А. Алексина и других.

Докладчик и выступавшие в прениях подчеркнули, что в Российской Федерации растет и мужает надежная литературная смена. Каждый год заявляют о себе произведениями о современности новые и новые молодые писатели.

А такие вчерашние молодые, как А. Ким, В. Маканин, Ю. Кузнецов, А. Проханов, Ю. Галкин, Р. Киреев, сегодня уже известные имена в нашей литературе.

Откровенный и серьезный разговор наших признанных мастеров слова с большой группой молодых писателей, приглашенных на выездное заседание секретариата, велся не только в зале, но и продолжался во время выездов писателей на заводы, фабрики, в колхозы и совхозы, в студенческие аудитории Воронежа.

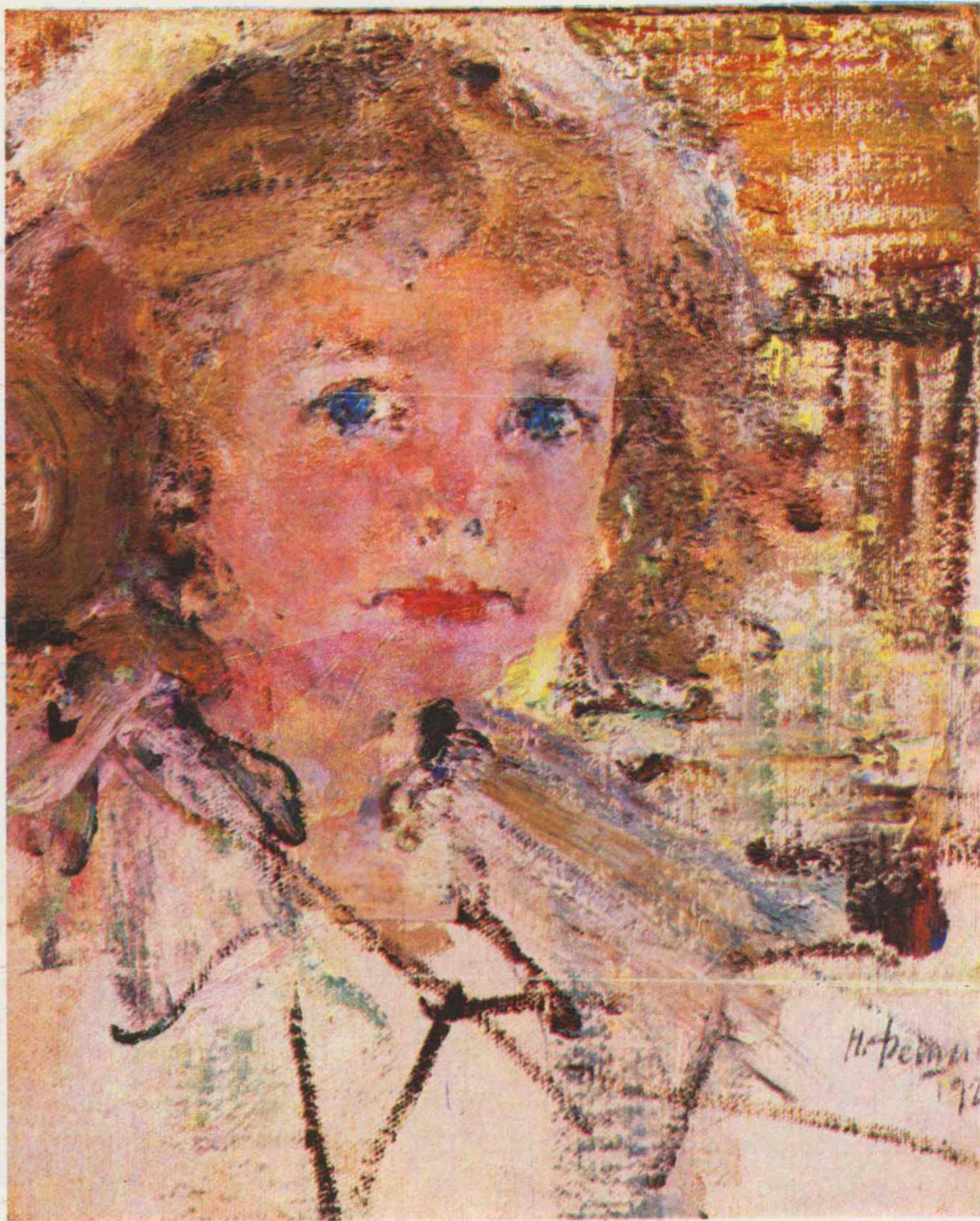
Эти дни на воронежской земле, давшей нашей отечественной литературе Алексея Кольцова, Ивана Никитина, Ивана Бунина, Андрея Платонова, надолго запомнятся молодым писателям — М. Андрееву и С. Алексееву из Томска, Н. Петруниной из Рязани, Т. Олейниковой из Белгорода, В. Детнову из Курска и многим их товарищам по перу, за чьим творчеством читатели и критики уже начали внимательно следить.

Николай ЛАЛАКИН

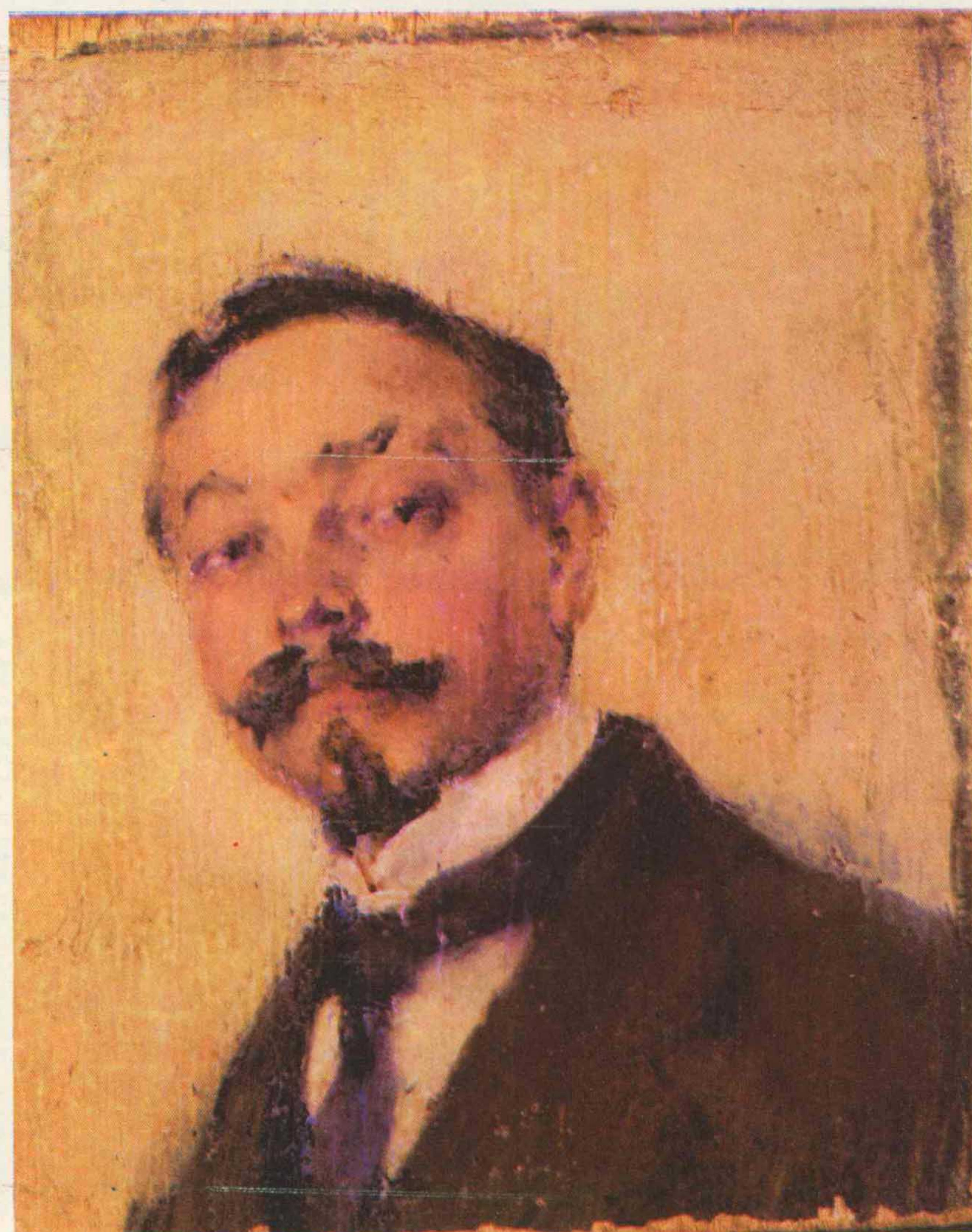
На снимке: участники выездного заседания секретариата на воронежской земле.
Фото В. Шагова.

Н. Фешин. ПОРТРЕТ ВЕРЫ АДОРАТСКОЙ. 1914 г.

Н. Фешин. ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ. 1922 г.

ПОРТРЕТ В. С. ЩЕРБАКОВА. 1913 г.

В эти дни города и деревни Лаоса одеты в праздничный наряд. Республика отмечает шестую годовщину своего образования. Сбросив гнет неокolonизма и феодальных пережитков, ЛНДР уверенно идет дорогой социалистического строительства. Продолжается кооперирование сельского хозяйства. Восстанавливается и развивается промышленное производство, укрепляется материально-техническая база транспорта. Большую помощь оказывают Лаосу Советский Союз, Вьетнам, другие социалистические страны. Социалистические государства оказывают большую помощь республике в подготовке национальных кадров. Советско-лаосское сотрудничество ширится с каждым днем.

В нынешнем году страна приступила к реализации первого пятилетнего плана. Главная задача — повышение жизненного уровня населения.

Я вспоминаю своих лаосских друзей. Многие из них были участниками нелегкой борьбы против колонизаторов и агрессоров. Судьба человека, о котором я хочу рассказать, типична для сегодняшнего Лаоса.

под их влияние, добившиеся с помощью чужаков высокого положения, презревшие обычаи своего народа. Те, кто выступает против продавшихся чужестранцам, те, кто борется за независимость и единство земли нашей, вынуждены скрываться в джунглях и горных пещерах. Придет день, когда они покинут их, но сейчас наша обязанность — помогать угнетенным, преследуемым.

То, что я сказал тебе, — склонил бритую голову бонза, — должно остаться в глубине твоего сердца, как и моя просьба. В монастыре провел ночь человек, которому ты сможешь выбраться из наших окрестностей. Ему предстоит дальний путь в Самнеа². Ты выведешь его за границу города, а вернувшись, сразу расскажешь мне, как все прошло. Согласен? Вилачит кивнул. Тогда он еще

А потом пришла беда. Как-то отец отправился в дом к одному из местных богачей, Сону.

— Я должен убедить его уменьшить поборы с наших односельчан, — доказывал своим товарищам Сомпхон.

Навстречу ему вышел Сон, крепкий тридцатилетний мужчина, одетый и причесанный на европейский манер. Любезно улыбнувшись и пробормотав традиционное приветствие, он пригласил Сомпхона за низкий деревянный стол, стоящий во дворе под тенью развесистой чампы. Хозяйка принесла нарезанную мелкими кусками курицу, соевый соус, пузатую бутылку местного самогана.

— Вы во многом правы, дядюшка Сомпхон, — с круглого, гладкого лица Сона не сходила улыбка, — я подумаю над вашим предложением. Но кто еще может поручиться за ваши слова? Назовите хотя бы еще трех-четырех человек... Вы считаете, в этом нет надобности? Ну-ну...

Вернувшись домой, Сомпхон почувствовал недомогание, прилег на циновку. Вечером состояние его резко ухудшилось. Позвали

РАССВЕТ НАД САВАННАКЕТОМ

Александр ЖАКОВ

Фото автора

День склонялся к вечеру. Изредка с гор тянуло слабым ветерком. Вилачит нажал кнопку настольной лампы. Он любил ее мягкий, спокойный свет. Если посмотреть сейчас с улицы, представил Вилачит, кажется, что в его окне на втором этаже здания административного комитета Саваннакета вспыхнул огромный светячок. Мальчишкой Вилачит вместе с соседскими ребятами ловил в банановых зарослях эти летающие живые огоньки, наклеивая их на смазанные древесной смолой бамбуковые щепки. Детство давно ушло, и все же каждый раз, когда зажигался зеленый абажур его лампы, он вспоминал те далекие годы.

С улицы донесся шум мотора подъехавшего джила. Захлопали дверцы, послышались голоса. «Еще несколько минут — и я встречусь с ним снова, — подумал Вилачит, сдвигая лежащие перед ним папки в угол стола. — Долго я ждал этой встречи...»

ВЫБОР

Первые лучи солнца озарили внутренний двор монастыря Сенон, где по удару огромного бронзового гонга собрались обитатели. Отсюда их путь лежал по тысячи раз искоженным маршрутам — мимо бедных деревен-

ских домишек, мелких лавчонок торговцев и ремесленников, белых, построенных во французском колониальном стиле особняков местных богачей. Монахи отправлялись в ежедневный утренний поход за мирскими подаяниями.

Вилачита подозвал к себе настоятель монастыря бонза Буннем.

— Задержись на несколько минут, — тихо сказал он, забрасывая себе на плечо полу линялого, много раз стиранного оранжевого хитона. Бонза давно приглядывался к молодому монаху, выделяя его среди других послушников за искренний и честный нрав. — Я хочу просить тебя о помощи.

Польщенный просьбой — сам настоятель монастыря обратился к нему! — Вилачит остановился.

— Тебе хорошо известно, — издали начал бонза, — что каждому существу в мире отведено свое место. Издалека пришли на нашу древнюю землю колонизаторы. Они не хотят признавать наши устои, законы наших предков. Они развращают людей, используя их тщеславие, жажду богатства, любовь к громким титулам. К сожалению, в Стране Миллиона Слонов¹ нашлись люди, попавшие

не осознал, что сделал первый шаг в революционную борьбу.

Вилачиту было 15 лет, когда он ушел из монастыря³. Вернувшись в родную деревню, хозяйство он нашел таким же бедным, как и прежде. И все же обстановка изменилась. Повсеместно действовали подпольные агитаторы, рассказывали о планах революционных преобразований Лаоса, призывали оказывать содействие патриотическим силам. Тогда же Вилачит узнал, что их дом уже несколько лет был местом конспиративных встреч членов революционной группы, которую возглавлял его отец, 53-летний Сомпхон.

— Ты уже стал взрослым, сын, — сказал ему отец, — и можешь отличить добро от зла. Люди, которые собираются у нас, хотя и добра родной земле, всем нам.

— Мне рассказывал о них бонза Буннем, — признался Вилачит, — он говорил, что это настоящие патриоты.

— Твой настоятель — умный человек, я слышал о нем. Но до конца понять нашу правду тебе помогут книги, которые я дам. Читай, наблюдай за жизнью, делай выводы.

Так в жизнь Вилачита вошли произведения Маркса, Ленина, Хо Ши Мина. Постепенно товарищи отца начали привлекать его к активным действиям. Он помогал распространять листовки, беседовал с односельчанами, был проводником партизанских групп.

² Самнеа — революционная база патриотических сил.

³ В Лаосе монахи постригаются не обязательно на всю жизнь, часто на срок от месяца до нескольких лет. Через монастыри проходила определенная часть населения, так как для многих это был единственный путь получить начатки образования.

¹ Древнее название Лаоса.

знахаря из соседней деревни. Но настойки из лечебных трав и корни не помогли. К утру Сомпхона не стало.

Его сжигали на пятнадцатый день Луны. Бонзы держали тянущуюся от гроба тонкую нить, чтобы душа умершего не смогла покинуть тело до окончания церемонии погребения. Вокруг стояли родственники. Обритые наголо сыновья были одеты в оранжевые одежды, жена и дочери — в белые. Перед сожжением лицо умершего окропили молоком кокосового ореха, символизирующим чистоту уходящего. Рядом положили полые стволы бамбука, набитые клейким рисом. Гроб обрызгали благовониями, поднесли горящий факел...

К ночи в доме покойного собрались его друзья. Из Саваннакета тайно пришли несколько подпольщиков. Сидели при тусклом свете коптящей керосиновой лампы. Говорили о Сомпхоне, о необходимости продолжить его дело.

В полночь Вилачит провожал на окраину деревни одного из партизан. К дому возвращался узкими, глухими улочками, опасаясь прохожих, чутко прислушиваясь к темноте. Но что это? Почему так шумно во дворе их дома? «Засада», — мелькнуло в голове.

Вилачит притаился в тени шаткой бамбуковой ограды. Вооруженные люди выводили во двор захваченных врасплох подпольщиков. Совсем рядом послышался голос. «Да это же Сон!» — узнал Вилачит.

— Как видите, мой план удался, господин начальник, — говорил Сон, обращаясь к невидимому собеседнику. — Теперь потянется ниточка к оставшемуся подполью. А о том, что Сомпхона убрал я, никто ведь и не догадывается. Жаль, что высокозвонил этот змееныш Вилачит. Но далеко не уйдет. Округа наводнена нашими людьми.

Наутро тайными тропами Вилачит пробрался в монастырь Сенон, отыскал настоятеля Буннема, рассказал ему все. А еще через не-

сколько дней он ушел в джунгли, к своим друзьям. Впереди его ждал долгий и трудный путь революционера.

На высоком холме он задержался. Далеко внизу в легкой утренней дымке лежала родная деревня. Там оставались его дом, мать, братья и сестры.

— Я вернусь сюда с революцией, — прошептал юноша. — И я еще встречу с тобой, предатель Сон.

СПУСТЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

В дверь стучали резко и требовательно. Вилачит открыл глаза. Глубокая ночь. Прежде чем выйти к нежданному посетителю, проверил оружие. В окрестностях уже месяц было спокойно. Вблизи города орудовала появившаяся банда. Терроризировала население, поджигала дома, угоняла скот, были случаи расправы с активистами. Особенной жестокостью отличался главарь бандитов, которому в народе уже успели дать презрительную кличку Няк.

— Товарищ Вилачит! — послышалось за дверью. — Срочно вызывают в комитет⁴!

Ночные вызовы не были такой уж редкостью для Вилачита. Несколько лет назад вместе с передовыми частями патриотических сил вступил он в город, рядом с которым прошла его юность. Как много изменилось в его жизни с тех пор! Был бойцом одного из отрядов ПФЛ⁵, занимался нелегальной работой в разных районах страны, командовал взводом, вел партийно-политическую работу. После освобождения Саваннакета был назначен на одну из руководящих должностей местного административного комитета.

Не раз пытался разыскать предателя Сона, подло отравившего его отца. Но того и след простыл. Поговаривали, будто бежал он за несколько недель до освобождения города, скрывался где-то в джунглях, а затем подался на север Лаоса, к отрядам Ванг Пао⁶.

В кромешной тьме, окутавшей город, ярко светились окна

⁴ Административный комитет провинции.

⁵ Патриотический фронт Лаоса.

⁶ Реакционер, состоявший на службе ЦРУ, после провозглашения республики скрывшийся в КНР.

первого этажа административного комитета. Мелькали огоньки электрических фонариков — это торопились те, кого вызвали на экстренное заседание.

— Товарищи! — начал председатель, обводя взглядом собравшихся. — Только что мы получили сведения, что банда Няка объявилась в пяти километрах от города. Ее необходимо ликвидировать.

...Банду Няка взяли на окраине деревни, где она устроилась на ночлег под большим навесом. Уйти сумел лишь главарь.

Воспользовавшись случаем, Вилачит забежал в родной дом. Делая редко отпускали его из города, и все же раз в месяц-два он выбирал время, чтобы навестить мать. Она встретила его во дворе.

— Сын, — сказала она, — вчера в деревне был убийца твоего отца. Я видела его вместе с какими-то вооруженными людьми.

«Значит, Няк и Сон — одно и то же лицо, — подумал Вилачит. — Теперь понятно, почему ему удалось скрыться. Он знает здесь каждую тропку».

Прошла неделя. Вилачит вел собрание провинциального актива Саваннакета.

— Успехи наших революционных преобразований налицо, — говорил он. — Продолжается процесс коллективизации сельского хозяйства. Только в нашей провинции половина крестьянских семей вступила в кооперативы. Начаты разработки соляных копей. Развивается ремесленное и кустарное производство...

Вилачиту передали записку: «На северной границе провинции местными жителями взят в плен бандит Няк. К вечеру он будет доставлен в Саваннакет».

* * *

Вилачит поднял голову. В дверном проеме, подталкиваемый сзади конвойным, стоял Сон. Он постарел. Несколько секунд бандит напряженно всматривался в сидящего за столом. И вдруг в глазах его мелькнул страх, он невольно сделал шаг назад.

«Узнал, — понял Вилачит. — Ему страшно. Что ж, судить его будет народ. Зло, как и добро, не забывается в мире. Его будут судить за смерть моего отца, за выданных им подпольщиков, за те кровавые следы, что оставил он на нашей земле».

ЧИТАТЕЛИ ПРОДОЛЖАЮТ РАЗГОВОР

О песнях не говорят, их поют. Но... если не поется? Если песен мало настоящих?

Недавно на празднике, посвященном Дню советской милиции, по телевидению прозвучала песня про мотылька. Ни несомненное мастерство ансамбля «Оризонт», ни вокальная выразительность певцов не смогли спасти песню: беспомощный сюжет, нечетность мысли. Мы издавна привыкли, что наши ведущие песенники воспевают все лучшее в человеке, учат людей мужеству, самоотверженности, доброте... К сожалению, подобных «мотыльков» слишком много летает в нашем эфире! В результате воздействия таких песенок молодежь, не задумываясь, и устремляется в первую очередь к грохоту «супер-современных» западных музыкальных поделок.

И как же хорошо бывает на душе, когда вдруг — среди гула, визга и грома — на мгновение все останавливается и возникает в эфире «До свидания, Москва», песня Александры Пахмутовой и Николая Добронравова, где самая грусть расставания, большое, серьезное чувство делается близким и понятным каждому человеку земли.

В музыкальном искусстве намечается обидная — особенно для

творческая суетливость расставляет сейчас шлагбаумы на тех дорогах, где должны быть счастливые встречи поэтов и композиторов. Возможно, мы недостаточно внимательны друг к другу? Или мы нетребовательны к себе?.. Тогда понятно, что талантливые музыканты покидают песню, создавая, как это принято сейчас называть, «роковые» композиции. Не так давно вышла пластинка-миньон, утвердившая содружество Давида Тухманова с новой рок-группой «Москва». Мне-то кажется, что это уже не те песни, которые мы продолжаем ждать от него: это вокальные композиции.

И все-таки кто мешает встретиться на песенной ниве новым поэтам и новым композиторам? Вероятно, никто. Но никто и не помогает. Нужна координация действий в творческих союзах. Необходимо больше устраивать творческих — именно творческих — встреч.

Пришло время отказаться от мысли, что песенный текст должен нести более обремененную смысловую нагрузку, чем «просто» стихотворение... Несомненно, песня не может быть «перегруженной». Но главная ее задача — четкая мысль. Песня, так же, как сти-

ЕЩЕ РАЗ О ПЕСНЕ

песни — тенденция. От песен начинают уходить ведущие композиторы. А почему?.. Почему все меньше песен создает Андрей Петров? Почему Микаэл Таривердиев переключился на романсовую и инструментальную музыку?.. Не мы ли виноваты, дорогие поэты! Может быть, композиторов перестали радовать наши песенные «тексты»? И вот уже Андрей Петров пишет песню для кинофильма «Служебный роман» на стихи Роберта Бернса, а Микаэл Таривердиев в остросовременном телефильме «Адам женится на Еве» обращается к поэзии Шекспира.

Русская поэзия всегда отличалась большой нравственной, смысловой нагрузкой... Может быть, песенники устали ее нести? Но опыт жизни показывает убедительно, что такие творческие «танделы», как Александра Пахмутова — Николай Добронравов, Анатолий Новиков — Лев Ошанин и другие, всегда приносили большой успех советской песне.

Глубокое уважение вызывает неутомимый песенный темперамент Льва Ошанина. На протяжении нескольких десятилетий он успешно сотрудничает со многими талантливыми композиторами. Широкий и тематический диапазон работ Льва Ошанина: много лет звучат его гражданские и лирические песни, такие, как «Дороги», «Марш демократической молодежи», «Течет река Волга», и т. д. А совсем недавно по телевидению американский певец Пит Сигер вдохновенно спел «Пусть всегда будет солнце».

Поэтому-то мне как поэту и обидно, что наша нарастающая

хотворение, нуждается в ярких поэтических образах. Пусть мелодия всегда остается основным двигателем внутреннего сгорания в песне. Но слово — это горячее, которое зажигает в нем жизнь, озаряет музыку духовным светом.

В последнее время много споров возникает вокруг некоторой сентиментальности музыки. С каких же пор это слово чуть ли не бранным стало в искусстве?.. Ведь сентиментальность в хорошем смысле — та живая вода, та влага, без которой наши души давно бы превратились в сухой пергамент! Это понимают талантливые композиторы Алексей Мажуков, Александр Морозов, Евгений Мартынов... Их творческая дружба с поэтами постоянно радует.

Недавно появилась новая песня Алексея Мажукова «Красная стрела» на стихи Николая Зиновьева; ее проникновенно исполняет София Ротару. Это несомненная удача авторов и исполнительницы, песню сразу полюбили за чело- вечность, драматизм, искренность.

Любителей музыки обрадовало и новое произведение А. Пахмутовой и Н. Добронравова «Ты но мне не вернешься». Интересна новая песня «Горница» Александра Морозова на серьезные стихи Николая Рубцова.

Подобные примеры есть, но их мало. Хочется верить, что наше героическое время вызовет и жизни прекрасные гражданские и лирические песни. Нам всем захочется их петь...

Вячеслав ФАТЬЯНОВ

Балашиха
Московской обл.

Строится переправа через реку Нгум.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА:

РОЗЫСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

ла. Но ведь об этом черным по белому писал, как мы помним, в своей докладной флотский унтер-офицер первого класса Деннис Дэвид. При этом металла, по его словам, хватило бы больше, чем на одну пулю!

Но загадки с пулями на этом не кончаются. В 1978 году в специальной комиссии конгресса по расследованию убийств (СКРУ) давал показания адмирал Дэвид Осборн. За три года до этого он вышел в отставку с поста заместителя главного хирурга ВМС США, а в ноябре 1963 года был заведующим хирургическим отделением центрального госпиталя ВМС в Бетесде. Осборн сообщил, что, когда перед началом вскрытия тело покойного президента было вынуто из простыни, на анатомический стол выпала «целехонья пуля». Специальная комиссия не поверила этому свидетельству, поскольку больше никто из присутствующих такой пули якобы не видел. В октябре 1979 года в беседе с Лифтоном адмирал в отставке подробно описал ту памятную ситуацию, когда в морг был доставлен дорогой бронзовый гроб. Какое-то время его не открывали, поскольку Хьюмс хотел дожидаться всех, кому надлежало присутствовать, и в частности своего ассистента подполковника Финка. Задержка продолжалась около 20—30 минут.

Наконец гроб открыли, и вскоре Осборн увидел пулю, взял ее в руку. Она была чистой, без следов крови и практически целехонькой.

— Кто еще держал пулю в руках? — поинтересовался Лифтон.

— Несколько человек, — ответил Осборн, — я знаю, что она побывала и в руках сотрудников секретной службы.

— Как вы восприняли решение специальной комиссии не поверить вам?

— Что касается их оценки, то это полнейшая белиберда, поскольку там была пуля, и она была совершенно целой. Я не знаю, что с ней случилось, но взяла ее секретная служба.

Ясно, что этот эпизод мог произойти лишь в том временном отрезке, когда заговорщики все еще придерживались своего первого сценария — пуля «выпала» из тела Кеннеди. Ибо если бы на

той стадии у них созрело решение «найти» ее на носилках Коннэли — конечно же, им не пришлось бы в голову подбрасывать ее в бронзовый далласский гроб Кеннеди.

Факт № 4. В своих показаниях в Комиссии Уоррена начальник секретной службы Роули заявил, что в госпитале ВМС в Бетесде во время вскрытия находилось пять его сотрудников во главе с Келлерманом. Он явно занижил число. Командир первой партии СС, прибывший в госпиталь задолго до вскрытия, сообщил достоверно одному из дежурных по госпиталю, что их будет там не менее 26! Около десяти агентов постоянно находилось в сравнительно небольшой комнате перед секционным залом. Они регистрировали в свой журнал всех входящих и выходящих из нее, точное время входов и выходов, то, что было у них в руках, цель входа и выхода и т. п. Агенты секретной службы, как мы помним, сопровождали техника в другую, башенную часть госпиталя. Они отбирали для проявления фотоснимки, они — «7—8 битюгов» — вносили гроб-«жестянку». Они выполняли приказы Роули, находившегося в своей канцелярии в так называемом административном здании (бывшее здание государственного департамента), расположенном на Пенсильвания-авеню по соседству (в сотне шагов) с Белым домом. Это здание считают «продолжением» Белого дома, так как в нем имеются кабинеты президента, вице-президента, их помощников и советников. Здесь нам, журналистам, секретная служба оформляла пропуск в Белый дом.

Сюда, в административное здание, агент секретной службы Джеральд Джонсен якобы привез в кармане пиджака пулю из Далласа, передал ее Роули. Затем она (а судя по всему, это была именно она) попала в бронзовый гроб, исчезла из секционного зала и затем уже из лаборатории ФБР в виде экспоната № 399 превратилась на лексиконе Комиссии Уоррена, в «рыскающую пулю».

Да, трудно укладывается в голове зловещая гипотеза, что канцелярия Роули была одним из главных пультов управления этим сговором-заговором. И вновь как в дешевом водевиле. Убил пре-

зидента маньяк-одиночка, а сколько тайн, секретов, маскировки! Всех, кто давал подписку, предупреждали устно и многократно, что все происшедшее относится к категории «сверхсекретной» информации и не подлежит разглашению ни при каких обстоятельствах. Говорили медицинскому персоналу ВМС, что этот приказ исходит из Белого дома, подразумевая секретную службу.

«РЫСКАЮЩАЯ ПУЛЯ»

Несмотря на строжайшие предупреждения, один из патологоанатомов проговорился о странном эпизоде в секционном зале бетесдовского госпиталя, проливающим свет на характер происшедшего там вскрытия. 24 февраля 1967 года подполковник Пьер Финк давал показания в Новом Орлеане на процессе по делу Клея Шоу, обвиненного новоорлеанским окружным прокурором Джимом Гаррисоном в заговоре с целью убийства президента Кеннеди. Одному из нас довелось присутствовать на процессе, вызвавшем огромный резонанс не только в США, но и во всем мире. Приведем отрывки из стенограммы судебного заседания, в ходе которого заместитель окружного прокурора Элвин Осер допрашивал Финка.

Осер: Вы были соавтором заключения о вскрытии, не правда ли, доктор?

Финк: Минуточку. Я был вызван в качестве консультанта с целью осмотреть раны; это не означало, что я руководил шоу (show — спектакль).

Осер: Руководил шоу доктор Хьюмс?

Финк: Я слышал, как доктор Хьюмс задал вслух вопрос: «Кто здесь главный?» И я услышал, как армейский генерал — я не помню его фамилии — заявил: «Я главный». Вы должны понять, что в тех обстоятельствах там были представители правопорядка, военные разных рангов, и нам необходимо было координировать операцию согласно приказам.

Осер: Но вы были одним из трех профессиональных патологоанатомов, стоявших у анатомического стола?

Финк: Да.

Осер: Был ли армейский гене-

Машина крутилась быстро. На шестом этаже техасского склада школьных учебников сразу после покушения была найдена винтовка «маузер»; вскоре она исчезла, и на ее месте появилась итальянская «манлихер-каркано», принадлежавшая Освальду. «Рыскающая пуля», которую, как полагают, подбросил в парклэндском госпитале Джек Руби, и «манлихер-каркано» идеально соответствовали друг другу.

На военном реактивном самолете в Вашингтон был доставлен лимузин Кеннеди. И в нем агенты секретной службы нашли два пулевых осколка. В лаборатории ФБР мгновенно доказали, что они также абсолютно соответствуют пулям для «манлихер-каркано». Не прошло и 24 часов после покушения, как ФБР на основе полученных от секретной службы и далласской полиции данных вынесло приговор Освальду. Явно оказывая давление на врачей, производящих вскрытие, ближе к полуночи 22 ноября в Бетесде личный врач президента Кеннеди, ставший уже личным врачом президента Джонсона, адмирал Джордж Беркли повторял, что при составлении заключения надо учитывать, что «Освальд стрелял сзади». «Неужели он это говорил?» — переспросил одного из присутствовавших в секционном зале Дэвид Лифтон.

— Я прекрасно помню слова Беркли о том, что «они поймали Освальда и что им нужна только пуля, чтобы закрыть дело», — ответил тот.

Дела уголовного свойства закрывают в Америке жюри присяжных и судьи, но ИМ, наверное, на это было наплевать. ОНИ были выше закона, ОНИ знали, как обходиться с американской Фемидой.

Беркли, как и другие, закрыл глаза на то, что из трупа были извлечены четыре кусочка метал-

Продолжение. См. «Огонек» № 46—48.

рал профессиональным патологоанатомом?

Финк: Нет.

Осер: Был ли он медиком?

Финк: Нет, по моим данным, не был.

Прервем этот диалог и посмотрим на его продолжение на следующий день, 25 февраля.

Осер: Не вспомнили ли вы фамилию армейского генерала, который, по вашим словам, приказал доктору Хьюмсу не обсуждать ни с кем заключение о вскрытии?

Финк: Это был не генерал, а адмирал.

Осер: Как была фамилия адмирала?

Финк: Который предупредил, чтобы мы не обсуждали результаты вскрытия?

Осер: Да.

Финк: Это был адмирал Кенни¹, там было несколько адмиралов, осуществлявших руководство.

Нужно заметить, что это был единственный случай, когда патологоанатом, участвовавший во вскрытии покойного президента, подвергся нелицеприятному допросу. Не исключено, что после первого дня его показаний Финк получил взбучку из Вашингтона за то, что он раскрыл сам факт присутствия в секционном зале армейского генерала. Кстати, во второй день он добавил, что там был еще и некий бригадный генерал военно-воздушных сил США. Ниже мы коснемся возможной причины присутствия в секционном зале бетесдовского военно-морского госпиталя армейского генерала. Здесь же отметим, что, окажись Хьюмс и Босуэлл, как и Финк, в качестве свидетелей на суде и перед такими представителями обвинения, которые в отличие от Комиссии Уоррена стремились бы установить объективные факты, а не замазать истину, то им пришлось бы также нелегко.

Заместителю окружного прокурора Осеру удалось вытянуть из Финка крайне важное свидетельство относительно обследования патологоанатомами пулевой раны, произведенной «рыскающей пулей». По словам Финка, он установил сквозной характер раны путем обследования входного отверстия в верхней части спины и выходного — в горле. Он повторял, что этого было достаточно и что не было необходимости производить рассечение всего пулевого канала. Однако Финк прекрасно знал всю спорность такого суждения, знал, что для патологоанатомов и судебно-медицинских экспертов, которые хорошо помнили, как поначалу в Бетесде эта рана казалась несквозной, решение не производить рассечения будет выглядеть крайне странным. И поэтому Финк сделал еще одно существенное признание. Восемь раз Осер ставил в упор вопрос, почему не производилось рассечение пулевого канала. Финк юлил. Наконец, вопрос — в девятый раз с обращением к судье заставить Финка отвечать.

Осер: Ваша честь! Я просил бы, ваша честь, приказать свидетелю ответить на мой вопрос. Обращаюсь к свидетелю: почему вы не произвели рассечение пулевого канала? Почему?

Финк: Насколько я помню, мне было сказано не производить рас-

сечение, но кем — этого я не помню.

Осер: Мог это быть один из адмиралов или один из генералов, находившихся в секционном зале?

Финк: Я не припоминаю.

Человеческая память, конечно, несовершенна. Оставим забывчивость Финка и его коллег на их совести, но дело даже не в этом. Светила американской патологической анатомии и судебной медицины охарактеризовали как непростительную профессиональную ошибку решение воздержаться от рассечения пулевого канала. Суммируя их высказывания, независимый расследователь Джошуа Томпсон писал еще в 1967 году в книге «Шесть секунд в Далласе»: «Эту рану обследовали пальцами и металлическими зондами, но ее не рассекли. Но в этом суть проблемы, которую не может прояснить никакое количество рентгеновских и фотоснимков. Среди специалистов судебной медицины известно, что единственное средство проследить след пули — это произвести рассечение ткани на ее пути. Такое рассечение — дело тяжелое, утомительное и требующее тщательности. Но без него характер раны на спине президента навсегда останется под вопросом».

Да, одна «рыскающая пуля» наставила немало вопросительных знаков. И вернуться к ним стоит хотя бы уже потому, чтобы представить себе, как грубо и бесцеремонно управлялись с фактами и здравым смыслом участники второго заговора.

В ночь с 22 на 23 ноября из штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне в отделение ФБР в Далласе ушла телеграмма, что на спине президента обнаружено «неглубокое отверстие без выхода» и что «по мнению патологоанатомов национального медицинского центра ВМС, пуля, проделавшая это отверстие, вышла сама из спины жертвы во время закрытого массажа сердца в Далласе». Телеграмма была составлена на основе донесений Сайберта и О'Нейла. Напомним, что ни один из далласских врачей не заметил вообще этой раны. Лифтон полагает, что ее добавили на отрезке между далласским парклэндским госпиталем и Бетесдой. Но каково бы ни было предположение Лифтона, в то время события разворачивались следующим образом.

Версия о несквозной ране прошла в доклад ФБР о вскрытии от 9 декабря 1963 года. 18 декабря газета «Нью-Йорк таймс» со ссылкой на «патологоанатомов в Бетесде» писала, что на спине президента была «маленькая аккуратная ранка глубиной 2—3 дюйма [5—7 см]», а что рана под кадыком была произведена осколком металла или кости в результате выстрела в голову. Это, видимо, переполошило кое-кого, и уже на следующий день, 19 декабря, «Нью-Йорк таймс» поправила, сообщив, что пуля, попавшая в спину, застряла в теле Кеннеди. Судя по всему, подгонка заключения о вскрытии все еще не закончилась. И она продолжалась до января 1964 года, ибо и тогда «Нью-Йорк таймс» продолжала писать о пуле, застрявшей в спине Кеннеди. Иными словами, сквозной раны все еще не было.

Казалось бы, необъяснимая загадка, если вспомнить то, как

«безошибочно», без рассечения пулевого канала, установил еще 22 ноября сквозной характер раны подполковник Пьер Финк!

Но объяснение было найдено, вернее — сотворено. Чтобы оно звучало правдоподобно, потребовалась изрядная изобретательность, ибо надо было свести концы с концами: и сделать рану сквозной и оправдать появление доклада ФБР от 9 декабря, а также статей в «Нью-Йорк таймс».

Лифтон установил, что доктора Хьюмса навещал в Бетесде юрист-консульт Комиссии Уоррена Арлен Спектр. И вот в марте 1964 года Спектр уже официально ведет допрос Хьюмса и его коллег. Сценарий и его исполнение были бесподобны.

Спектр: Пытались ли вы во время обследования мертвого президента зондировать отверстие пальцем?

Хьюмс: Да, сэр, я пытался.

Спектр: И в это или примерно в это время, когда вы пытались установить, была ли какая-нибудь пуля в теле президента, — не сообщил ли вам кто-нибудь из секретной службы, что пуля была найдена на носилках в Парклэндском госпитале?

Хьюмс: Да, сэр, они привлекли мое внимание к этому.

Спектр: И на том отрезке вашего обследования, когда вы узнали о найденной на носилках пуле, не осенила ли вас какая-нибудь предварительная теория (бесподобная подсказка! — Прим. авт.), объяснявшая бы точки входа и выхода пули?

Хьюмс: Да, сэр. Мы могли установить с абсолютной уверенностью, что пуля прошла верхушечную часть правого легкого, причинив ему повреждение. У меня не было в тот момент информации от доктора Перри о ране под кадыком. И хотя это было возможно объяснением точки выхода пули, мы также должны были рассмотреть возможность того, что пуля каким-то необъяснимым образом (!!) была остановлена на своем пути в теле президента и затем фактически выпала на носилки.

Американские медики говорят, что бессмысленно полемизировать по поводу этого «объяснения». Но они отвергли другое заявление Хьюмса и его коллег, а именно, что «рыскающая пуля», проходя между двумя большими мышцами, не оставила «никакого канала». Ведущий судебно-медицинский эксперт Нью-Йорка доктор Милтон Гелперн заявил: «Аксиомой судебно-медицинской патологии является то, что, если пуля проходит через тело, она должна оставлять различимый канал». Гелперн добавил, что 6,5-миллиметровая пуля, которая, согласно докладу Комиссии Уоррена, поразила президента Кеннеди, должна была бы оставить канал диаметром не менее 0,6 миллиметра.

Хьюмс подозревал что-то неладное с раной на спине. На следующее утро после вскрытия он позвонил далласскому врачу Перри, который, вспоминая об этом, говорит: «Хьюмс поинтересовался, не мы ли посадили какие-то раны на спине». Гипотеза Лифтона о добавлении раны или ран на спине — не такая уж фантастика.

Но последуем дальше за «рыскающей пулей». Итак, она якобы вышла через горло. В секционном зале бетесдовского госпиталя работавший с патологоанатомами врач-рентгенолог Джон Эберсул

обратил внимание, что место под кадыком было «аккуратно зашито». В беседе с Лифтоном он сказал, что Хьюмс и другие решили, что швы были наложены в Далласе. Однако далласский доктор Кемп Кларк категорически отверг такое предположение, он даже сообщил, что, отправляя труп, они не вынули (!) трахеотомической трубки (для искусственного дыхания), которую вставили в рану под кадыком, предварительно ее слегка расширив. Независимые расследователи высказывают предположение, что заговорщики зашили рану, чтобы скрыть ее от бетесдовских врачей, представив дело так, как если бы в Далласе был сделан трахеотомический разрез, зашитый тут же после смерти далласскими врачами. Но план отпал, когда Кларк и его коллеги объяснили предысторию трахеотомии. Не удалось также скрыть дыру в рубашке президента под галстучным узлом, хотя ФБР и секретная служба держали это более месяца в тайне. И тогда бедному Хьюмсу пришлось, видимо, еще раз переписывать протокол о вскрытии и делать из отверстия в горле «выходную» рану вопреки трижды повторенному 22 ноября Малколлом Перри заявлению, что это была входная рана. Разумеется, Хьюмс и его коллеги ни словом не обмолвились ни в заключении о вскрытии, ни в своих показаниях в Комиссии Уоррена и спустя 14 лет в специальной комиссии конгресса (СКРУ) о загадочных швах на шее. Они отказались комментировать и признание доктора Эберсула, сделанное им в марте 1978 года...

Заметки на полях

А. К. УМРИХИН: Далласские врачи, пытаясь спасти жизнь президента, невольно помогли раскрытию тайны. Для введения в трахею дыхательной трубки, как известно, рану под кадыком пришлось расширить, а может быть, и иссечь. Так поступают многие хирурги для того, чтобы ускорить заживление раны удалением нежизнеспособных тканей, разможенных ранящим снарядом. При этом кольцо осаднения, конечно, исчезнет, но отсеченные края раны обязательно должны направляться для экспертизы! Иссеклась ли рана в госпитале в Бетесде? Неизвестно. Ясно лишь одно, что в любом случае трахеотомия сыграла на руку фальсификаторам, помогла замести следы.

Существует один документ, который усиливает подозрение независимых расследователей. Босуэлл, как отмечалось выше, во время вскрытия сделал две диаграммы мужского тела спереди и сзади и расставил на них отметки ран с измерениями. На них зрительно различимо, что рана на спине была ниже раны на горле, хотя по официальной версии должно было бы быть наоборот, так как стреляли сзади и сверху. Такой опытный человек, как Босуэлл, утврждал тем не менее, что он... «ошибся».

«Ошибку» исправили. Спинальная рана на рисунке, выполненном медицинским иллюстратором на основе «памяти» Хьюмса, оказалась «передвинутой» вверх. Калифорнийские журналисты Перри Эдамс и Фред Ньюкоум, а вслед за ними и Дэвид Лифтон утверждали, что рана была «поднята» на 10 сантиметров вверх по приказу начальника национального военно-морского центра в Бетесде адмирала Кэлвина Гэллоуэя, что это и другие изменения в заявлениях и показаниях патологоанатомов в их письменных отчетах и общем про-

¹ Адмирал Эдвард Кенни — главный хирург ВМС США.

токоле о вскрытии были санкционированы адмиралом Беркли. «Сколько раз,— подчеркивают Эдамс и Ньюкоум,— необходимо было переписать отчет о вскрытии, прежде чем он стал приемлемым,— неизвестно!»

Эпилогом к истории с «рыскающей пулей» служит ее удивительное попадание в губернатора Коннэли, который сидел на откидном сиденье лимузина перед Кеннеди. Она вошла в спину губернатора, вышла из его груди, прошла кисть правой руки, проникла в левое бедро, а затем «приземлилась» на носилках в госпитале. Пуля оставила металлические осколки в кисти и в бедренной кости (они не были вынуты) и сохранилась, как мы помним, почти целехонькой, потеряв лишь одну пятую грамма. Да, вот уж действительно мастера на все руки эти заговорщики: отлили пулю! Даже Хьюмс и его коллеги, хотя они не обследовали Коннэли, были вынуждены заявить в Комиссии Уоррена, как ни тащили из них другой ответ, что они не могут себе представить, как эта пуля уцелела, оставив металл в бедре Коннэли.

Доктор Чарльз Грегори, оказывавший помощь в Парклэндском госпитале губернатору Коннэли, заявил, что пуля, попавшая в Коннэли, «вела себя так, как если бы перед этим она никого даже не задела». Работавший вместе с Грегори доктор Джордж Шайрс считает, что Коннэли был поражен отдельной пулей. Сам Коннэли выдвигает еще одну важную гипотезу на основе личных ощущений и восприятия (он повернулся к раненому Кеннеди и только затем почувствовал удар в спину), которые успело зафиксировать его сознание. Коннэли считает, что **раны в его груди, бедре и кисти были произведены разными пулями**. Это допускает и — кто бы вы думали? — Хьюмс...

Предоставим слово Сирилу Вехту — эксперту судебной медицины аллегенского окружного суда штата Пенсильвания, который в 1972 году первым из независимых судебно-медицинских экспертов Америки был допущен как представитель американских медицинских кругов к хранившимся в Национальном архиве официальным материалам вскрытия, в том числе к рентгеновским и фотоснимкам трупа Джона Кеннеди. В журнале «Модерн мэдисин» («Современная медицина») от 27 ноября 1972 года он, в частности, писал: «Предполагается, что та же самая пуля (что ранила и Кеннеди.— Прим. авт.) вошла в правую сторону спины губернатора Коннэли, сломав его правое пятое ребро. Она затем вышла из правой стороны его груди и вошла в дорсальную сферу его правого запястья, где она произвела периферическое раздробление лучевой кости. Наконец, она вышла из волярной части запястья и вошла в его левое бедро». Опустим другие интересные места из статьи, воспроизведем здесь лишь следующее:

«Это означает, что пуля, летя справа налево, вошла в правую сторону спины президента и, выйдя из передней средней части шеи, должна была проделать **довольно феноменальную вещь**: сразу после выхода она должна была сделать довольно резкий угловой поворот в воздухе вокруг узла галстука президента снова вправо, чтобы войти в дальнюю правую

сторону спины губернатора Коннэли!

Диаграммирование направления полета пули ясно показывает, что без этого невозможного поворота она пронзила бы губернатора через левую сторону...

Я поражен, что лишь очень немногие люди, даже среди критиков доклада Комиссии Уоррена, обращают внимание на эту проблему. И, конечно, протагонисты, защитники и апологеты Комиссии просто игнорируют ее. Это одна из тех проблем, которыми Комиссия никогда не занималась, которые не анализировала; это один из вопросов, на которые Комиссия никогда не отвечала.

Губернатор Коннэли во время дачи показаний в Комиссии Уоррена не согласился с утверждением, что он был ранен той же самой «рыскающей пулей», что и Кеннеди. С этим утверждением, вошедшим в доклад комиссии, не согласились трое из семи членов Комиссии — сенаторы Дж. Купер, Р. Рассел и конгрессмен Х. Боггс. В 1967 году известнейший американский телевизионный комментатор Уолтер Кронкайт интервьюировал члена Комиссии Уоррена, известного юриста, дипломата, политика, миллионера Дж. Макклоя.

«Я думаю,— сказал Макклой,— что есть одна вещь, которую я бы обязательно сделал тогда: я настаивал бы на том, чтобы нам представили эти фотографии и рентгеновские снимки (вскрытия трупа Кеннеди.— Прим. авт.)».

В свете описанных событий независимые расследователи не верят Хьюмсу, что он сдал 24 ноября 1963 года в окончательном виде заключение о вскрытии. Кстати, они обращают внимание на такое «упущение», как отсутствие даты на этом важнейшем документе. Не менее подозрительно выглядит решение Хьюмса сжечь черновик заключения о вскрытии. Когда еще на заре своего расследования Лифтон познакомил со своей гипотезой о «перестройке» трупа бывшего юрисконсульта Комиссии Уоррена Либелера, тот ему ничего не сказал, но позднее в конфиденциальной беседе с редактором журнала «Лайф», как узнал Лифтон, Либелер выразил мнение, что черновой оригинал заключения был уничтожен неспроста: в нем были иные выводы, чем те, которые Хьюмс, Босуэлл и Финк подписали позднее.

В первые годы после убийства Кеннеди доктор Хьюмс никак не объяснял свое решение. Наконец, в 1978 году на слушаниях в специальной комиссии по расследованию убийств (СКРУ) он «очистил душу».

— В Дирборне, штат Мичиган, есть здание суда, которое посещал президент Линкольн,— говорил Хьюмс.— В помещении суда стоит сейчас кресло, в котором был убит Линкольн, когда он находился в вашингтонском театре Форд. Спинка кресла испачкана какой-то темной жидкостью. И по сей день идут жаркие дискуссии, от чего эти пятна — от крови убитого президента или от мажоранты — жидкости для окраски волос. И вот передо мной лежало несколько листов бумаги, некоторые из которых были в пятнах крови скончавшегося президента. И я знал, что мне придется сдать их властям. Было как-то неудобно это делать, и лишь по этой причине я переписал доклад на

другую бумагу, а те листки уничтожил.

Действия Хьюмса смахивали на работу капитана далласской полиции Уилла Фритца, который несколько часов допрашивал Освальда, а потом уничтожил свои записи и составил отчет о допросе «по памяти». Или на акцию исполнявшего обязанности директора ФБР Пэтрика Грея, который в 1972 году, получив секретные документы от Белого дома по уотергейтскому делу и совет от одного из помощников президента Р. Никсона выбросить их с моста через Потомак, привез их домой и предпочел сжечь в своем камине, хотя по дороге и проезжал через потомакский мост на 14-й улице Вашингтона. Кстати, согласно официальному объяснению, данному Хьюмсом в записке от 24 ноября 1963 года, он также сообщил, что сжег черновики в... камине.

Заметки на полях

В. В. ВЕЦЬ: Невозможно даже поверить, чтобы Хьюмс сжег такую важную вещь, как черновой оригинал заключения. В нашей стране протокол вскрытия пишется самим патологоанатомом или он его диктует и сразу подписывает, что является уже финалом, и в дальнейшем какие-либо доработки и исправления **КАТЕГОРИЧЕСКИ ИСКЛЮЧАЮТСЯ**. Иначе это станет простой подгонкой фактов под нужный ответ. Ну и просто несерьезно обсуждать необходимость представления даты протокола — без нее любой документ недействителен.

ПОВОРОТ НА 180 ГРАДУСОВ В... ГОЛОВЕ

Важность выводов главного патологоанатома была чрезвычайной. Они являлись как бы официальным дубликатом «лучшего свидетельства» — тела, похороненного на Арлингтонском кладбище. В глазах медицинского, юридического и политического миров Америки выводы, исходившие от Хьюмса (прежде всего) и подтвержденные его коллегами Босуэллом и Финком, составляли центральное звено официальной версии об убийстве 35-го президента Освальдом.

Мы уже касались поведения Хьюмса в секционном зале морга Бетесды, как об этом рассказывали очевидцы. Добавим с их слов некоторые штрихи. «Хьюмс был напуган до смерти в морге при виде открывшихся ему ран президента», — говорит Пол О'Коннор. Как и другие, Хьюмс был в ужасе от раны в голове, от зиявшей в черепе пустоты вместо мозга. В официальном заключении капитан дал размеры раны в затылочно-теменной и височной области — 10 см × 13 см (Босуэлл дал — 10 см × 17 см), или 130 кв. см. Нет ничего удивительного в том, что при виде такой зияющей дыры Хьюмс пришел в недоумение, когда узнал, что врачи в Далласе пытались спасти жизнь президента. После такого ранения **никаких** следов жизни в человеке не могло быть. Поэтому он на следующее утро после вскрытия, продолжая работу над протоколом о вскрытии, позвонил в Даллас доктору Перри и выразил, согласно воспоминаниям последнего, свое недоумение.

У Перри тоже возникло недоумение, ибо когда тело президента покидало Парклэндский мемориальный госпиталь, то рана на затылке была намного меньше. Доктор Кемп Кларк, возглавлявший группу далласских врачей, и

его коллега хирург Чарльз Кэррико утверждали, что ее размеры были не менее 4 см × 5 см и не более 5 см × 7 см. От их показаний отмахнулись. Странно, ведь Кемп Кларк был единственным нейрохирургом среди далласских врачей и, согласно всем официальным данным, единственным нейрохирургом, видевшим ранения на черепе президента. Сравнение называемой им величины раны с показаниями Хьюмса и Босуэлла свидетельствует, подчеркивает Лифтон, что кто-то сознательно расширил ее в отрезке времени между обследованием в Далласе и Бетесде.

Заметки на полях

А. К. УМРИХИН: Такое несовпадение суждений о размерах ран можно было бы объяснить различными способами измерений, бытующими у клиницистов-хирургов и патологоанатомов. У нас, например, прозектор при вскрытии обязательно определяет размеры внутренних органов и патологического очага линейкой (!) и точные данные регистрируются тут же в протоколе. В то же время я не знаю хирургов, которые бы во время операции пользовались линейкой — в операционной ране и без того всегда тесно! И они поэтому сравнивают опухоль с куриным яйцом, грецким орехом и пр. При таком измерении патологического процесса «на глазок», в том числе размеров раны, возможны неточности, но не в таких пределах, с какими мы сейчас столкнулись.

В официальном заключении о вскрытии говорится: «Смертельная пуля вошла в череп поверх и вправо от наружного затылочного бугра. Часть пули прошла сквозь черепную полость в **задне-переднем направлении**, оставляя на своем пути мельчайшие частицы. Часть пули прошла сквозь теменную кость с правой стороны, увлекая за собой частицы головного мозга, черепа и скальпа. Две черепные раны и сила попадания пули привели к обширному раздроблению черепа». Разъяснение, данное Хьюмсом, мало что проясняет. На заседании Комиссии Уоррена ее член, бывший директор ЦРУ Аллен Даллес спросил у Хьюмса:

— Прав ли я, поняв из того, что вы сказали, что эта рана совершенно не соответствует ране, которая могла бы быть нанесена, если бы в президента выстрелили спереди или сбоку: пуля должна была быть выстрелена в президента **сзади**?

Ловко был смонтирован вопрос бывшим шефом ЦРУ, который впервые после снятия его с поста Джоном Кеннеди в конце 1961 года вышел на политическую орбиту. Однако даже выдавшего виды Даллеса ждал сюрприз.

— Подходя **научно**, сэр, было невозможно, чтобы пуля была послана откуда-либо, кроме как **сзади**. Или чтобы она вышла откуда-либо, кроме как **сзади**.

Дэвид Лифтон, долго думавший над тем, как интерпретировать ответ Хьюмса, говорит, что патологоанатом, по сути дела, сравнивал траекторию пули с маневром автомобиля, который в виде знака, разрешающего разворот, поворачивает на 180° и едет по той же улице в обратную сторону. Хьюмс явно позволил себе издевку, ответив Даллесу, что пуля вошла сзади в голову, часть ее «развернулась» на 180° и вернулась назад, а точнее — не вернулась, а исчезла, испарилась. Ни полиция Далласа, ни ФБР не смогли ее найти.

Окончание следует.

Кубок «Огонька» у В. Чанова

Каждую осень, когда завершается очередной футбольный чемпионат, редакция журнала «Огонек» вручает Кубок лучшему вратарю сезона. В строю лауреатов нашего журнала стоят такие выдающиеся голкиперы, как Л. Яшин, получавший приз «Огонька» трижды, В. Маслаченко, Е. Рудаков, также обладатель трех Кубков, В. Банников, А. Кавказашвили и А. Прохоров — двукратные призеры «Огонька», а также Е. Котринадзе, Ю. Пшеничников, В. Пильгуй, В. Астаповский, Ю. Дегтярев, О. Габелия и Р. Дасаев. Теперь мы можем назвать имя нашего двадцать первого лауреата — вратаря московского «Торпедо» Вячеслава Чанова. Это третий страж ворот «Торпедо», получающий наш Кубок. (До него лауреатами «Огонька» были А. Кавказашвили и В. Банников.)

В нынешнем сезоне Вячеслав Чанов принял участие во всех тридцати четырех матчах (только в одном он был заменен в связи с травмой). Чанов пропустил всего 29 мячей (только киевские динамовцы пропустили на три мяча меньше).

Вячеслав из знаменитой футбольной династии. Его отец Виктор Чанов успешно выступал в команде «Шахтер», и Вячеслав сменил отца в воротах шахтерской команды. Три года назад он начал играть за «Торпедо», а в воротах «Шахтера» стал его младший брат.

Надежность, спокойствие, непрестанное стремление к высотам мастерства — вот отличительные черты Вячеслава Чанова.

Я. КАТИН

Фото Ю. Дороднова

...И ОГНЕМ И ПЕРОМ!

Ему было бы сейчас 60 лет, Владимиру Владимировичу Павлову, Герою Советского Союза, отважному партизану, писателю, журналисту, человеку доброму и широкому, рано, более шести лет назад, ушедшему из жизни.

22 июня 1941 года в составе воздушно-десантной бригады девятнадцатилетний Павлов принял первый бой с фашистами. В конце июня бригаду перебросили через линию фронта, и Владимир стал бесстрашным партизаном, бойцом диверсионно-подрывного взвода. Он пускал под откос вражеские эшелоны, взрывал мосты. В мирное время инженер Павлов строил их. А потом «строил» новую жизнь пером. Много лет работал в «Огоньке», был главным редактором газеты «Голос Родины» и журнала «Отчизна», писал книги, посвященные соратникам по боевым партизанским рейдам.

На вечер, посвященный шестидесятилетию В. В. Павлова, в Центральный Дом литераторов пришло много его боевых друзей, товарищей по работе, писателей, журналистов.

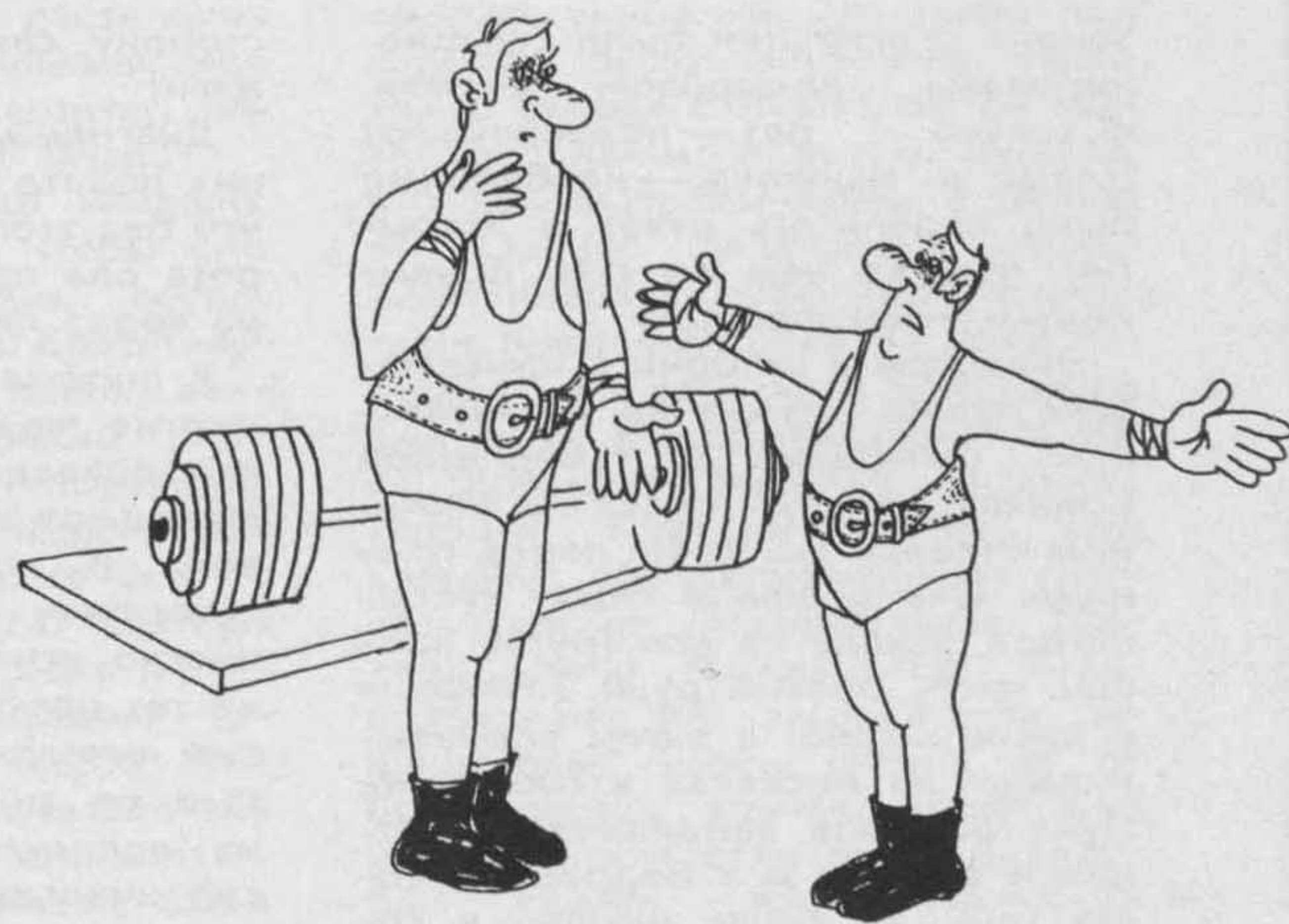
Яркие страницы жизни В. Павлова воскресили в своих выступлениях Герой Советского Союза, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Государственной премии УССР бывший партизан В. И. Клоков, бывший заместитель начальника штаба партизанского движения на Украине И. Г. Стариков, бывший командир 1-й Клетнянской партизанской бригады

Ф. С. Данченков, заместитель главного редактора газеты «Советская культура» писатель Б. В. Иванов, писатель Е. И. Рябчиков, поэт М. А. Соболев, главный редактор журнала «Отчизна» и газеты «Голос Родины» О. В. Куприн, народный артист РСФСР, кинорежиссер С. Н. Колосов, кандидат технических наук П. С. Костяев.

О боевых партизанских делах В. Павлова напомнила и пришедшая из Киева телеграмма дважды Героя Советского Союза, председателя комиссии по делам партизан при Президиуме Верховного Совета УССР А. Ф. Федорова.

На вечере выступили заслуженный артист РСФСР Л. Харитонов, лауреат международного конкурса музыкантов-исполнителей В. Селивохин, артисты филармонии С. Кабешев и Б. Шинкарев, прочитавшие рассказы В. Павлова.

— Только что вот такая штанга сорвалась!
Рис. В. Губы.

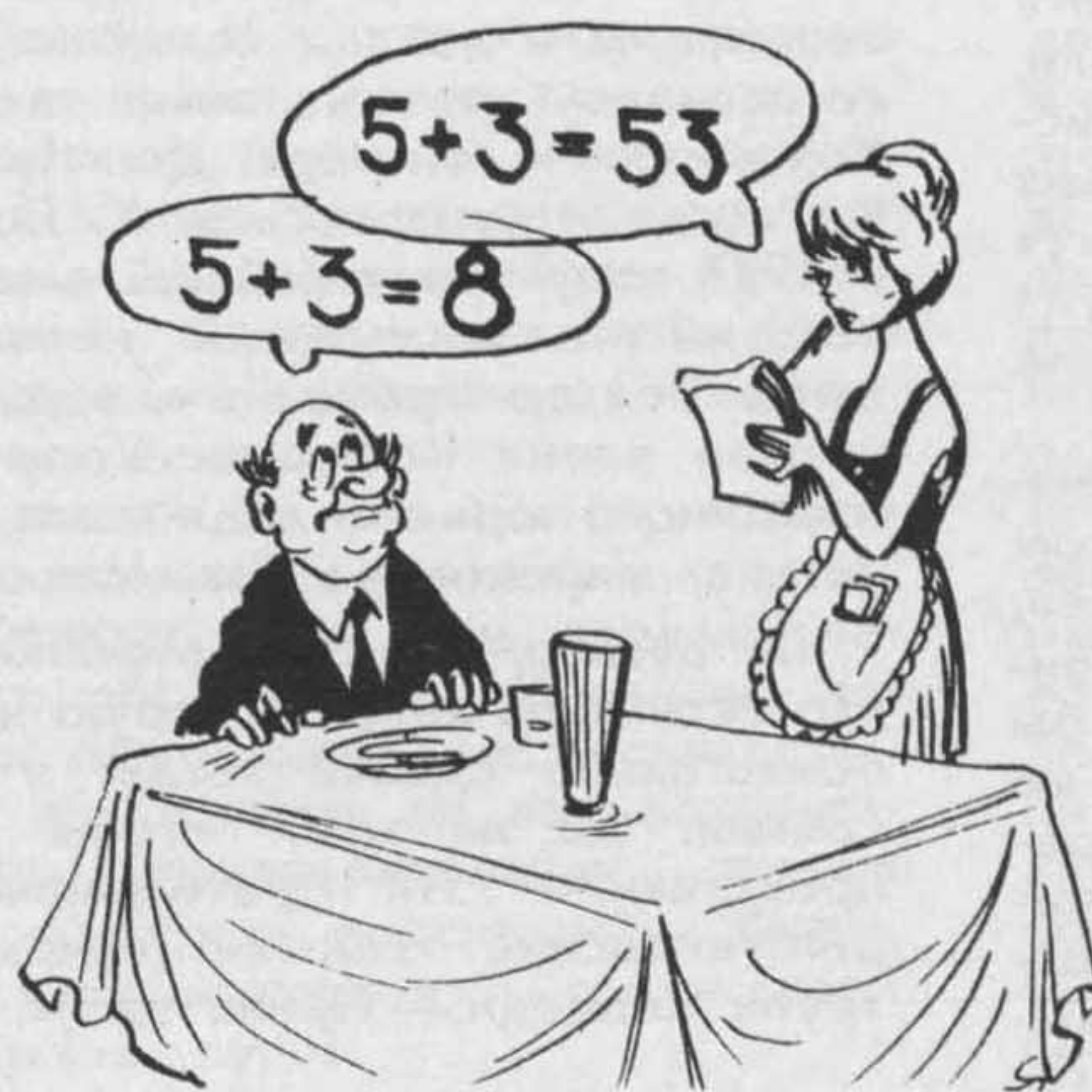

Рис. А. Шахгелдяна
(Баку).

Где ты, кастрюля?

С. КУЛЯБИН

ФЕЛЬЕТОН

Надо же было так случиться, что первый день моего очередного отпуска совпал с днем десятилетия нашей с женой совместной, можно сказать, счастливой семейной жизни.

Надумал я в этот замечательный день сделать своей спутнице жизни сюрприз. Пока жена была на работе, я решил приготовить праздничный обед. Ведь за все эти десять лет я только и слышал от нее: «Неумеха, нескладеха». И я захотел доказать, что это не так.

На всех четырех конфорках и в духовке у меня тушилось, парилось, варилось. И тут я размечтался — представил себе, как я сервирую стол, как раскладываю по тарелкам блюда собственного изготовления. Из раздумий меня вывел острый нехватки кислорода. Все, что стояло на плите, извергло сизый, удушающий дым. Ужас происшедшего я понял, когда начал вываливать сгоревшие останки несостоявшегося обеда в мусорное ведро. Любовь и гордость жены, все эти эмалированные кастрюли, судки и прочая и прочая были в таком виде, что на них без содрогания нельзя было смотреть. Мне стало ясно: если жена увидит плоды моего самоуверждения, день десятилетия юбилея станет последним днем моей супружеской жизни.

Правильно говорят: в момент сильного душевного потрясения человек способен принимать исключительно умные решения. И я решил: свою отпускную заначку, на которую собирался купить спиннинг, потрачу на новую кухонную посуду и скажу, что это мой по-

дарок к нашему с ней замечательному юбилею...

— Где тут у вас продается, в чем парят и варят? — нарочито бодро поинтересовался я в ближайшем хозяйстве.

— У нас самообслуживание, идите смотрите, — ответила молоденькая продавщица.

Я ходил, смотрел, но ничего, даже отдаленно напоминающего кастрюлю, не увидел. Нет, увидел: конусообразные блестящие предметы, оказавшиеся дачными умывальниками. Те самые, которые крепятся гвоздем к стене; чтобы полилась вода, нужно поддать рукой по штуковине, торчащей из дна. Занимали умывальники целую полку. Ничего из посуды, кроме умывальников, не было ни во втором, ни в третьем, ни в четвертом магазинах, торгующих хозяйственными товарами. На мои недоуменные вопросы: «Куда подевались все кастрюли, а заодно и поварешки, и дуршлага, и даже чайники?» — продавцы и продавщицы, молодые и пожилые, пожимали плечами:

— Эмалированная посуда изредка бывает, а насчет алюминия... Одно время было ее пруд пруди, а теперь куда-то подевалась.

В шестом магазине умывальников не было, на полках стояли эмалированные кастрюли и кастрюльки с ручками и без оных. Напротив стояли покупатели, казалось, что какой-то невидимый барьер не давал им сблизиться.

Причину я понял, прислушавшись к приглушенным разговорам:

Юмор

Рис. А. Орехова.

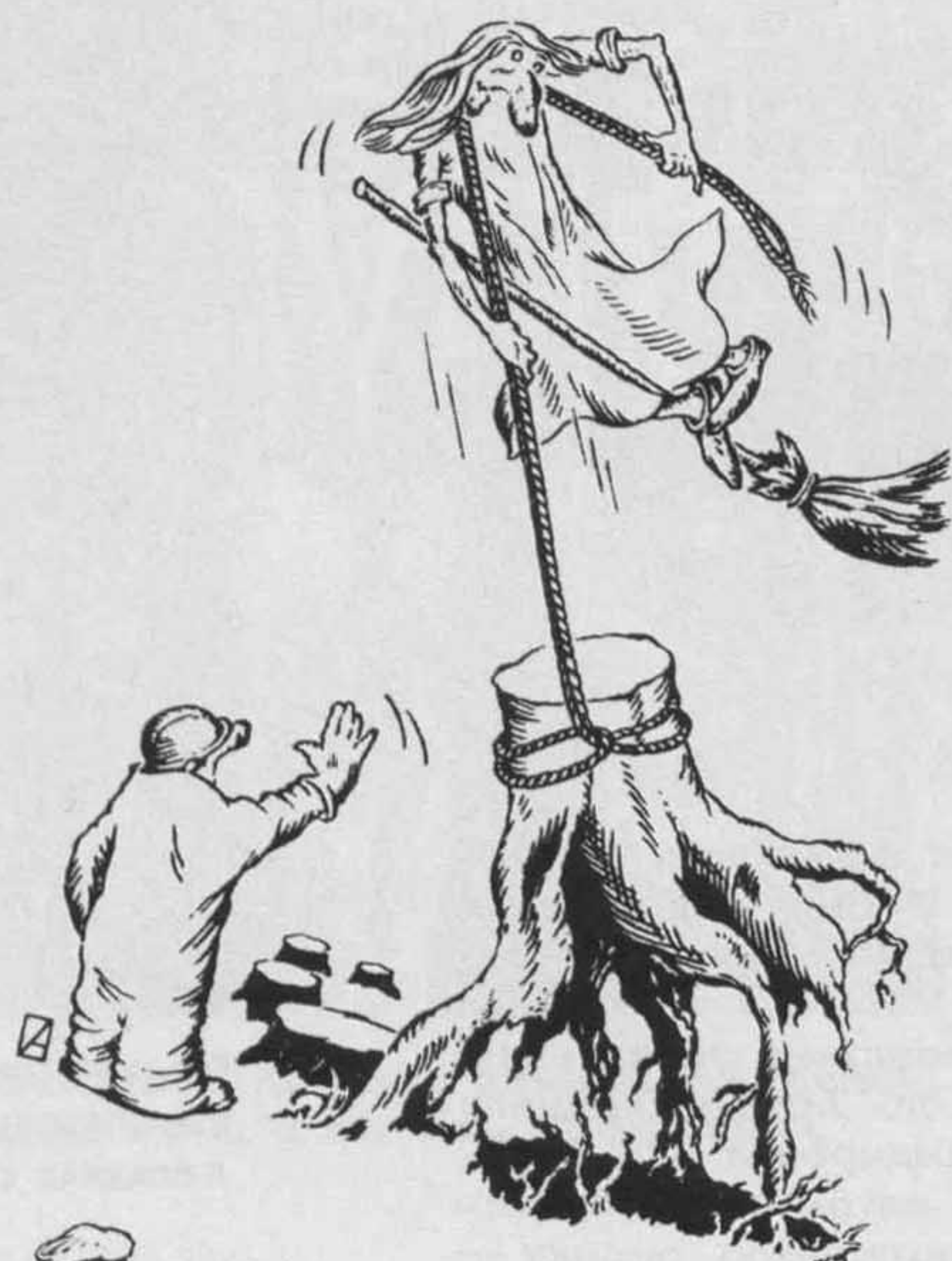

Рис. В. Дубова.

— Из-за цветочков все. Без цветочков кастрюля стоит три рубля, а нарисуют цветочек — почти шесть.

Подсчитав свои возможности, я сообразил, что возместить нанесенный урон домашнему кастрюльному парку смогу едва наполовину.

Были другие магазины с умывальниками и без умывальников, кастрюль не было нигде. Лихорадочно соображая, что лучше — половина или вообще ничего, — я поспешил вернуться в тот, шестой по счету магазин. Однако к моему приходу невидимый барьер, отделявший покупателей от посуды, рухнул. Полки были пусты.

Едва попадая дрожащим пальцем в дырочки диска телефона-автомата, я позвонил домой.

Она ответила не ледяным, а леденящим душу тоном:

— Если не достанешь новой посуды, домой не приходи.

Ночь я провел на вокзале. А утром решил: пойду к самому главному начальству, ведающему кастрюльному торговлей.

Руководитель «Мосхозторга» Николай Яковлевич Резник честно признался:

— В этом году мы не только выбрали все фонды, но даже продали алюминиевой посуды на несколько тысяч рублей больше.

Потом, любезно разъяснив мне разницу между литым алюминием, из которого изготовлены дачные умывальники, и листовым, из которого делают кастрюли, сотейники и дуршлаги, которых в продаже нет, посоветовал поговорить с руководящими товарищами из «Росхозторга». Они, дескать, стоят повыше, им виднее.

— Все правильно, — сказал заместитель начальника «Росхозторга» Леонид Максимович Белобок. — Москва продала алюминиевой посуды больше, чем ей полагалось. А посуды в магазинах нет. А вот цифры по Федерации: в 1981 году Министерством торговли СССР нам вместо заказанной посуды на 70 миллионов рублей было выдано на 52 миллиона.

На следующий год, — Леонид Максимович перевернул страничку и грустно улыбнулся, — намечено «значительное» улучшение. Нам обещают посуды уже на 53,5 мил-

лиона, опять же вместо просимых 70. Так что мой совет: обращайтесь в Минторг Союза.

— А что, — сказал я, — и обращаюсь. Дело касается моей личной семейной жизни. А семья, сами знаете, яичка...

— Знаю, знаю, — проводил меня до дверей Леонид Максимович. — Сам женат. Желаю успеха.

Тамара Ивановна Селиверстова, заведующая отделом посуды Министерства торговли СССР, хоть и начальник, но женщина, поэтому я решил больше нажимать на эмоции.

— Семья, — говорю, — рухнет. Сын Витя безотцовщиной может остаться. В разряд трудных подростков попадет. И все из-за какой-то несчастной кастрюли.

— Страшное дело, — согласилась Тамара Ивановна. — Только мы-то эти кастрюли не делаем, мы их продаем. Так что идите в Министерство авиационной промышленности...

— Может, вы чего не поняли, — объясняю. — Мне не самолет, мне кастрюлю надо.

— Все поняла, — успокоила меня Тамара Ивановна. — Это как раз одно из тех министерств, которые не выполняют план по алюминиевой посуде.

— А как дела с посудой эмалированной? — заодно интересуюсь. — Ее нам Минчермет поставляет. Из ста процентов наших заявок восемьдесят удовлетворяются.

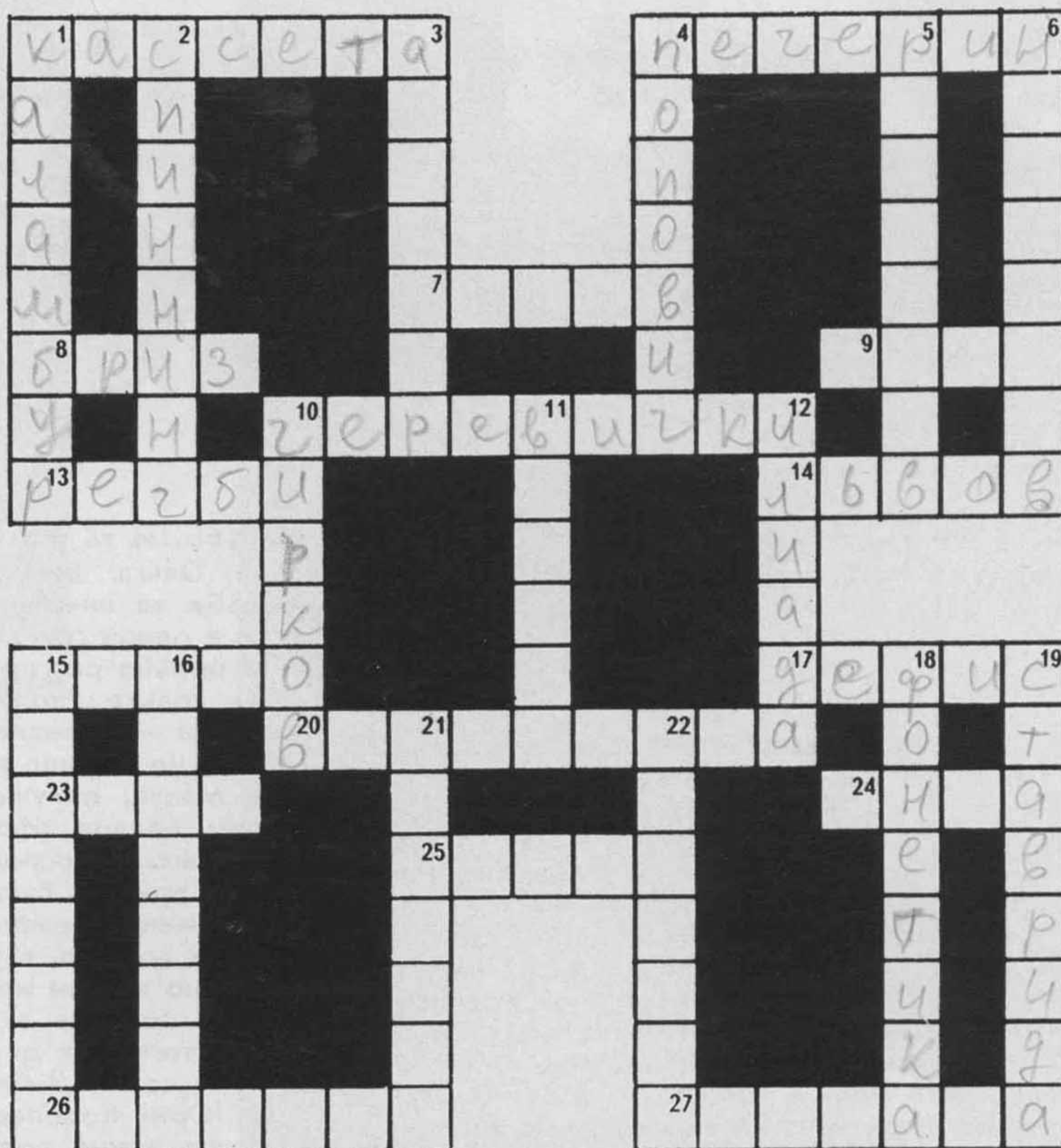
Чувствуя, на два министерства у меня нервной энергии не хватит. Пошел в МАП.

И. о. начальника главна Владимир Алексеевич Морозов цифрами не оперировал:

— На заводе, где изготавливают алюминиевую посуду, в августе — сентябре много народу было снято с производства на уборку урожая. Сейчас производство посуды вновь налажено, только вот худо с вагонами, в которых эту посуду нужно доставить потребителю. Вагоны заняты перевозкой того же урожая.

...Весь отпуск свой потратил на поиски кастрюль — безуспешно. Жена домой меня так и не пускает. Ночую у знакомых.

Уважаемые товарищи из обоих министерств — помогите!

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Светонепроницаемый футляр для пленки. 4. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 7. Автор поэмы «Двадцать шесть». 8. Ветер на берегах морей, озер. 9. Химический элемент, газ. 10. Опера П. И. Чайковского. 13. Спортивная командная игра с мячом. 14. Областной центр на Украине. 15. Действующий вулкан на острове Суматра. 17. Знак переноса или черта между словами. 20. Картина художника-передвижника В. Е. Маковского. 23. Площадка для бокса. 24. Приток Волги. 25. Торговая палатка. 26. Элемент конструкции крыла самолета. 27. Река в Индии.

По вертикали: 1. Комическое обыгрывание звукового сходства слов. 2. Спортивная рыболовная снасть. 3. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла. 4. Космонавт, дважды Герой Советского Союза. 5. Действующее лицо романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 6. Советский живописец. 10. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. 11. Порт в ГДР. 12. Древнегреческая эпическая поэма. 15. Поэт, представитель русского классицизма. 16. Прибор для измерения давления газов и жидкостей. 18. Раздел языкознания. 19. Промысловая морская рыба. 21. Ударно-клавишный музыкальный инструмент. 22. Русский путешественник XV века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 7. Светланов. 8. Короленко. 10. Канатоходец. 11. Брасс. 13. Копье. 15. Апшеронск. 17. Змеевик. 19. Пучина. 20. Инженер. 21. Андорра. 27. Облонский. 28. Гнейс. 30. Басов. 31. Красноперка. 32. Факультет. 33. Подборщик.

По вертикали: 1. Квадрант. 2. Флокс. 3. Бомарше. 4. Колонна. 5. Клецк. 6. «Школьник». 9. Вобрик. 12. Сухомлинский. 14. Ориентировка. 15. Аллегretto. 16. Курчатов. 18. Кедр. 19. Пума. 22. «Карнавал». 23. Каньон. 24. Забойщик. 25. Глиссер. 26. Аксенов. 29. Скула. 30. Басон.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Плакат 1941 года. Художники Н. Жуков, В. Климашин.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Противотанковые «ежи» — фрагмент монумента Славы, установленного под Москвой на 23-м километре Ленинградского шоссе.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 23.11.81. Подписано к печати 01.12.81. А 00471. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 2842. Заказ № 1484.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НАШИ ГИМНАСТЫ-ЧЕМПИОНЫ

**В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА**

Если кто-нибудь еще сомневался в том, что гимнастика наравне с легкой атлетикой и плаванием составляет основу олимпийских основ, то, посетив в эти дни спортивный комплекс «Олимпийский» на проспекте Мира, он должен был бы отказаться от своего неверия.

Одна из главных арен Московской Олимпиады стала на неделю резиденцией гимнастов 37 стран. После первых двух дней чемпионата определились лидеры первенства, которыми стали мужская и женская команды СССР. Разница была лишь в том, что наши гимнасты за своей спиной чувствовали дыхание японцев и спортсменов КНР, а гимнастки оспаривали золотые медали у китайских гимнасток и спортсменок ГДР. Да, на XXI чемпионате мира по гимнастике несколько изменилась привычная расстановка сил: на помосте появились сильные команды КНР и, наоборот, слегка поблекли команды Румынии, Венгрии, ФРГ. Да и японцы, неизменные победители многих чемпионатов мира и Олимпийских игр, теперь старались лишь удержаться на втором месте. В командном первенстве это им удалось, но в личном они выше третьей ступени пьедестала почета подняться так и не смогли. Ну, а у женщин весь пьедестал почета в личном первенстве заняли гимнастки СССР.

Командная победа — это результат слитных усилий всех шести гимнастов при исполнении обязательной и произвольной программы, а наши шестерки были подобраны блестяще. В них безошибочно был осуществлен важнейший командный принцип — слияние опыта и молодого задора. У мужчин мы увидели в одном строю абсолютного чемпиона Московской Олимпиады Александра Дитятину, его давнего соратника Александра Ткачева, уже известного гимнаста Богдана Макуца и представителей нового поколения: Юрия Королева, Артура Акопяна и Павла Сута. У женщин был достигнут такой же гармонический расклад: три многоопытные гимнастки — абсолютная олимпийская чемпионка Елена Давыдова, двукратная олимпийская чемпионка Мария Филатова, знакомая нам Стелла Захарова и три дебютантки — Наталья Ильенко, Елена Полевая и Ольга Бичерова.

Дружные усилия мужской и женской команд СССР закончились победой, а затем наступило время спора за абсолютное первенство. Вот на нем-то надо остановиться подробнее: уж очень ярко, я бы сказал, остро сюжетно сложились события на помосте.

Если подбор команд целиком зависит от дальновидности, умения тренеров, то ход борьбы, ее сюжетное напряжение во многом — дело случая, а случай может быть и хорошим и плохим режиссером. На чемпионате мира «товарищ Случай» оказался блистательным постановщиком. В самом деле, разве могли мы представить себе такую ситуацию, при которой и у мужчин и у женщин главные претенденты на личное первенство окажутся в одних и тех же группах. Ведь у мужчин этих финальных групп было шесть, а у женщин четыре. Но молодой гимнаст из Владимира Юрий Королев, наследник нашего замечательного гимнаста Николая Андрианова и уже прекрасно зарекомендовавший себя гимнаст из Львова Богдан Макуц, набравшие перед финальными соревнованиями наибольшее количество баллов, выступали вместе, на одних и тех же снарядах, давая возможность зрителям максимально ощутить напряженность

борьбы. И та же ситуация сложилась у женщин: Ольга Бичерова и Мария Филатова в борьбе за личное первенство оказались рядом в одной группе.

И борьба разгорелась поистине уникальная. Ведь только подумать: до предпоследнего снаряда — перекладины лидировал Юрий Королев, но именно на этом пятом снаряде Богдан Макуц, получив максимальную оценку — десять баллов, обогнал его на двадцать пять тысячных. А последним снарядом и для того и для другого был конь, который требует от спортсмена предельной собранности и умения крепко держать в руках не только ручки снаряда, но и свои нервы. В этих условиях мало кто сомневался в победе Макуца, особенно после того, как он получил за свое упражнение на коне 9,9 балла. Но вот к снаряду вышел Юрий Королев, вышел, зная, что ему для победы нужно получить не меньше чем 9,95 балла. Девятнадцатилетний студент из Владимира провел свое упражнение безукоризненно, в головокружительном темпе и, получив нужный ему балл, стал абсолютным чемпионом мира. Самым молодым чемпионом за всю историю гимнастики!

А на следующий день эта ситуация снова повторилась, на этот раз у женщин, правда, в своем и не менее колоритном варианте. Елена Давыдова на первом же снаряде — бревне плохо выполнила соскок и получила всего 9,35 балла, выпустив вперед пятнадцатилетнюю московскую школьницу Олю Бичерову, которая выполнила свое упражнение на брусках с достаточно высокой оценкой — 9,75 балла. И юная гимнастка уже никому не уступила своего лидерства, хотя в дальнейшем Давыдова выступала блестяще. А в это время Мария Филатова, так же как и Оля Бичерова начавшая свой путь в большой гимнастике в пятнадцать лет, тоже не теряла времени даром. Она закончила соревнование со вторым результатом дня, доказав, что и на «ветерана» (ветерану 20 лет!) можно положиться...

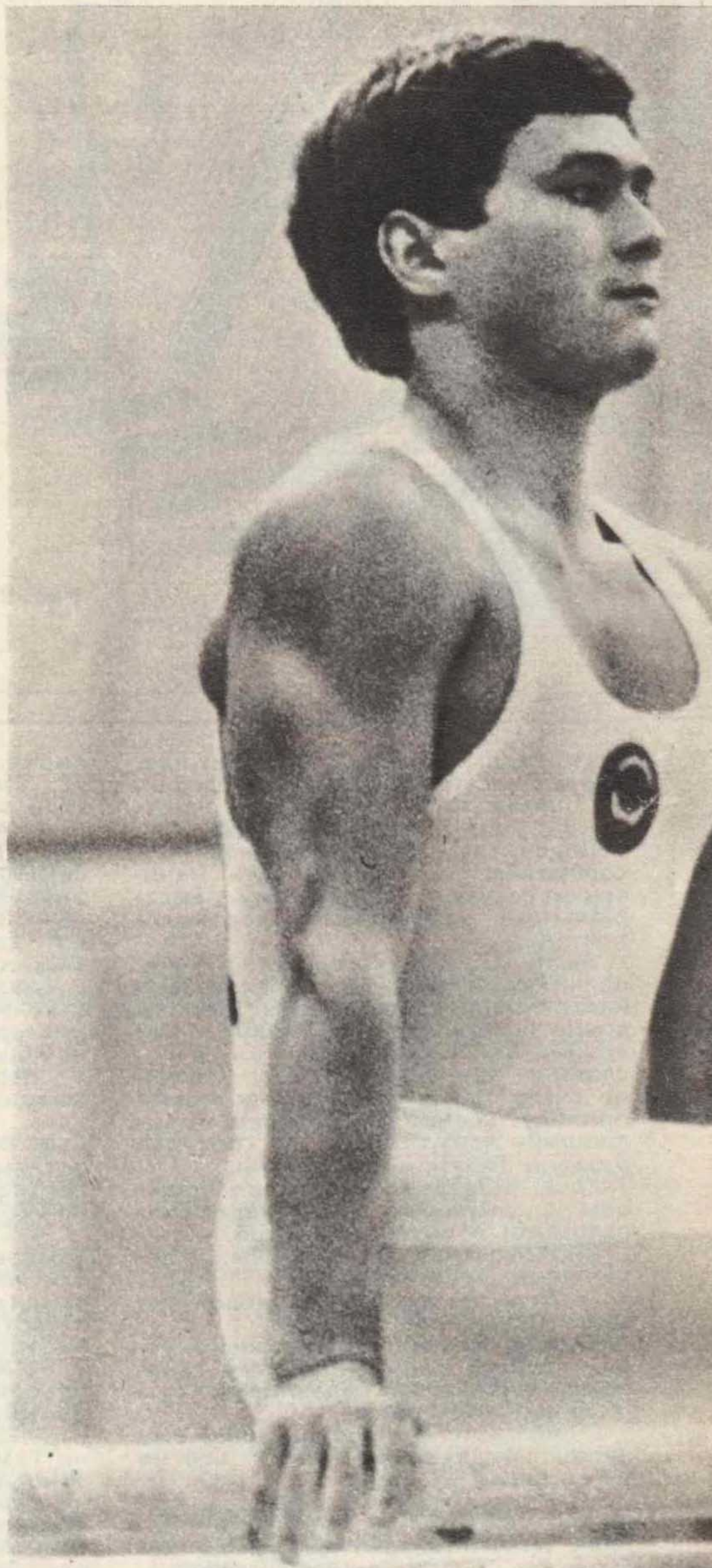
Когда в первые дни чемпионата на экранах телевизоров и на страницах газет появилось детски наивное, спокойное личико Оли Бичеровой, многие только руками развели. Неужели эта девчушка, отличница из 692-й московской школы, может тягаться с сильнейшими гимнастками мира?.. Но кто бы решился повторить этот вопрос через несколько дней, когда Оля, полная собственного достоинства, словно в ее победе не было ничего необычного, поднялась на высшую ступень пьедестала почета, чтобы получить свою первую золотую медаль?

Да, мы можем быть благодарны нашим тренерам и их питомцам: советские спортсмены выступили блестяще, а в последний день они завершили свой победный марш, завоевав девять призовых медалей на отдельных снарядах. Но и в этот день, под занавес чемпионата, «товарищ Случай» преподнес нам еще один сюрприз. Лидеры двух команд — наш Александр Дитятин и Макси Гнауц из женской команды ГДР — выступали травмированные. Ни Дитятин, ни Гнауц ни смогли проявить всех своих возможностей в борьбе за личное первенство, не закончив вольные упражнения, но выступая в последний день на отдельных снарядах, завоевали больше всех золотых медалей. Александр Дитятин был первым на брусках и кольцах, а Макси Гнауц — на бревне, в опорном прыжке и на разновысоких брусках.

Чемпионы мира — команда СССР. Тренер Л. Аркаев, А. Дитятин, Б. Макуц, А. Ткачев, А. Акопян, П. Сут, Ю. Королев.

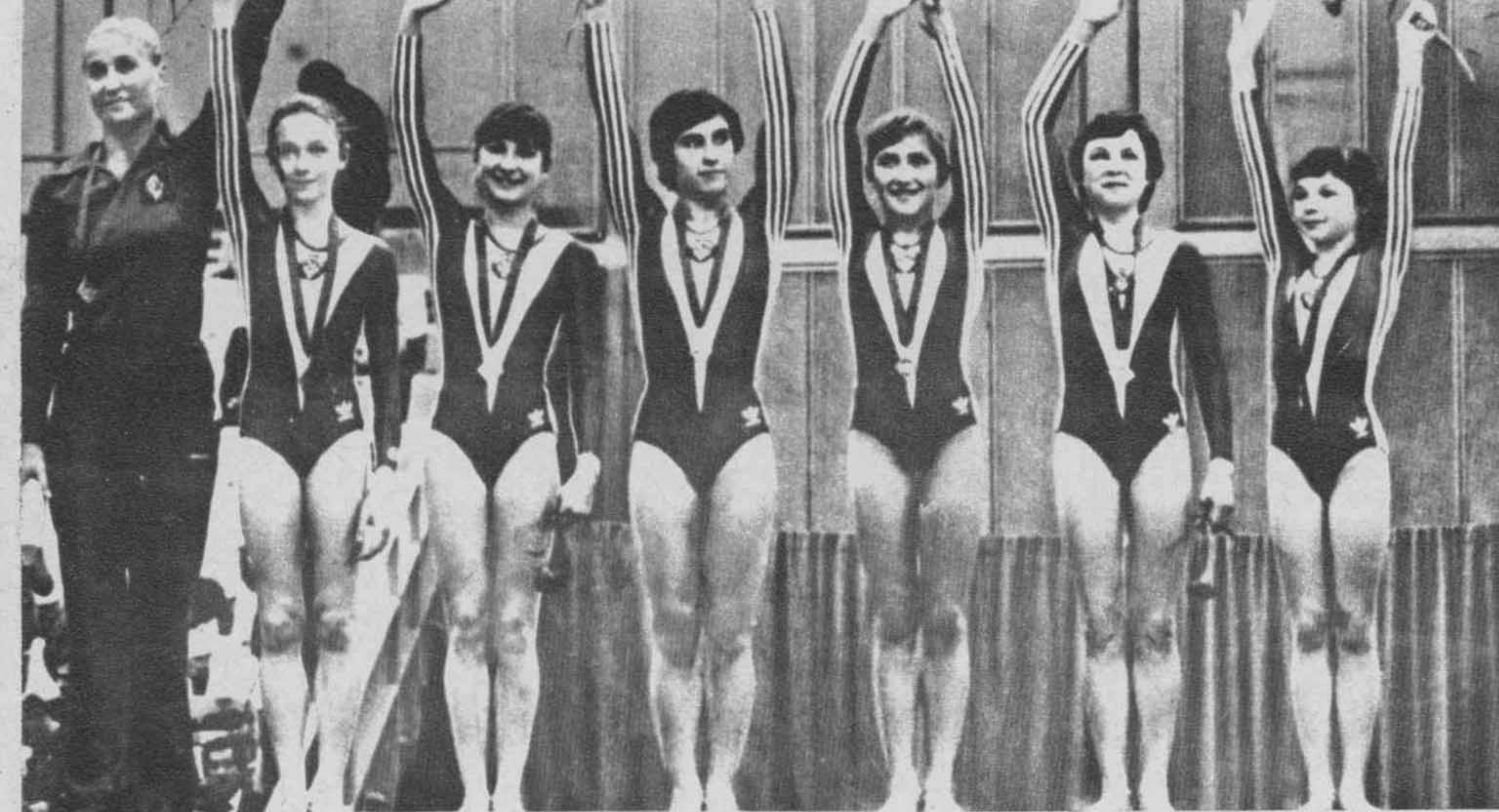

Гимнастка из ГДР Макси Гнауц — обладательница трех золотых медалей на отдельных снарядах.

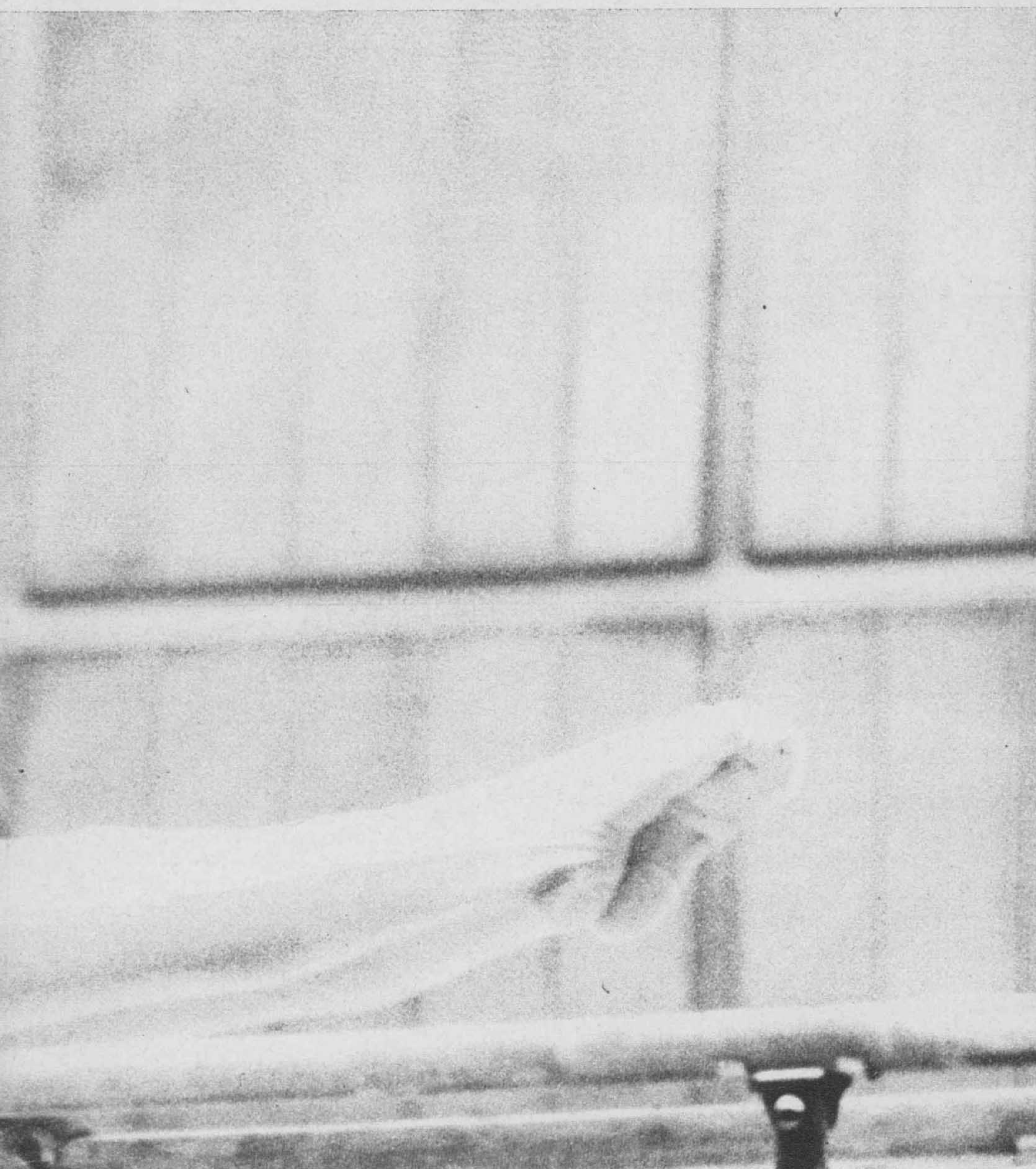

Юрий Королев — абсолютный чемпион мира.

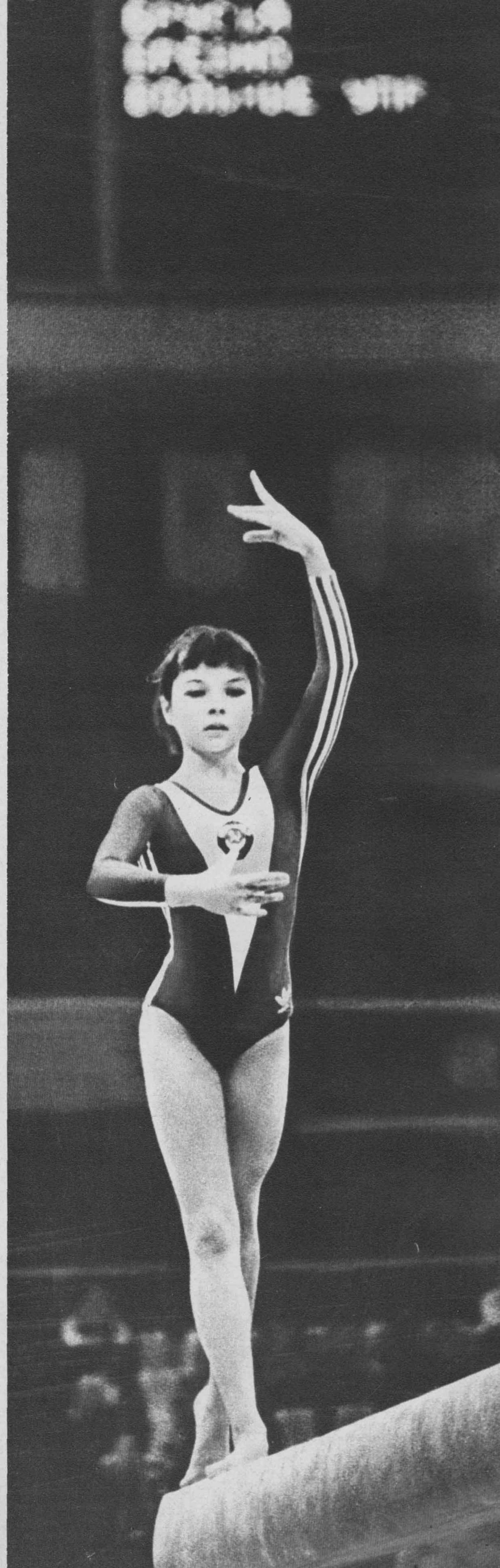
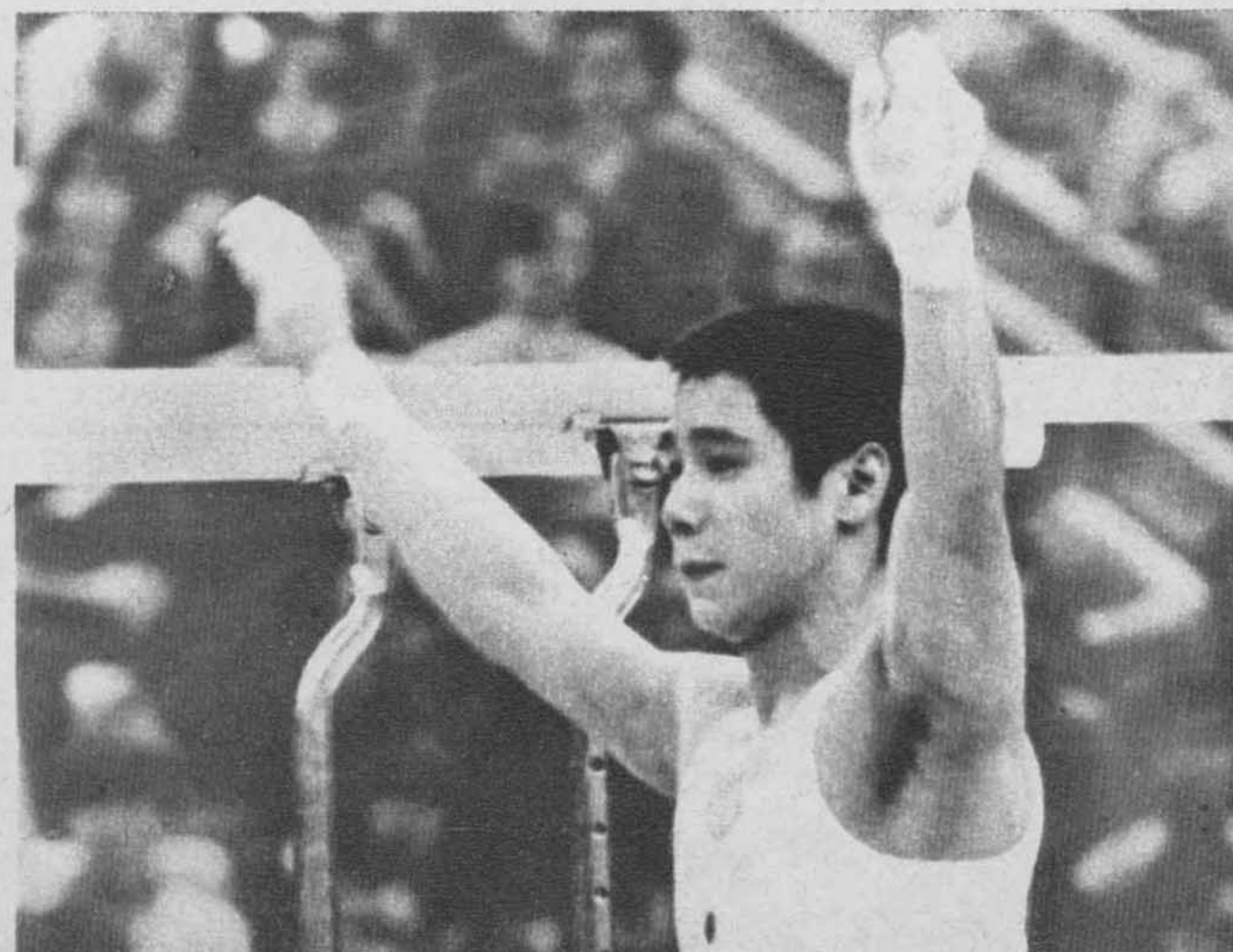

Чемпионы мира — команда СССР. П. Астахова — выводящий тренер, Н. Ильенко, Е. Полевая, С. Захарова, Е. Давыдова, М. Филатова, О. Бичерова.

Ольга Бичерова — абсолютная чемпионка мира. ▶

Лидер японской команды Кодзи Гусикен.

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663